



Найо Марш
Смерть в белом галстуке. Рука в перчатке
М.: АСТ, 2013

Ngaio Marsh
DEATH IN A WHITE TIE. HAND IN GLOVE
© Ngaio Marsh Ltd, 1930, 1962
© Перевод. В.Н. Соколов, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Вечеринка провинциальных аристократов закончилась скандалом – отставной адвокат Гарольд Картелл обвинил присутствующих в краже дорогого портсигара. А на следующий день, 1 апреля, кто-то «удачно пошутил» – убил Картелла...

Родерик Аллейн, которому поручено расследование, выясняет, что мотив и возможность избавиться от скандального адвоката были практически у каждого, кто был на той вечеринке...

Найо Марш

Рука в перчатке

Убийственно интересно
«Гардиан»

Действующие лица:

Альфред Белт – слуга мистера Пириода

Миссис Митчел – кухарка мистера Пириода

Мистер Персиваль Пайк Пириод

Николя Мэйтленд-Майн

Дезире, леди Бантлинг, – в замужестве миссис Бимбо Доддс, бывшая миссис Гарольд Картелл.

Урожденная Дезире Ормсбери

Эндрю Бантлинг – ее сын от первого брака

Бимбо Доддс – ее третий и последний муж

Мистер Гарольд Картелл – ее второй муж

Констанс Картелл – его сестра

Труди – ее горничная

Мэри Ралстон (Моппет) – приемная племянница Констанс Картелл

Леонард Лейсс

Джордж Коппер – владелец гаража

Миссис Николс – жена приходского священника в Рибблторпе

Суперинтендант Уильямс – полиция Литтл-Кодлинга

Сержант Райкс – полиция Литтл-Кодлинга

Мастер прокладки дренажных труб

Суперинтендант Родерик Аллейн – Скотленд-Ярд

Инспектор Фокс – Скотленд-Ярд

Детектив-сержант Томпсон – Скотленд-Ярд

Детектив-сержант Бейли – Скотленд-Ярд

Сэр Джеймс Кертис – патологоанатом

Доктор Электон – врач

Мистер Пайк Пириод

I

Альфред Белт ждал, пока закипит вода, и рассеянно разглядывал висевший на кухне календарь. *«Гараж Литтл-Кодлинга к вашим услугам. Обслуживаем с улыбкой! Джо Коппер»*. За заголовком следовало красочное фото – котенок в ботинке, а ниже располагались числа марта. Альфред аккуратно оторвал календарный лист и открыл новый, со смеющейся девочкой среди цветущих яблонь.

Он нагрел серебряную ложку с оттиснутой на ручке рыбой – гербом мистера Пайка Пириода, – развернул «Дейли пресс» и положил газету на поднос для завтрака. Засвистел электрический чайник, и тостер выплюнул горячий хлеб. Альфред заварил чай, положил ложку на серебряную подставку, переместил яйца и бекон со сковороды на блюдо, гравированное такой же рыбой, и понес все это вверх.

Он постучал в дверь и вошел в спальню. Мистер Пайк Пириод, седоволосый холостяк цветущего вида, слегка шевельнулся в своей кровати, всхрипнул, открыл большие карие глаза, прошамкал что-то беззубым ртом и смущенно покраснел.

– Доброе утро, сэр! – Поставив поднос, Альфред отвернулся, чтобы мистер Пириод мог без помех вставить свои зубы. Открыл шторы. Раннее утро за окном было свежим и зеленым. На фоне дальних холмов тонко вырисовывались чинные купы деревьев, на которых уже появились первые бутоны. В доме мисс Картелл, расположенном на другой стороне лужайки, из каминных труб курился легкий дымок, а в верхнем окне маячила ее австрийская горничная, вытряхивавшая половую тряпку. Чуть подальше на зеленом лужке мирно паслась кобыла мисс Картелл.

– Доброе утро, Альфред, – произнес мистер Пириод, на этот раз вполне отчетливо.

Слуга откинул штору с бокового окна, открыв небольшой, обнесенный стеной садик с домиком садовника и тропинкой, убегавшей через ворота на лужайку. За воротами тянулась канава, обрамленная земляным валом, и с мостиком из досок. Рядом копошились трое рабочих.

– Эти люди все еще на лужайке, сэр. – Альфред вернулся к кровати. Он положил на поднос очки мистера Пириода и налил в чашку чай.

– Да, они мне порядком надоели. Впрочем, не важно. О Боже! – вдруг воскликнул мистер Пириод, развернув газету и просматривая раздел некрологов.

Альфред терпеливо ждал.

– Почил лорд Ормсбери, – пояснил мистер Пириод.

– Почил, сэр?

– Умер. Видимо, вчера. Автомобильная авария. Какой ужас! Здесь сказано, ему было пятьдесят два. Кто бы мог подумать. «После него осталась сестра...» – прочитал он и издал горлом какой-то недовольный звук.

– Полагаю, имеется в виду Дезире, леди Бантлинг, сэр, – осмелился спросить Альфред, – из Бэйнсхолма?

– Именно так, Альфред. Именно так. Они не нашли ничего лучшего, как назвать ее вдовой. Она этого не выносит. И никогда не выносила. К тому же это неверно. В «Пресс» могли бы знать такие вещи.

Он продолжал читать. Выражение его лица, всегда немного инфантильного, было заинтересованным и увлеченным.

Внизу из сада послышался залиvistый лай.

– Боже милосердный! – пробормотал мистер Пириод и закрыл глаза.

– Я о ней позабочусь, сэр.

– Ни за что на свете я бы не... Не важно.

– Будут еще какие-то распоряжения, сэр?

– Что? Нет. Нет, спасибо. Вы помните, что к обеду будет мисс Картелл? И мисс Мэйтленд-Майн?

– Разумеется, сэр. Поезд прибывает в десять двадцать. Вам что-нибудь понадобится в библиотеке, сэр?

– Как будто нет. Она привезет с собой пишущую машинку. – Мистер Пириод посмотрел поверх газеты, словно раздумывая над своим решением. – Ее дед был генералом Мэйтленд-Майном. Моим старым другом.

– Неужели, сэр?

– О да. Да. И еще ее отец. Он погиб при Дюнкерке. Ужасная потеря.

В коридоре слышались приглушенные шаги. Потом кто-то забарабанил пальцами по двери и произнес высоким мужским голосом:

– Ванная свободна. Если угодно.

Шаги затихли.

Мистер Пириод вновь издал недовольный звук.

– Просто не могу верить, – пробормотал он. – Видимо, все эти недели придется принимать ванну по вечерам? – Пириод посмотрел на Альфреда и вздохнул: – Ну ладно. Спасибо.

– Спасибо вам, сэр, – кивнул Альфред и вышел из комнаты.

Проходя по лестничной площадке, он услышал, как мистер Картелл напевает в своей комнате. Альфред мысленно произнес: «Ничего из этого не выйдет и выйти не могло» – и спустился в кухню. Там он обнаружил кухарку, миссис Митчел, дородную и довольно импульсивную женщину. Они обменялись замечаниями о погоде и о том, что весна, похоже, все-таки вступила в свои права.

– Наверху все в порядке? – поинтересовалась миссис Митчел.

– Как всегда, миссис Эм.

Снаружи донесся хриплый лай, закончившийся громким воем.

– Ох, эта собака! – пробормотала миссис Митчел.

Альфред подошел к задней двери и толкнул створку. В открывшийся проем сломя голову влетел огромный боксер-полукровка.

– Вот сучка! – сдержанно, но с чувством произнес Альфред.

– Прочь! Убирайся с моей кухни! Фу! – замахала руками миссис Митчел.

– Пикси, ко мне!

Самка боксера присела и завильяла хвостом, умильно глядя на Альфреда.

– Пикси, наверх! Беги к хозяину.

Слуга схватил собаку за ошейник и потащил в коридор. Сверху раздался громкий свист. Псина радостно залаяла и рванула на лестницу, срываясь со ступеней лапами. Альфред проводил ее мрачным взглядом и вернулся на кухню.

– Это уж чересчур, – заметил он. – Мы так не договаривались. Никогда!

– Я бы совсем не возражала против симпатичного котенка.

– Вот именно. А эта собака тут все перевернет вверх дном!

– Просто кошмар. Ваш завтрак готов, мистер Белт. Свежее яйцо.

– Прекрасно!

Он сел за стол, на редкость аккуратный и внушительный мужчина, – так по крайней мере подумалось миссис Митчел. Она наблюдала за тем, как он взял яйцо и ударил ложечкой по скорлупе. Пустая оболочка треснула и развалилась на куски. Миссис Митчел закрылась передником и дрожащим голосом произнесла:

– С первым апреля, мистер Белт!

В ответ наступило глубокое молчание, и кухарка даже испугалась: не рассердился ли он? Но когда она выглянула из-за передника, Альфред просто шутливо помахивал ей чайной ложкой.

– Вы у меня дождетесь. Вы точно дождетесь, милочка. Погодите.

– Не думала, что вы клюнете на такой старый фокус!

– А ведь я и календарь сегодня отрывал.

– Ничего страшного. Там есть и настоящие. Под платком.

– Под салфеткой, – поправил ее Альфред. Он работал у мистера Пириода уже десять лет. – Наверно, вы не знаете, миссис Митчел, – заметил он, очищая скорлупу с яйца, – что апрельский День дурака восходит еще к временам древнего язычества.

– Надо же! Я просто диву даюсь, как это вы с вашими способностями не устроились куда-нибудь еще.

– Вам кажется, я недостаточно амбициозен? – Ложка Альфреда замерла на полпути ко рту. – Истина в том, что мне нравится служить. В благоприятных условиях это как раз то, что мне нужно. А

здесь условия весьма благоприятны... по крайней мере были.

В глубине дома зазвонил телефон.

– Я отвечу, – поспешно сказала миссис Митчел. – Продолжайте кушать.

Кухарка вышла из кухни. Альфред взял второе яйцо и «Дейли мейл» и управлялся с ними до тех пор, пока она не вернулась.

– Это была мисс Картелл, – сообщила кухарка.

– Вот как?

– Спрашивала брата. «О, – говорит, – миссис Митчел! Вы, – говорит, – как раз тот человек, с которым я хотела побеседовать!» Ну, вы знаете ее манеру. Нахальная, но очень милая.

Альфред слегка кивнул.

– Скажите, – говорит, – пока я еще ничего не обсудила с братом, но скажите, – говорит, – абсолютно откровенно, так сказать, между мной, вами и кладовкой: как по-вашему, выдержит ли ваша кухня, если на ленч придет еще два человека?» Представляете?

– Кого она имела в виду?

– Мисс Моппет и ее друга. Разумеется, мужского пола. Представляете? Уж если мы говорим о кухне, то вы сами знаете, мистер Белт, сколько народу можно накормить хорошим карри.

– Что вы ей ответили?

– Я говорю: «Конечно, мисс!» Вот так, напрямиком! «Не волнуйтесь, – говорю, – моя кухня готова к любой атаке». И соединила ее с братом.

– Мистеру Пириоду это не понравится.

– Еще бы! Он просто не выносит молодую леди, даром что у нее есть титул, и я его за это не виню. Уверена, мистер Картелл думает то же самое. А что вы хотите? У нее нет никаких связей. Старая дева нашла ее неизвестно где и воспитала так, чтобы она могла сойти за его племянницу, хотя, заметьте, сам мистер Картелл ее так никогда не называет. Она просто дрянная девчонка, и, попомните мои слова, мисс Картелл рано или поздно тоже это поймет.

Альфред отложил в сторону газету и продолжал завтракать.

– У нас есть договоренность, – произнес он, обращаясь скорее к самому себе, – и нам ее придется выполнять. Отдельные комнаты с общей ванной, общая еда и право каждой стороны приглашать своих гостей. – Альфред допил чай. – Но ничего из этого не выйдет и выйти не могло. Мы слишком долго жили сами по себе, чтобы теперь с кем-то объединяться. Вся эта суета... Вообразите, какой веселый нас ждет денек. Надо писать соболезнующее письмо – чтобы вы знали, миссис Эм, речь идет о брате леди Бантлинг, с которым она в последние лет десять не перекинулась и парой слов. Кроме того, придет молодая леди, чтобы помочь с книгой, а тут еще этот обед. Печально.

Кухарка подошла к двери и прислушалась.

– Это мистер Картелл, – прошептала она, кивнув на коридор. – Он спускается.

– Завтрак ждет его в гостиной, – нахмурив брови, сказал Альфред.

По двери простучала легкая барабанная дробь. Потом появилось лицо мистера Картелла, длинное, худое, слегка встревоженное и с натянутой улыбкой. Под ногами у него юлила Пикси. Альфред и миссис Митчел встали.

– Э... а... доброе утро, миссис Митчел. Доброе утро, Альфред. Я зашел сказать, что мне сейчас звонила моя сестра и просила узнать, сможем ли мы принять еще двух гостей. Надеюсь, вас это не очень затруднит, миссис Митчел? Учтывая, что мы сообщили в последнюю минуту?

– Ничего страшного. Мы отлично справимся, сэр.

– Правда? Прекрасно. Э... мистеру Пириоду я скажу сам.

Голова мистера Картелла исчезла, дверь закрылась, и в коридоре послышался его неуверенный свист.

Альфред в третий раз повторил фразу, которая вертелась у него в голове с самого утра:

– Ничего не выйдет и выйти не могло.

II

«– Саун-Ли! – провозгласил гулкий голос из репродуктора. – Саун-Ли! Первые четыре вагона в прибывшем поезде проследуют в Римбл, Борнли-Грин и Литтл-Кодлинг. Остальные вагоны

отправятся в Фортемпстед и Рибблторп. Пожалуйста, убедитесь, что вы находитесь в нужной части поезда. Первые четыре вагона...»

Николя Мэйтленд-Майн довольно раздраженно выслушала это сообщение.

– Но я понятия не имею, в какой части поезда нахожусь! – обратилась она к своим попутчикам. – Какой это вагон?

– Пятый, – ответил сидевший в углу мужчина. – Следующая остановка Фортемпстед.

– Вот черт! – весело ругнулась Николя и бросилась доставать с полки пишущую машинку и пальто.

Кто-то открыл ей дверь. Она выскочила на платформу, пробежала несколько шагов и забралась в соседний вагон, пока громкоговоритель уныло объявлял: «Пассажиров, следующих в Римбл, Борнли-Грин и Литтл-Кодлинг, просят занять свои места».

Первое купе оказалось занято, второе тоже. Она прошла по коридору, заглянула в третье и тяжело вздохнула.

Высокий молодой мужчина, стоявший дальше по коридору, подсказал:

– В конце вагона полно свободных мест.

– Но я еду вторым классом.

– И все-таки на вашем месте я бы рискнул. Если появится кондуктор, вы всегда можете доплатить, но на этих станциях он никогда не появляется. Не сомневайтесь.

– Ну ладно, я так и сделаю. Спасибо.

Молодой человек открыл купе первого класса. Она вошла внутрь – здесь никого не было. На диванчике лежали зонтик, котелок и «Таймс», принадлежавшие, судя по всему, ее новому знакомому. Она устроилась напротив. Закрыв дверь, мужчина остался в коридоре и закурил, повернувшись к ней спиной.

Пару минут Николя смотрела в окно. Потом вспомнила про незаконченный кроссворд и достала из кармана пальто свой экземпляр «Таймс».

Восемь по горизонтали. *«Транспортное средство, на котором можно свалиться с неба (6 букв)».*

Когда поезд с ревом пронесся под уклон и начал замедлять ход перед Кэбстоком, ее вдруг осенило.

– О Господи! Конечно, «фаэтон», какая же я дура!

Она подняла голову и увидела молодого человека, который сидел напротив и смотрел на нее с улыбкой.

– Я тоже на этом застрял, – заметил он.

– А сколько слов вы угадали?

– Все, кроме пяти. Увы.

– И я столько же, – призналась Николя.

– Может быть, это те же самые слова? Давайте посмотрим.

Он взял свою газету, и девушка мельком заметила что-то красное под ногтем его указательного пальца.

Они принялись вместе разгадывать кроссворд. Удивительно, сколько людей завязывают знакомство таким способом. Когда в газету вписали последнее слово, Римбл и Борнли-Грин остались позади.

– Прекрасно, – улыбнулся молодой человек, складывая газету, – мы с вами примерно в одном классе.

– В кроссворде – может быть, но уж точно не в поезде. Господи, где мы едем?

– Подъезжаем к Кодлингу. Мне здесь сходить, какая досада.

– И мне тоже! – воскликнула Николя, вскакивая с места.

– Вы серьезно? Вот здорово! – рассмеялся молодой человек. – Я проведу вас через турникет. Пойдемте. Вы наденете пальто? Дайте мне эту штуку; это что, пишущая машинка? Простите мой дурацкий котелок, вечером меня пригласили на коктейль. Где же мой зонтик? Все, выходим.

Они оказались единственными пассажирами, сошедшими в Литтл-Кодлинге. Светило солнце, аромат цветов и деревенской зелени смешивался с вокзальным запахом извести и штукатурки. Николя почти не удивилась, когда ее попутчик показал на выходе билет второго класса.

– Все развлекается, мистер Бантлинг, – пробормотал стоявший у турникета служащий.

Николя махнула ему своим билетиком, и они вышли на дорогу. Воздух был чист и свеж, в живой

изгороди щебетали птицы. Чуть дальше стоял обшарпанный автомобиль с маячившим рядом невозмутимым водителем.

– Так-так, – произнес молодой человек. – Вот и «катафалк». Видимо, за вами.

– Вы думаете? А почему «катафалк»?

– Ну, за мной бы машину не прислали. Доброе утро, мистер Коппер.

– Доброе утро, сэр. А вы, я полагаю, мисс Мэйтленд-Майн? – Водитель коснулся козырька фуражки.

Николя ответила, что да, это она, и шофер открыл дверцу.

– Позвольте и вас подвезти, сэр. Мистер Картелл просил о вас позаботиться.

– Как! – воскликнул молодой человек, уставившись на Николя. – Значит, вы тоже направляетесь в логово Старого холостяка?

– Я приехала к мистеру Пайку Пириоду. Или тут какая-то ошибка?

– Никакой ошибки. Садитесь.

– Хорошо, если так, – ответила Николя, и они влезли в салон. Мотор взревел, машина с грохотом потащила по шоссе. – Почему все же «катафалк»? – снова спросила Николя.

– Скоро увидите. Я собираюсь навестить своего отчима, мистера Гарольда Картелла. Он живет в одном доме с мистером Пайком Пириодом.

– А я буду машинисткой у мистера Пайка Пириода.

– Вы просто луч света в этом темном царстве. Крепче держитесь за поручни! – крикнул молодой человек, изображая трамвайного кондуктора.

Автомобиль резко свернул с дороги, проскочил прямо под капотом огромного грузовика с подъемным краном и штабелями труб и тут же заглох. Водитель грузовика пронзительно загудел.

Его пассажир высунул голову из кабины.

– Тебе что, жить надоело, Джек?!

Мистер Коппер никак не отреагировал на его слова и снова завел мотор. Николя увидела, что они свернули с главной улицы поселка и двинулись в сторону пустыря.

– Ну как, душа в пятках? Теперь понятно, почему «катафалк»? – Молодой человек наклонился ближе к ней: – Здесь есть еще одно прекрасное такси, но Пайк Пириод предпочитает мистера Коппера, потому что бедняга на грани разорения. – Он повысил голос: – Очень ловкий маневр, мистер Коппер!

– Они думают, что могут делать здесь все, что хотят, – пробурчал водитель. – Вырыли канаву прямо перед домом мистера Пириода, а спрашивается: зачем? Неизвестно.

Он свернул налево, проехал по короткой подъездной аллее и остановился перед небольшим домом в григорианском стиле.

– Приехали, – сообщил молодой человек.

Выйдя из салона, он достал пишущую машинку Николя, взял свой зонтик и пошарил в кармане. Несмотря на мощное телосложение и огромный рост, двигался он быстро и легко.

– Никакой платы, мистер Бантлинг, – остановил его шофер. – Мистер Пириод распорядился.

– О, вот как... Ну, возьмите хоть на чай.

– Большое спасибо, но не нужно. Вы в порядке, мисс Мэйтленд-Майн?

– В полном, – ответила Николя и выбралась наружу.

Автомобиль дернулся, загрохотал и с ревом пополз дальше. Взглянув направо, она увидела над изгородью кран и крышу грузовика. Оттуда доносились мужские голоса.

Парадная дверь открылась, и на пороге появился невысокий смуглый мужчина в шерстяном пальто.

– Доброе утро, Альфред, – поздоровался ее спутник. – Как видите, я привез вам мисс Мэйтленд-Майн.

– Джентльмены уже ждут вас, сэр.

Из двери, захлебываясь лаем, выскочила Пикси.

– Тихо! – строго приказал Альфред.

Собака заскулила, припала к земле и вдруг подлетела к Николя. Встав на задние лапы, она завертела хвостом и заскребла когтями по ее коленям.

– Эй! – возмущенно крикнул мистер Бантлинг. – Убери-ка лапы!

Он оттащил ворчавшую Пикси в сторону.

– Прошу прощения, мисс, – сдержанно произнес Альфред. – Уверен, она просто играла. Прошу вас, входите, мисс.

Николя оказалась в маленьком, но очень элегантном холле. Он выглядел как рекламная картинка в глянцево-м журнале с надписью: «Оригинальный интерьер в григорианском стиле». Бездна стилия, но ни капли оригинальности.

Альфред открыл дверь в библиотеку:

– Сюда, пожалуйста. Мистер Пириод будет с минуты на минуту.

Николя вошла в комнату. Ее спутник последовал за ней и водрузил пишущую машинку на стол.

– Никак не могу понять, для какой работы вас пригласил Пи Пи? Не помню, чтобы он когда-нибудь писал соблезнующие письма на машинке.

– Вы о чем?

– После узнаете. Теперь мне придется вас покинуть, чтобы исполнить свой злосчастный долг. Можете пожелать мне удачи.

Что-то в его тоне привлекло ее внимание. Николя подняла голову: мистер Бантлинг смотрел на нее, с сомнением поджав губы.

– Нет смысла заранее готовить себя ко всяким неприятностям, верно? – пробормотал он. – Настраивать себя на нужный лад.

– Ну почему же! Как раз наоборот, – с пафосом заявила Николя. – Правильный настрой – это ключ к успеху.

– По-моему, весьма сомнительный девиз.

– А по-моему, абсолютно правильный.

– Хотел бы я вам верить. Жаль, что мы не сможем увидаться за карри. Я обедаю с мамой, она живет у моря со своим третьим мужем.

– Откуда вы знаете, что будет карри?

– Оно всегда в меню.

– Отлично. Желаю вам удачи.

– Большое спасибо. – Он улыбнулся. – Приятной работы!

– А вам – приятной охоты! Если вы охотитесь.

Мистер Бантлинг прижал палец к носу, посмотрел на нее с таинственным видом и ушел.

Николя открыла печатную машинку, достала пачку бумаги и оглядела библиотеку.

Та выглядела точно так же, как холл, – много вкуса и ни малейшей индивидуальности. Окна выходили на аллею перед домом и розовый сад.

Над камином висела какая-то мрачная акварель. Рядом на стене красовались литографии на спортивные темы, большая картина с бородатым гвардейцем, размахивавшим мечом на фоне грозового неба, и выцветшее фото, где угрюмая компания членов королевской семьи устраивала за городом пикник. Самый темный угол украшало вставленное в рамку генеалогическое древо со множеством веток и гербов, ощетилившихся шпагами и копьями. На книжных полках громоздились подписные издания и толстые романы, в том числе экземпляр «Хэндли Кросс». Отдельной кучкой стояли избранные вещи: Дебретт, Берк, каталог «Келлис» и «Кто есть кто». Письменный стол был плотно заставлен фотографиями в серебряных рамках. Каждый снимок красноречиво говорил о консерватизме фотоателье и о вышколенной чопорности тех, кто позировал фотографу.

В боковом окне Николя увидела розовый садик мистера Пириода, живую изгородь и железные ворота, выходящие на лужайку. За воротами тянулась канава с перекинутыми через нее досками, дальше высился земляной вал и уже знакомый ей грузовик, откуда рабочие с помощью крана выгружали дренажные трубы.

Вдалеке слышались мужские голоса. Николя предположила, что разговор ведут ее дорожный попутчик (как там зовут этого парня?) и его отчим.

Она увлеченно размышляла о своем новом знакомом, когда дверь отворилась и вошел мистер Пайк Пириод.

III

Это был высокий пожилой мужчина, сутуловатый, с серебристой шевелюрой, большими карими глазами и маленьким ртом. Превосходный костюм из слегка поношенного, но добротного твида придавал ему по-домашнему уютный и ухоженный вид.

Мистер Пириод приблизился к Николаю, высоко подняв руку с изящно изогнутой кистью: манера бывшего работника министерства иностранных дел или на худой конец Британского содружества.

– Очень любезно с вашей стороны. Ваш приезд для меня – настоящая удача.

Они обменялись рукопожатиями.

– Я самый любопытный старикан на свете, – продолжал мистер Пириод, – и мне смертельно хочется узнать: вы ведь дочь Бэзила, не так ли?

Николя удивленно ответила, что так.

– Бэзила Мэйтленд-Майна? – деликатно уточнил мистер Пириод.

– Да, хотя приставка «Мэйтленд» меня не так уж вдохновляет.

– Ну это вы зря. Уважаемый старинный род. Такие вещи очень важны.

– Можно язык сломать.

– Не важно! Значит, вы дочурка старины Бэзила? Признаюсь, меня это очень радует, потому что ваш дед был одним из моих лучших друзей. Немного старше меня, правда, но он относился к тем солдатам старой школы, которые никогда не давали вам почувствовать разницу в возрасте.

Николя, помнившая своего деда как вздорного старого эгоиста, пробормотала что-то неопределенное. Мистер Пириод посмотрел на нее, склонив голову набок.

– А теперь, – сообщил он весело, – я должен вам кое в чем признаться. Не хотите присесть? Когда я обратился к знакомым и друзьям с просьбой порыться в своих записных книжках и порекомендовать мне человека, который умеет хорошо печатать на машинке, они назвали мне несколько имен, и я сразу выбрал именно вас. Угадайте почему?

У Николая были на этот счет свои подозрения, и ей стало не по себе. Но что-то в мистере Пириоде – может быть, его простодушие – вызывало в ней невольную симпатию. Николая знала, как следует отвечать на такой вопрос, поэтому добросовестно улыбнулась и покачала головой.

Мистер Пириод бодро уселся на ручку кресла и объяснил:

– Потому что почувствовал: мы с вами – как бы это поточнее выразить – сойдемся во взглядах. Будем говорить на одном языке. – Он помолчал и с улыбкой добавил: – Ну а про меня вы и так все знаете. Я просто ходячий анахронизм. Ледниковый Пириод, так сказать.

Николя рассмеялась, но невольно подумала, что наверняка он часто повторяет эту остроту.

Мистер Пириод присоединился к ее смеху.

– В общем, – заключил он, – скажу вам как сноб снобу: я безумно рад, что вы – это вы. Хотя такие вещи не следует говорить в наш демократичный век. – Он заговорщицки прикусил нижнюю губу и поднял плечи, образовав почти правильную дугу. – Однако не стоит забывать традиции, – наставительно добавил мистер Пайк Пириод.

– В агентстве мне толком не объяснили, в чем будет заключаться моя работа.

– Ну да, да! Потому, что они и сами не знают. Я кое-что задумал.

Что именно он задумал, выяснилось далеко не сразу: мистер Пириод еще долго ходил вокруг да около. Наконец он признался, что пишет книгу по просьбе директора одного книжного издательства.

– Как здорово, – сказала Николая, – когда книгу просит написать человек, который сам же ее издаст.

Мистер Пириод рассмеялся:

– Дитя мое, уверяю вас, сам бы я до этого никогда не додумался. Честно говоря, сначала я решил, что он меня разыгрывает. Оказалось – нет. В конце концов я позволил себя уговорить – и вот вы здесь.

– Это ваши мемуары?

– Нет. Хотя я вполне мог бы... но нет. Вы ни за что не догадаетесь!

Николя и не пыталась: она молча ждала продолжения.

– Как бы вам лучше объяснить? Только не смейтесь! Видите ли, в такое необычное время, как наше, многие люди часто оказываются там, где совсем не ожидали: люди очень умные и вполне

успешные, с этим никто не спорит, но, как говаривали в старину, не совсем комильфо... И вот они попадают в хорошее общество и чувствуют себя, мягко говоря, не в своей тарелке.

Наконец все стало ясно: мистеру Пириоду поручили написать книгу по этикету. Николая решила, что издатель выбрал на редкость удачную кандидатуру. За всю жизнь она прочитала только одно пособие по этикету, викторианскую книжку, которую ее брат как-то откопал на чердаке и над которой они потом долго потешались. «Для дамы оглядываться через плечо или тем более заглядывать за спину, – цитировал брат, – есть признак дурного воспитания, особенно если она находится за границей».

«Не следует пренебрегать галантностью и учтивостью в семейном кругу, – парировала Николая. – Брат всегда должен вставать, когда сестра входит в комнату, и открывать ей дверь, если она выражает намерение выйти».

«В свою очередь, – подхватывал брат, – сестра обязана показать, что заметила этот знак внимания: например, легкой улыбкой или негромким “спасибо”».

Мистер Пириод словно прочитал ее мысли.

– Разумеется, все знают, что об этом думали в Викторианскую эпоху – чудесное, кстати, было время. Среди наших современников тоже попадались понимающие люди: взять хотя бы бедняжку Фелисите Санкье-Бонд, которая погибла в авткатастрофе, помните? И конечно, не стоит забывать про нашу дорогую Нэнси. В общем, задача не из легких. Итак...

Однако, продолжал он, Николая будет печатать черновики его заметок и распределять их по соответствующим рубрикам. Например: «Бальные танцы», «Полезные мелочи», «Обед в узком кругу», «Игра четвером», «Приглашения и поздравления», «Неловкие ситуации», «Первые шаги дебютанта: обеды и победы», «Секреты чаевых».

И конечно, отдельной главой: «Полное руководство по правилам переписки».

Очень скоро ей предстояло убедиться, что мистер Пириод весьма искушен в сочинении писем.

Особенно хорошо ему удавались соболезнования.

IV

Они принялись за дело. Николая устроилась за столиком возле балкона, а мистер Пириод – за письменным столом перед окном.

Работа оказалась трудной. Мистер Пириод то и дело перескакивал с одной темы на другую и хватался за новые мысли, как только они приходили ему в голову. Часто трудно было понять, куда вставлять тот или иной пассаж. «Никогда не складывайте свою салфетку (само собой, слово «платок» тут абсолютно не годится), просто положите ее рядом на столе». Николая поместила этот фрагмент в раздел «Застольный этикет», но засомневалась, сочтет ли мистер Пириод подобный заголовок достаточно «рафинированным» – словечко, которое он часто употреблял.

Подняв голову, она обнаружила, что ее работодатель сидит за столом в каком-то подобии транса: с отрешенным видом и карандашом, застывшим над листом бумаги.

Мистер Пириод заметил ее взгляд и пробормотал:

– Вот, хочу написать несколько строчек моей дорогой Дезире Бантлинг. То есть так называемой Дезире Бантлинг. Вдове, как именуют ее в «Пресс». Вы ведь видели сообщение об Ормсбери?

Николя понятия не имела, какое горе постигло вдову леди Бантлинг – смерть мужа или развод, – и покачала головой:

– Не видела.

– Ох, эти письма с соболезнованиями! – вздохнул мистер Пириод с легкой ноткой самодовольства. – Трудная задача!

Наверху раздался знакомый голос: «...могу сказать только одно: я дьявольски жалею, что вообще обратился к вам с этой просьбой, черт бы вас побрал!»

Кто-то быстро спустился с лестницы и прошел по коридору. Хлопнула входная дверь. Николая увидела через балкон своего дорожного попутчика, который с багровым лицом шагал по дорожке, сердито размахивая котелком.

«Он забыл свой зонтик», – подумала она.

– О Господи, – пробормотал мистер Пириод. – Вот вам и неловкая ситуация, будь она неладна. Эндрю и его вспышки гнева. Вы, конечно, с ним знакомы.

– Только с сегодняшнего утра.

– С Эндрю Бантлингом? Дорогуша, он сын той самой леди Бантлинг, о которой мы говорили. То есть Дезире, сестры Ормсбери. Бобо Бантлинг – отец Эндрю – был первым из трех ее мужей. Старшая ветвь рода, седьмой барон. Унаследовал титула пэра... – Здесь последовал один из классических экскурсов мистера Пириода в генеалогию. – Моя дорогая Николая, – продолжал он, – надеюсь, вы позволите мне воспользоваться правом старого друга вашей семьи?

– Конечно.

– Спасибо. Так вот, Николая, вы должны знать, что в этом доме я живу не один. Нет! Мы делим его пополам. Я и мой давний друг по имени Гарольд Картелл. Мы заключили договор и надеемся, что он устроит нас обоих. Гарольд – отчим и опекун Эндрю. Он бывший адвокат. Думаю, нет смысла говорить о мамаше Эндрю, – добавил мистер Пириод, неожиданно употребив простонародное словцо. – Бедняжка и так слишком известна.

– И она действительно леди Бантлинг?

– Нет, Дезире незаконно носит титул, ведь она вступила во второй, совершенно нелепый брак.

– То есть на самом деле она миссис Гарольд Картелл?

– Уже нет. Все кончилось довольно быстро. Увы. Теперь она миссис Бимбо Доддс. Бантлинг. Картелл. Доддс. В таком порядке.

– Ах да! – Николая наконец вспомнила скандальную вдову.

– Вот именно. Как говорится, добавить нечего. – Мистер Пириод скорбно согнул плечи. – А Хэл Картелл был поверенным и душеприказчиком лорда Бантлинга и теперь стал распорядителем наследства Эндрю. Кстати, я сам являюсь вторым распорядителем и очень надеюсь, что это не доставит мне лишних хлопот. Ну вот, а потом, – бодро продолжил он, – то есть после смерти Бантлинга, Хэл Картелл стал официальным опекуном Эндрю. В то время Дезире находилась в весьма плачевном состоянии, и у Эндрю были все шансы остаться сиротой. Но тут на глаза вдове попался Хэл Картелл. Она, как говорится, проглотила его с потрохами – понимаете, о чем я? Тем более что ей всегда шел черный цвет. Но они совсем не подходили друг другу. Так или иначе, Гарольд остался опекуном и распорядителем имущества Эндрю, который вступит во владение наследством только в двадцать пять лет, то есть через полгода. Сейчас он служит в британской гвардии, но собирается уйти в отставку и заняться живописью, что звучит довольно неожиданно. Может быть, из-за этого они сегодня и поссорились. Очень жаль. Бантлинги всегда служили в гвардии. Если уж бедняге так захотелось рисовать, почему бы не сделать это своим хобби? Что бы сказал его отец! – Мистер Пириод махнул рукой.

– А почему Эндрю не стал лордом Бантлингом?

– Когда его отец женился на Дезире, он был вдовцом с ребенком. Титул, разумеется, унаследовал старший сын.

– Разумеется, – вежливо поддакнула Николая.

– Вы, наверно, удивляетесь, зачем я вдаюсь во все эти тонкости? Во-первых, потому, что они меня забавляют, а во-вторых, вам так или иначе придется участвовать в жизни этого дома, и поскольку я делю его с Хэлом Картеллом, мы будем... так сказать, пересекаться. На самом деле, – добавил он, нахмурившись, – мы пересечемся уже за обедом. К нам присоединится наша соседка Конни Картелл, сестра Гарольда. Со своей... э... протее, так называемой племянницей, которую она, не знаю где, откопала. Зовут эту девушку Мэри Ралстон, но у нее есть странное прозвище – Моппет. Кажется, она приведет с собой друга. Не важно! Вернемся к Дезире. Она и ее Бимбо часто живут во вдовьем гнездышке в Бэйнсхолме, всего в паре миль от нас. Кажется, Эндрю там сегодня ужинает. Мать собиралась заехать за ним сюда, и я надеюсь, что теперь он не удерет обратно в Лондон: это было бы слишком неудобно и утомительно для него.

– Значит, миссис Доддс... я хотела сказать, леди Бантлинг, и мистер Картелл все еще...

– Ну да, конечно! Они по-прежнему друзья. Дезире никогда не помнит зла. Она вообще необыкновенный человек. Я ее искренне люблю, но у нее на все свои правила. Например, никто не знает, как она отреагирует на смерть Ормсбери – собственного брата. Думаю, когда Дезире приедет, лучше вообще не упоминать его имя. Проще ей написать... Но вам, наверно, уже надоели все эти скучные сплетни. К делу, дитя мое! К делу!

Они снова взялись за работу. Николя кое-как продвигалась с распечаткой и сортировкой записей, пока не наткнулась на обрывочный текст, напоминавший черновик письма. «Моя дорогая, – начиналось послание, – что я могу сказать? Только то, что Вы потеряли любящего брата, – дальше шел пробел, – а я старого и преданного друга ». Письмо продолжалось дальше в том же духе, с большим количеством помарок и пустых мест. Можно ли поместить его в «Полное руководство по правилам переписки»? И действительно ли оно задумано как образец?

Она положила листок перед мистером Пириодом:

– Не пойму, куда это вставить.

Тот посмотрел на бумагу и густо покраснел:

– Нет-нет. Это не нужно. Спасибо. – Он сунул листок под свой блокнот и, тихо насвистывая, сложил написанное им письмо. – Ну вот, – произнес мистер Пириод с наигранной небрежностью, – можно его отправить.

Николя сделала себе пометку и вернулась к работе. Она почувствовала, что мистер Пириод нервничает. Последовала довольно нелепая пантомима, во время которой они три или четыре раза украдкой обменивались взглядами, притворяясь, что ничего не происходит.

Наконец Николя не выдержала:

– Простите. У меня есть дурацкая привычка тарачиться на людей, когда я пытаюсь сконцентрироваться.

– Ах, дитя мое, ничего подобного! Это я веду себя непростительно. Дело в том, – он робко улыбнулся, – что у меня есть одна личная проблема, которой я хотел бы с вами поделиться.

Николя промолчала, не зная, что ответить.

Мистер Пириод, собравшись с духом, продолжил, махнув рукой:

– Это пустяк, конечно. Ерунда. Просто мой издатель решил украсить книгу иллюстрациями и в том числе – только не смейтесь – поместить на фронтиспис мою ужасную физиономию. Мне сказали, что желательно не фото, а портрет. Не знаю почему, но они решили, что у меня должен быть портрет. А его как раз нет.

– Как жаль, – сочувственно отозвалась Николя. – Значит, придется сделать фотографию.

– Ну да. Я сначала так и подумал. Но потом... они так настаивали... и я решил, что... в общем, друзья уговаривают меня сделать эту глупость. Просто рисунок. Даже не знаю, на что решиться. – Было ясно, что мистер Пириод умирает от желания получить свой портрет и готов выложить за него кругленькую сумму. Он назвал имена нескольких известных художников и вдруг заявил: – Жаль, что Агата Трой так разборчива в своих моделях. Она как-то отказалась рисовать, да, отказалась наотрез... – Тут мистер Пириод назвал одно очень громкое имя и уставился на Николя с мрачным торжеством. – А уж такого бедолагу, как я, ей и в голову не придет писать! – воскликнул он. – Никогда!

– Ну почему. Она часто... – начала Николя и прикусила язык. Чуть не сморозила глупость.

К счастью, мистера Пириода отвлекло возвращение Эндрю Бантлинга. Тот появился в конце аллеи, все так же сердито шагая по дорожке и размахивая котелком, с сосредоточенной решимостью на худощавом привлекательном лице.

– Он вернулся, – сказала Николя.

– Эндрю? Очень хорошо. Интересно зачем.

Скоро они это узнали. Дверь открылась, и на пороге появился Эндрю.

– Простите, что помешал, – произнес он громко, – но, если вы не возражаете, я хотел бы с вами побеседовать, Пи Пи.

– О, мой мальчик! Разумеется.

– Мне нечего скрывать от Николя, совсем напротив. Но я ни в коей мере не хочу ей досаждать.

Мистер Пириод игриво возразил:

– Кто ей досаждает, так это я. Может быть, переместимся в гостиную и оставим бедную девушку в покое?

– О, прекрасно. Спасибо. Простите. – Эндрю бросил на Николя невидящий взгляд и открыл дверь.

Мистер Пириод отвесил ей легкий поклон:

– Прошу нас извинить, дорогуша.

Когда они удалились, Николя продолжала трудиться, пока ее не прервали. В дверь заглянул невысокий худой мужчина, раздраженно бросил:

– Прошу прощения. Вот черт! – и исчез. Очевидно, это был мистер Картелл.

В одиннадцать появился Альфред – с бокалом хереса, бисквитами и извинениями от мистера Пириода. Если у нее возникнут какие-то трудности, она может позвонить, и Альфред немедленно все ему передаст. Трудностей у Николая не было, однако, с удовольствием выпив вино, она обнаружила, что рассеянно чертит на бумаге какие-то каракули.

«Господи, помилуй! Что это я делаю? Еще немного такой работы, и я сама превращусь в мистера Пириода».

Прошло еще два часа. В доме было очень тихо. Изредка до нее долетали какие-то звуки: голоса, шаги, шум машины на лужайке. Иногда она размышляла о своем работодателе. К какой категории снобов относился мистер Пириод (старый, но неизменно увлекательный вопрос)? Был ли он снобом старой школы, искренним приверженцем традиций, обожавшим аристократов и вельмож? Или потомком древнего рода, одного из некогда славных, но забытых семейств, которые тешат свое самолюбие тем, что наотрез отказываются от титула? Вряд ли. На мистера Пириода это было не похоже. Сомнительно, что он стал бы отказываться от титула, хотя...

Ее внимание привлекла аллея. К дому под оглушительный лай Пикси двигались три человека. Впереди шла крупная краснолицая женщина средних лет в твидовом костюме, помятой шляпе и с прогулочной тростью, за ней бледная девушка с модной прической и молодой человек, показавшийся Николаю на редкость безобразным. Последние двое плелись за своей старшей спутницей, которая что-то кричала и размахивала тростью, указывая на перекопанную землю. До Николая доносились ее высокомерный голос и взрывы громкого хохота. Когда она на секунду устремила взгляд в сторону, девушка быстро и страстно поцеловала своего спутника в губы.

Смелый маневр, подумала Николая.

Пикси кинулась на молодого человека, и тот пнул ее ногой по ребрам. Собака взвизгнула и отскочила. Женщина резко обернулась, но молодой человек невинно улыбнулся. Они обогнули угол дома. Сквозь боковое окно Николая увидела, как они разглядывали канаву. Потом все трое вернулись на аллею.

В коридоре послышались шаги. Одна за другой открылось несколько дверей. Из дома выскочил мистер Картелл и поздоровался с немолодой женщиной, которая, как заметила Николая, чем-то его напоминала, только в более крупном варианте. «Это его сестра, – догадалась она. – Конни. И Моппет, ее приемная племянница, со своим кошмарным дружкой. Неудивительно, что мистер Пириод не в восторге».

Они скрылись из виду. В коридоре послышались обрывки разговора (среди других отчетливо выделялся голос мистера Пириода), который быстро затих где-то в глубине дома.

Вдруг в библиотеку вошел Эндрю Бантлинг:

– Мне поручили пригласить вас на коктейль. Правда, должен предупредить, что компания будет не из лучших. Мой брюзгливый отчим, с которым я стараюсь не общаться, его нахальная сестрица и ее полудохлая приемная не-знаю-кто со своим ужасным другом. Пойдемте.

– Может, мне удастся увильнуть и скромно пообедать в одиночестве?

– Даже не надейтесь. Пи Пи разорвет вас в клочья. Он уже прожужжал им все уши про вас и про то, как ему с вами повезло.

– Я не хочу коктейль. С меня хватило хереса.

– Для вас найдется томатный сок. Идите. Для вашего же блага.

– Ну, если так... – протянула Николая и накрыла крышкой пишущую машинку.

– Вот и прекрасно. – Эндрю взял ее за руку. – У меня было скверное утро, вы даже не представляете насколько. А как ваши дела?

– Надеюсь, что хорошо.

– Он пишет книгу?

– Это конфиденциальная информация.

– Я бы покраснел, но дальше уже некуда. – Эндрю потащил ее в коридор. – Вас интересует живопись?

– Да. А вы пишете картины?

– Как вы догадались?

– По краске у вас под ногтем. А еще мне сказал мистер Пириод.

– Ох уж этот болтун! – воскликнул Эндрю, но не удержался от улыбки. – А вы, я вижу, смышленная

девица. О Боже, смотрите, кто здесь!

Альфред открыл входную дверь и впустил в дом экстравагантного вида женщину с мандариновой шевелюрой, огромными глазами, бледно-оранжевым ртом и добродушно-вульгарной улыбкой. Вслед за ней появился тихий, ничем не примечательный мужчина намного моложе ее.

– Привет, мам! – поздоровался Эндрю. – Привет, Бимбо.

– О, дорогой мой! – воскликнула Дезире Доддс, она же леди Бантлинг.

– Привет! – отозвался Бимбо, ее муж.

Николя представили гостям, и они вместе направились в гостиную.

Там Николя встретила множество людей, с которыми очень скоро – иногда неохотно, а иногда с огромным удовольствием – ей предстояло познакомиться поближе.

Обед

I

Мистер Пайк Пириод сразу вцепился в Николая. Он провел ее по комнате, познакомив сначала с мистером Картеллом, «леди Бантлинг» и мистером Доддсом, затем с мисс Конни Картелл и, наконец, без особого энтузиазма, с приемной племянницей Мэри, или Моппет, и ее другом мистером Леонардом Лейссом.

Мисс Картелл воскликнула:

– О, я о вас слышана, ха-ха-ха!

Мистер Картелл буркнул:

– Кажется, я вас побеспокоил. Искал Пи Пи. Простите.

Моппет затараторила:

– Привет! Вы занимаетесь стенографией? Я как-то пыталась, но вместо слов получились одни каракули. Пришлось бросить.

Мистер Лейсс вяло улыбнулся Николаю и вяло пожал ей руку. У него было землисто-бледное лицо с круглыми глазами, большим ртом и узким подбородком. Из рукавов его ярко-клетчатого пиджака чуть ли не на полметра торчали манжеты рубашки. От него резко несло лаком для волос. Во всем остальном в нем не было ничего отталкивающего.

Мистер Картелл, судя по всему, являлся человеком сухим и педантичным. Но сейчас он выглядел взвинченным и раздраженным. Неудивительно, решила Николая, если учесть состав его гостей: молодой пасынок (с которым он, очевидно, только что поссорился), бывшая жена, ее муж, бесцеремонная сестрица, ее мнимая племянница, которую мистер Картелл явно недолюбливал, да еще мистер Лейсс. Мистер Картелл нервно ходил по комнате и часто прикладывался к бокалам со спиртным.

– Пусть Леонард сделает мне выпивку, ладно, дядя Хэл? – попросила Моппет. – Он знает, что меня вставляет.

Мистер Пириод закатил глаза, и мистер Картелл это заметил.

Мисс Картелл поспешно отреагировала:

– Нет, вы только послушайте, как выражается эта молодежь! С ума сойти! – и разразилась лошадиным хохотом.

Похоже, она обожает эту Моппет, подумала Николая. Леонард ловко смешал два тройных мартини.

Эндрю принес Николаю томатный сок и остался рядом с ней. Они почти не разговаривали, но ей нравилось его соседство.

Тем временем леди Бантлинг вручила мистеру Пириоду подарок, очевидно, по случаю недавнего дня рождения: тяжелое медное пресс-папье в форме выгнувшейся рыбы. Николая удивилась, что подарок привел его в такой восторг, но скоро поняла почему.

– О, дорогая Дезире! – воскликнул он. – Это же мой герб! Какая красота, какой вкус! Конни! Взгляни на это! Хэл, посмотри!

Пресс-папье стали передавать из рук в руки, пока Эндрю не отнес его на стол мистера Пириода.

Когда он вернулся, к нему подскочила Моппет.

– Эндрю, – прошептала она, – ты должен обязательно поговорить с Леонардом. Он знает массу владельцев галерей. Ты даже не представляешь, как он тебе может пригодиться. Пойдем, ты с ним побеседуеть.

– Честно говоря, я не знаю, что мне говорить, Моппет.

– Я тебе подскажу. Эй, Леонард! Мы хотим с тобой кое о чем поболтать.

– Да, конечно. А в чем дело? – Леонард направился к ним с напитками.

Эндрю сразу же повернулся к Николаю:

– На каком поезде вы вернетесь?

– Не знаю.

– А когда закончите работу?

– Думаю, часа в четыре.

– Есть хороший поезд в двадцать минут пятого. Я за вами зайду. Вы не против?

К ним подошла его мать.

– К сожалению, нам пора, – сообщила она, дружелюбно улыбнувшись Николаю. – Ленч сегодня будет рано, Эндрю, потому что вечером нас ждет большая вечеринка. Кстати, ты на нее останешься?

– Боюсь, что не смогу.

– Конечно, сможешь, если захочешь. Ты нам очень нужен. Я говорила тебе о наших планах, но мы все решили только вчера вечером. Это будет вечеринка в честь Дня дурака – по-моему, хороший повод. Бимбо все утро висел на телефоне.

– Нам пора, дорогая, – напомнил за ее плечом Бимбо.

– Знаю. Ну ладно. До свидания. – Она протянула руку Николаю. – Вы часто будете приезжать к Пи Пи?

– Наверно, часто.

– Тогда уговорите его свозить вас в Бэйнсхолм. Мы уходим, Гарольд. Спасибо за отличные коктейли. До свидания, Пи Пи. Не забудьте про обед, ладно?

– Ни в коем случае!

– Приходите обязательно.

– Я тут подумал... может быть, дражайшая Дезире, лучше вы?.. То есть... я полагал...

– Милый мой, о чем вы говорите. – Леди Бантлинг поцеловала его в щеку. Она мельком взглянула на Моппет и Леонарда. – До свидания. Пойдемте, мальчики.

Эндрю прошептал Николаю:

– Я позвоню насчет поезда.

Он тоже попрощался: тепло и сердечно с мистером Пириодом и очень холодно – со своим отчимом.

Моппет недовольно надула губы:

– А я хотела обсудить с вами одну очень важную вещь, мой храбрый гвардеец.

– Теперь я никогда не узнаю, что это было. Какой ужас, – на ходу бросил Эндрю и вышел из комнаты вместе с Бимбо и своей матерью.

Глядя вслед Дезире, Николая подумала: «Наверняка Моппет хотелось бы иметь такие же манеры, но увы: не получается».

Мистер Пириод возбужденно вскинул руки.

– Дезире не знает! И Бимбо, и Эндрю тоже! Это поразительно!

– Не знают о чем? – спросила мисс Картелл.

– Об Ормсбери. Ее брате. Это было в газетах.

– Раз уж Дезире устраивает вечеринку, – сухо заметил мистер Картелл, – она не станет отменять ее из-за смерти брата. Понятно, почему она ничего о нем не слышала: ведь он отправился к антиподам, где, по моим сведениям, лет двадцать пил не просыхая.

– Господи, Хэл! – воскликнул мистер Пириод.

Моппет и Леонард хихикнули, отошли с напитками в угол, но вскоре вернулись.

Мисс Картелл в это время увлеченно рассказывала какую-то веселую историю из местной жизни:

– ...И тогда я сказала пастору: «Мы все чертовски хорошо знаем, что это значит». А он не моргнув глазом ответил: «Конечно, знаем, но никому не скажем». У него прекрасное чувство юмора!

– Тут положено смеяться, – с насмешкой вставила Моппет.

Мисс Картелл действительно уже закинула голову, чтобы расхохотаться, но при этих словах осеклась и густо покраснела. Она бросила на свою протезе такой растерянный и беззащитный взгляд, что Николая, минуту назад считавшая ее неприятной и заносчивой особой, сразу испытала к ней горячее сочувствие, а к Моппет – возмущение и гнев.

Мистер Пириод, очевидно, разделял ее чувства.

– Дорогая Мэри, – заметил он с укором, – это было не слишком вежливо.

– Верно. Именно так, – подтвердил мистер Картелл. – Конни, тебе надо вести себя с ней построже.

Леонард добавил:

– Для Моппет годится только одно средство – хорошая плетка.

– Хочешь попробовать? – спросила Моппет.

Альфред объявил, что обед подан.

Это было самое неуютное застолье в жизни Николая. Казалось, каждый из собеседников думал о

своем, и все гости были настроены друг против друга.

Мисс Картелл стала рассказывать о том, как купила новую машину. Леонард вяло отзывался на ее восторженные возгласы. Моппет кстати вспомнила, что видела в гараже Джорджа Коппера «форд-скорпио». Леонард начал мямлить что-то невнятное о его достоинствах.

– На самом деле, – добавил он, – я бы и сам не прочь его купить. Разумеется, если Джордж возьмет мою тачку в счет оплаты.

Леонард откинулся на спинку стула и принялся тихо насвистывать.

– Может, сходим и посмотрим, как она там? – сочувственно предложила Моппет.

– Почему бы и нет.

«Они заранее разыграли этот диалог», – вдруг догадалась Николя.

Альфред принес конверт и положил его перед мистером Пириодом.

– Что это такое? – недовольно спросил хозяин дома, уставившись на слугу поверх очков.

– От приходского священника, сэр. Сказали, срочно.

– Терпеть не могу, когда меня отвлекают за обедом. Надеюсь, вы меня простите? – обратился мистер Пириод к гостям игривым тоном.

Те выказали свое молчаливое одобрение. Он прочел короткую записку и изменился в лице.

– Ответа не будет, – пробормотал он Альфреду. – Или нет: передайте, что я лично свяжусь с настоятелем. – Альфред ушел. Мистер Пириод пару минут беспокойно ерзал на месте и поглядывал на мистера Картелла. Наконец он не выдержал: – Я очень сожалею, Хэл, но, боюсь, твоя Пикси натворила бед у нашего священника.

Мистер Картелл поднял голову:

– Боже мой! Что случилось?

– В эту минуту она и еще с полдюжины ее... э-э... товарок носятся по грядкам в саду викария. Там как раз проходит заседание Союза матерей, но никому из них не удалось ее поймать. Согласись, ситуация крайне неловкая.

Николя представила жуткую картину: толпа матерей как угорелая мечется по цветочным клумбам. Мисс Картелл разразилась залпом гомерического смеха.

– Тебе всегда не везло с собаками, Бойзи! – воскликнула она. – Зачем ты взял эту безмозглую псину?

– У нее прекрасная родословная, Конни. Мне даже посоветовали сводить ее на нашу собачью выставку.

– Господи, кто посоветовал? Приходской священник? – с утробным смешком поинтересовалась мисс Картелл.

– Просто посоветовали, – упрямо ответил ее брат.

– Разве что на шоу уродцев.

– Может, лучше притащишь на выставку своего пекинеса?

– Меня так настойчиво уговаривали, что, наверно, придется. Хотя это будет нечестно по отношению к остальным: он наверняка победит.

– Разве что в соревнованиях комнатных собачек.

– Боюсь, тебе надо что-то с этим сделать, Хэл, – заметил мистер Пириод. – Никто не сможет с ней справиться.

– Альфред сможет.

– Но Альфред занят.

– У нее наверняка течка, – заявила мисс Картелл.

– Господи, Конни!

Мистер Картелл с красным лицом раздраженно встал с места, но в этот момент в саду появился настоятель, тащивший за ошейник взъерошенную Пикси. За ним насмешливо наблюдали стоявшие у канавы рабочие.

Мистер Картелл поспешно вышел из столовой и скоро появился внизу вместе с Альфредом.

– Нет, это уж чересчур, – пробормотал мистер Пириод. – Прошу прощения!

Он тоже покинул комнату и присоединился к компании в саду.

Леонард и Моппет с довольными смешками устремились к окну и прильнули друг к другу, наслаждаясь зрелищем. Мистер Картелл и мистер Пириод подошли к священнику. Настоятель с видом человека, чье христианское терпение находится на пределе, принял извинения обоих

джентльменов, похлопал по плечу мистера Пириода (но не мистера Картелла) и удалился. Альфред потащил упиравшуюся Пикси с глаз долой, а два джентльмена, оба явно не в духе, возвратились в дом. Леонард и Моппет даже не пытались скрыть, как их все это веселит.

– Итак, – вздохнул мистер Пириод, стараясь делать вид, что ничего не произошло, – о чем мы говорили?

Моппет громко фыркнула.

Конни Картелл пробормотала:

– Тебе надо избавиться от этой дворняги, Хэл.

Мистер Картелл злобно на нее уставился.

– Сам знаешь, – добавила Конни, – из грязи конфетку не сделаешь.

– Тут я вполне согласен, – ядовито возразил ее брат. – Я и сам не раз тебе это говорил.

Наступило мертвое молчание, которое нарушил мистер Пириод:

– Просто удивительно, какую важную роль играет порода, даже в животном царстве.

И он с энтузиазмом уселся на любимого конька. Недостаточная породистость Пикси стала отправной точкой, за которой последовала длиннейшая речь в пользу родovitости. Разумеется, ему известно, повторял он раз за разом, что в последние двадцать лет социальные перегородки стали менее заметны, однако... К столу подали карри, потом яблочный пирог, а он все еще разглагольствовал на эту тему, не замечая – как с грустью признала Николая, – что выглядит все более нелепым и смешным.

Мистер Картелл, очевидно, думал то же самое. Он сидел как на иголках. Николая чувствовала, что его раздражают и мистер Пириод, и сестры и, кроме того, бесит Леонард Лейсс, который, покончив с обедом, откинулся на стуле и что-то насвистывал себе под нос.

Моппет иронически осведомилась: как он относится к хоровому пению?

Лейсс поднял брови:

– О, прошу прощения. Просто в голове вертится эта мелодия, – и с улыбкой оглядел стол.

– Да уж видно, – пробурчал мистер Картелл.

Мистер Пириод извинился, что чересчур увлекся тонкостями светской жизни, и вспомнил, как однажды отец выгнал его из-за стола за то, что он неправильно пользовался ножом для рыбы.

Мистер Картелл слушал его с нарастающим раздражением. Наконец он вытер губы, откинулся на спинку стула и буркнул:

– Мой дорогой Пи Пи, все это, конечно, прекрасно, но во всем нужно знать меру.

– Мне такие вещи кажутся очень важными, – возразил мистер Пириод с осуждающей улыбкой и взглянул на Николая.

Мисс Картелл, до сих пор с тревожным обожанием смотревшая на свою племянницу, вдруг воскликнула:

– Я всегда говорила, что больше всех о родovitости пекутся те, у кого у самих рыльце в пушку, ха-ха!

Похоже, она совершенно не думала о том, как эти слова могут подействовать на мистера Пириода.

– Однако, Конни! – возмутился тот. – Я бы попросил!

– А что такого я сказала?

Мистер Картелл издал сухой смешок.

– В конце концов, – напомнил он, – «Когда Адам копал» и так далее¹.

– Не копал, а пахал, – нравоучительно поправил его мистер Пириод. – Если не ошибаюсь, это сказал тот самый мистер Болл, которого потом повесили за его труды? «Кто был тогда дворянином?» Ответ: никто. Нужно не одно столетие, чтобы вывести хорошую породу, разве нет?

– А я знаю немало случаев, когда это происходило куда быстрее, – сухо возразил мистер Картелл. – Просто удивительно, как быстро некоторые люди обзаводятся титулами. Мне говорили об одном человеке с безупречной репутацией, который подделал приходские книги, чтобы стать представителем древнего рода.

¹ Имеется в виду известная фраза из проповеди английского священника Джона Болла (ок. 1330–1381): «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?»

Мисс Картелл громко рассмеялась.

Мистер Пириод уронил вилку в пудинг.

Лейсс с любопытством спросил:

– И во что ему это обошлось?

Моппет добавила:

– А как его разоблачили? Расскажите подробней.

– Его никто не разоблачил, – покачал головой мистер Картелл. – И покончим с этим.

Дальше беседа стала отрывочной. Леонард что-то прошептал на ухо Моппет, и она спросила:

– Никто не против, если мы удалимся? У Леонарда сломалась машина, и он оставил ее в гараже, где работает какой-то полоумный. Надо посмотреть, что там и как.

– Если вы о Коппере, – вмешался мистер Пириод, – то, по-моему, это очень надежный человек.

– Наверно, потомок какого-нибудь разорившегося рода? – невинно спросил Леонард.

– Джордж Коппер – отличный парень, – отрезал мистер Картелл.

– Верно, верно, – вяло подтвердил мистер Пириод. Он был очень бледен.

– Что ж, – отозвался Леонард, небрежно потянувшись, – я не сомневаюсь, что полажу с мистером Коппером. – Он оглядел стол: – Курить можно?

Мисс Картелл поперхнулась сыром, а ее брат гневно сдвинул брови.

Мистер Пириод пробормотал:

– Раз вы нас покидаете, почему бы нет?

Леонард пошарил в карманах.

– Я забыл свои в машине, – обратился он к Моппет. – Одолжишь сигарету, Секси?

– Прошу вас, – мистер Пириод протянул Леонарду золотой портсигар. – Это турецкие. Может быть, они вам не понравятся. Слишком старомодны, но я другие не курю.

– О, спасибо, – вежливо поблагодарил Леонард. Он достал сигарету и осмотрел портсигар. – Очень мило.

Удивительно, но в его устах даже одобрительный отзыв резал слух.

– Дай-ка посмотреть, – попросила Моппет и взяла портсигар.

– Это подарок, – пояснил мистер Пириод, – незабвенной леди Барсингтон. Вещица восемнадцатого века. Застежка с драгоценными камнями, уникальная работа. На крышке есть надпись, но ее почти не видно. Если поднести к свету...

Моппет подошла к окну, Леонард последовал за ней. Он начал напевать песенку, которую насвистывал за столом:

– «Если скажешь то, что слышать я хочу, – я не прочь. Твое имя до полуночи шепчу. Я не прочь».

Моппет весело подхватила мотив.

Альфред доложил, что мистера Пириода зовут к телефону, и тот быстро вышел, подчеркнуто вежливо извинившись перед гостями.

Леонард вернулся к столу. Видимо, он решил отдать дань светским условностям.

– Жаль, что приходится покидать столь приятное общество, – бодро произнес он. – Однако если вы не против, мы все же удалимся.

– Конечно. Как вам угодно, – ответил мистер Картелл.

– Боже, что Пи Пи и дядя Хэл подумают о ваших манерах! – воскликнула мисс Картелл и неловко рассмеялась.

Моппет очень любезно попрощалась с мистером Картеллом и рассыпалась в благодарностях. Леонард сделал то же самое с видом человека, который вынужден подчиниться необходимости.

– До встречи, душка, – бросила Моппет мисс Картелл, и они ушли.

В комнате наступило глубокое молчание.

Потом мистер Картелл обратился к сестре:

– Дорогая Конни, должен тебе заметить, что, по моему мнению, этот молодой человек – редкий прохвост.

В дверях появился мистер Пириод.

– Может быть, попьем кофе в гостиной? – предложил он, не переступив порога.

Николя хотела извиниться и вернуться в библиотеку, но мистер Пириод мягко взял ее под локоть и повел в гостиную. Все последовали за ними. Николя заметила, что у мистера Пириода дрожат руки.

– Я хочу вам показать одно сокровище, – объявил он, – которое приобрел совсем недавно.

Мистер Пириод отвел ее в дальний угол гостиной и развернул пакет в оберточной бумаге. Это оказался пейзаж акварелью: вид на старый особняк.

– Очаровательно, – сказала Николя.

– Говорят, что это неподписанный Котмэн, но для меня ценность картины в другом: на ней изображен дом моего деда в Рибблторпе. К сожалению, он сгорел. Я наткнулся на нее в лавке старьевщика. Забавно, правда?

Альфред принес кофе. Как только он вышел, мисс Картелл накинулась на брата:

– В жизни не слышала ничего более нелепого, Бойзи! Сейчас вся молодежь такая. Моппет говорит, что он очень умен. Занимается чем-то в Сити.

– Да, умен, и даже чересчур. А чем он занимается в Сити?

– Откуда мне знать! Моппет говорит, что у него трагическое прошлое. Отца убили в Бангкоке, а мать актриса.

– Ты дуреха, Конни. На твоём месте я бы сразу прервал эту связь. Впрочем, это не мое дело, – с иронией добавил мистер Картелл. – Я ведь не ее дядюшка, хотя она любезно величает меня этим титулом.

– Просто ты ее не понимаешь.

– Даже и не пытаюсь, – едко ответил мистер Картелл.

Николя пробормотала:

– Пожалуй, мне пора вернуться к работе.

Она попрощалась с мисс Картелл.

– Значит, вы печатаете? – спросила та. – Пи Пи сказал, что вы дочка Бэзила Мэйтленд-Майна. Я знала вашего отца. Мы вместе охотились.

– Все знали Бэзила, – миролюбиво заметил мистер Пириод.

– Я не знал, – резко возразил мистер Картелл.

Они уставились друг на друга.

– Удивительно, Пи Пи, как вы вдруг чертовски поумнели, – заявила мисс Картелл. – Личный секретарь! В следующий раз вы скажете, что пишете книгу.

И она расхохоталась.

II

Николя отличалась почти безграничной способностью к сочувствию. Она сочувствовала мистеру Пириоду, потому что тот был расстроен и выставил себя на посмешище. Она сочувствовала мисс Картелл, потому что та была такой горластой и такой уязвимой и на удивление нежно относилась к этой Моппет, которая обращалась с ней как с грязью. Она сочувствовала мистеру Картеллу, потому что у него были натянуты нервы и он бесился из-за своих гостей, доставлявших ему одни неприятности, и в то же время злился на мистера Пириода, поскольку хорошо относился к Констансу.

Единственные, кому не могла сочувствовать даже Николя, были Леонард и Моппет.

Наконец она заставила себя взяться за работу и скоро с головой ушла в тонкости светского этикета. Иногда она вспоминала Эндрю Бантлинга и думала о том, почему он поссорился со своим отчимом. Ей хотелось встретиться с Эндрю в поезде, но она боялась, что леди Бантлинг заставит его остаться на званый вечер.

Николя усердно трудилась еще полчаса, пока не пришел мистер Пириод. Он по-прежнему был бледен, но улыбнулся ей и с шуточной деликатностью на цыпочках подошел к своему столу.

– Не обращайтесь на меня внимания, – прошептал он. – Я хочу написать еще одно письмецо.

Мистер Пириод сел за стол и приступил к работе. Через какое-то время Николя услышала, как он мычит про себя ту же песенку, которую насвистывал Леонард Лейсс: «Если скажешь то, что слышать я хочу, – я не прочь». Вдруг песня оборвалась, и мистер Пириод издал некий раздраженный звук.

– Нет, скажите на милость, с какой стати эта чушь втемяшилась мне в голову?! – воскликнул он. – Николя, дорогая моя, до чего неприятный юноша! А вам пришлось все это терпеть! Какое безобразие!

Николя заверила его, что все в порядке. Но мистер Пириод то и дело продолжал вздыхать, и так тяжело, что она невольно поднимала на него глаза. Наконец он сложил письмо, убрал его в конверт и

сел, подперев голову рукой.

– Наверно, лучше просто подождать, – пробормотал он. – Немного остыть.

Николя перестала печатать и посмотрела в окно. По аллее ехал велосипедист в форме полицейского.

Он остановился, прислонив велосипед к дереву, снял зажимы с брюк и направился к дому.

– Приехал полицейский.

– Кто? О! Неужели? Наверно, это Райкс. Старина Райкс – отличный парень. Интересно, что ему нужно. Должно быть, опять билеты на концерт.

В комнату вошел Альфред:

– Вас хочет видеть сержант Райкс, сэр.

– А в чем дело, Альфред?

– Не знаю, сэр. Говорит, что это важно.

– Хорошо. Впусти его.

– Слушаю, сэр.

В сержанте Райксе равно поражали как его внушительные габариты, так и удивительная мягкость в обращении. Он был очень велик, даже для полицейского, и невероятно кроток. Когда мистер Пириод представил его Николя, Райкс произнес приятным глуховатым голосом: «Добрый день, мисс» – и выразил надежду, что не помешает ей своим вторжением.

Николя восприняла это как предложение удалиться и встала из-за стола, но мистер Пириод замахал на нее руками. Ни в коем случае! Пусть продолжает печатать и не отвлекается на всякую ерунду. Он настаивает.

Несчастной Николя, прекрасно видевшей, что сержант Райкс ждал совсем другого, пришлось снова сесть и забарабанить по клавишам машинки. Несмотря на это, она отлично слышала, как мистер Пириод разливается соловьем, уверяя, что ему нечего скрывать от своей работницы.

– Хорошо, сэр, – кивнул сержант. – В таком случае...

– Присаживайтесь, Райкс.

– Спасибо, сэр. Я заглянул только на минутку. У нас возникла одна маленькая проблема, и я надеюсь, что вы сможете нам помочь.

– Вот как? Снова хотите немного поразвлечься, Райкс?

– Не совсем так, сэр. Это связано со службой. Не могли бы вы сказать, знакомо ли вам имя... – И он понизил голос.

– Лейсс! – громко выпалил мистер Пириод. – Вы сказали: Леонард Лейсс?

– Да, сэр. Так его зовут.

– Сегодня утром я увидел его в первый раз в жизни.

– О, – сдержанно произнес сержант, – это упрощает дело. Спасибо. Замечательно. Значит, нельзя сказать, что вы с ним близко знакомы?

– Близко знаком?!

– Понятно, сэр. А мистер Картелл?

– И мистер Картелл тоже. До сегодняшнего дня мистер Лейсс был нам совершенно неизвестен. Он и сам может сказать вам то же самое.

– Могу ли я увидеть мистера Картелла?

– Послушайте, Райкс, к чему весь этот разговор? Николя, дорогуша, перестаньте пока печатать, хорошо? Но не уходите.

Николя остановилась.

– Дело в том, сэр, что полчаса назад я говорил с Джорджем Коппером, и он сказал, что продал спортивную модель «форд-скорпио» молодому джентльмену по имени Леонард Лейсс. По его словам, покупатель сослался на вас и мистера Картелла как на людей, которые могут послужить его поручителями.

– Господи Иисусе!

– В нашей практике, сэр, существует правило, согласно которому все полицейские участки получают сведения о людях, так или иначе нарушивших закон или по тем или иным причинам вызывающих подозрения и имеющих сомнительную репутацию. Мы их называем, – добавил сержант, довольно неожиданно блеснув метафорой, – спелыми плодами. Теми, кто может совершить преступление.

– Райкс, ради Бога, зачем... ладно, продолжайте.

– Недавно в нашем списке появилось имя Леонарда Лейсса. У него есть две судимости. Он обвинялся в мошенничестве. Словесный портрет полностью совпадает. Говоря между нами, мистер Пириод, узнав, что этот молодой человек так уверенно назвал ваше имя, а также учитывая тот факт, что ему оказывает покровительство молодая леди, ставшая приемной племянницей мисс Констанс Картелл, я решил навестить вас и сообщить обо всем частным порядком. Кроме того, есть еще одна трудность.

Мистер Пириод нахмурил брови:

– Трудность?

– Да, сэр. Видите ли, некоторое время Леонард Лейсс работал вместе с молодой женщиной, описание которой – простите, что я это говорю, сэр, – очень напоминает внешность вышеупомянутой племянницы мисс Картелл.

Наступила долгая пауза. Наконец мистер Пириод пробормотал:

– Какой ужас!

– Если я правильно понял, сэр, вы не давали этому молодому человеку права использовать ваше имя?

– Господи! Конечно, нет.

– В таком случае, может быть, мы побеседуем с мистером Картеллом?

Мистер Пириод позвонил.

Реакция мистера Картелла оказалась не совсем такой, как у мистера Пириода. Он просто замкнулся в свою «адвокатскую броню», как мысленно определила Николая. Лицо его стало хмурым, жестким и сухим. На щеках проступили два ярких пятна. Было ясно, что он здорово рассержен.

– Я весьма признателен, сержант, – произнес наконец мистер Картелл, – что вы решили довести это дело до моего сведения. Абсолютно правильный поступок.

– Спасибо, сэр.

– Абсолютно правильный. С вашего позволения, наши дальнейшие действия представляются мне так. Я сообщу своей сестре о крайней нежелательности какого-либо дальнейшего общения с этой персоной: она позаботится о том, чтобы мисс Мэри Ралстон больше никогда с ним не виделась. Само собой, Коппера надо немедленно предупредить и посоветовать ему разорвать любые соглашения о продаже автомобиля. – Сержант Райкс открыл было рот, но мистер Картелл поднял палец, и тот остановился. – Думаю, излишне объяснять, – резким тоном добавил мистер Картелл, – что ни я, ни мистер Пириод не давали вышеупомянутой особе никаких полномочий. Никто не просил нас о разрешении использовать наши имена, а если бы попросил, то получил бы решительный отказ. Так или иначе, я намерен лично позвонить Копперу и предложить ему как можно скорее избавиться от Лейсса и от его автомобиля, который он, насколько мне известно, оставил для ремонта в гараже. Я также буду настаивать на том, чтобы мисс Ралстон, которая, судя по всему, находится сейчас вместе с ним, немедленно вернулась домой. Что-то не так, Райкс?

– Да, сэр, – мягко ответил сержант. – Дело в том, что Джордж Коппер не может разорвать сделку, а мисс Ралстон не может быть возвращена домой.

– Почему это?

– Потому что Джордж Коппер сваял дурака и позволил молодому Лейссу уехать на машине. И тот уехал. На спортивном автомобиле «форд-скорпио», в котором сидела молодая леди. А куда они уехали, сэр, это, как говорится, покрыто мраком неизвестности.

III

Может ли человек объективно оценивать события, если он участвует в них сам? Во всяком случае, у Николая это было не так. Позже, когда все закончилось и она попыталась упорядочить свои впечатления, оказалось, что каждая деталь окрашена в тона ее личных предпочтений и симпатий.

На взгляд Николая, в тот момент мистер Пириод всерьез страдал от раны, нанесенной его убежденному снобизму, а вот поведение мистера Картелла казалось не слишком искренним. Мистер Пириод был, похоже, растерян и убит, мистер Картелл выглядел крайне разгневанным.

Он с шумом прочистил горло и твердо произнес:

– Что ж, в любом случае их разыщут. Коппер оформил положенные бумаги? Передачу прав на собственность и тому подобное?

– Он принял в счет оплаты старый автомобиль мистера Лейсса, настоящую развалюху, по его собственным словам. А потом дал мистеру Лейссу поездить на «скорпионе», чтобы тот мог оценить машину и принять решение о покупке.

– Значит, они вернутся в гараж?

– Должны вернуться, – поправился сержант Райкс. – Вопрос в том, захотят ли они это сделать, сэр. Вполне возможно, что мистер Лейсс направился напрямиком в Лондон. Там он сможет продать еще не купленную машину, а если возникнут какие-то проблемы, воспользуется своими связями и выйдет сухим из воды. Он уже проделывал такие вещи раньше.

– Можно, Пи Пи? – спросил мистер Картелл и потянулся к телефону.

– Если вы не против, джентльмены, я позвоню сам, – неожиданно вмешался сержант Райкс.

Мистер Картелл пробурчал:

– Как хотите, – и отошел от стола.

Мистер Пириод принялся нервно шарить в карманах. Он с досадой пробормотал:

– Куда я дел сигареты?

– Наверно, портсигар остался в столовой, – предположила Николя. – Я принесу.

Она выскочила из комнаты как раз в тот момент, когда в ней зазвонил телефон.

В столовой стоял пустой стол, окно было открыто. Сигарет она не обнаружила. Она хотела поискать Альфреда, но тот сам вошел в комнату. Нет, портсигара он не видел, заверил слуга. Николя отлично помнила, что, когда она стояла возле двери, провожая мисс Картелл, портсигар лежал на подоконнике. Она сказала об этом Альфреду.

Тот нахмурился.

– Когда я убирался здесь, его не было, мисс.

– Ну да! Наверно, мистер Пириод... – И тут она вспомнила, что мистер Пириод выходил говорить по телефону, а потом, лишь на минутку заглянув в столовую, даже не переступил ее порог.

– Когда я убирался, окно было открыто, как сейчас, мисс, – припомнил Альфред. – Обычно я запираю его на щеколду.

Николя подошла к окну поближе. Створчатая рама была приоткрыта дюймов на восемь. Внизу находились розовый сад, боковые ворота и разрытая земля. Вдруг из канавы, словно в насмешку, вылетела полная лопата глины, брошенная невидимым рабочим.

– Не важно, – сказала Николя. – Мы его найдем. Не волнуйтесь.

– Надеюсь, мисс. Вещица очень ценная.

– Я знаю.

В комнате повисла неловкая пауза, но тут в столовую взбежал взбудораженный мистер Пириод.

– Николя, дорогуша, вам звонит Эндрю Бантлинг! Вы не могли бы поговорить с ним в коридоре?

Простите, ради Бога, но в кабинете мы *in reu occip*².

– Боже мой, конечно! Это вы простите, что я вас беспокою... Мистер Пириод, вашего портсигара здесь нет.

– Но я прекрасно помню... Ладно, не важно. Вас ждут у телефона, дитя мое.

Николя вышла в коридор.

В трубке раздался голос Эндрю Бантлинга:

– А, вот и вы наконец. Как дела в Логове? У Пи Пи был странный голос.

– Он очень занят.

– Я знаю, вы умеете хранить тайны. Ничего, я все выведаю в поезде. Вы успеете на три тридцать?

– Боюсь, что нет.

– Тогда мне придется затаиться где-нибудь в придорожной канаве, как бродяге. Бэйнсхолм стал невыносим из-за...

Он понизил голос и, очевидно, поднес телефон близко к губам. Николя услышала только шипение и свист.

– Что вы сказали?

² Немного заняты (фр.).

– Я сказал: Моппет и ее Леонард примчались сюда на шикарном «скорпионе» якобы для того, чтобы посмотреть семейные портреты.

– Мне надо идти. Простите. До свидания, – быстро прервала разговор Николая и кинулась в библиотеку.

Когда она вошла, мистер Картелл и мистер Пириод о чем-то беседовали, но сразу умолкли. Сержант Райкс набирал на телефоне какой-то номер.

Она выпалила:

– Думаю, вы должны это знать! Они в Бэйнсхолме. Приехали туда на «скорпионе».

Мистер Картелл среагировал немедленно:

– Райкс, передайте Копперу, чтобы срочно подогнал машину.

– Какую машину? – Сержант замер с трубкой возле уха.

– «Катафалк», – нетерпеливо пояснил мистер Пириод. – Какую же еще? Соображайте, Райкс!

– Он должен как можно скорей отвезти меня в Бэйнсхолм, – заявил мистер Картелл. – Сию секунду.

Сержант Райкс заговорил по телефону.

– Быстрее, – поторопил его мистер Картелл. – И вам тоже лучше поехать со мной.

– Да, Джордж, сейчас, – сказал сержант в трубку. – Все верно. Немедленно.

– Идемте, Райкс. – Мистер Картелл вышел в коридор. – Альфред! Мою шляпу и пальто.

– Когда будете с ними говорить, – крикнул вдогонку мистер Пириод, – спросите, что они сделали с моим портсигаром!

– Что? – донесся голос из коридора.

– Я про футляр для сигарет. От леди Барсингтон.

Наступило глубокое молчание. Мистер Картелл заглянул в комнату с продетой в рукав пальто рукой и в твидовой шляпе набекрень.

– Что это значит, Пи Пи? Надеюсь, вы не хотите сказать...

– Откуда мне знать! Просто спросите их. Спросите!

IV

Дезире, леди Бантлинг (бывшая Картелл, ныне Доддс), с легкой улыбкой сидела в своей гостиной.

Она без конца курила и слушала Моппет Ралстон и Леонарда Лейсса, но по ее виду было невозможно догадаться, что она думает о своих гостях. Возможно, все это Дезире просто забавляло. Ее изможденное лицо с густой косметикой и копна оранжевых волос составляли вызывающий контраст с зеленой обивкой кресла.

Моппет тем временем объясняла, что Леонард прекрасно разбирается в искусстве и знает уйму всяких вещей о великих портретистах.

– Надеюсь, – заключила она, – вы не сочтете нас наглецами и занудами, если мы попросим разрешения взглянуть на вашу коллекцию? Леонард уверял меня, что вы рассердитесь, но я сказала: почему бы не рискнуть, ведь не будет ничего страшного, если мы только глянем одним глазком и тут же уберемся?

– Ну конечно, – кивнула Дезире. – Это предки Бантлинга. Джентльмены в обтягивающих бриджах и дамы с высокими лбами и пышной грудью. Эндрю мог бы вам все о них рассказать, но он куда-то исчез. Что касается меня, мне надо помочь бедняге Бимбо сочинить стишок для званого вечера, да и вообще, я ничего в этом не смыслю. На мой взгляд, картины должны быть современными, пестрыми и по возможности грубыми.

– О, вы абсолютно правы, леди Бантлинг, – бодро произнес Лейсс и разразился речью на тему живописи.

Он говорил, слегка подавшись вперед и источая резкий запах напoмаженных волос.

Дезире молча на него смотрела и слушала, никак не комментируя его слова. Когда он закончил, она вскользь заметила, что в общем-то живопись ей безразлична.

– Эндрю как-то сделал мой портрет, когда я была в экстравагантном костюме, – добавила Дезире. – Больше всего я смахивала на третью ведьму из «Макбета» до того, как она взялась за ум. Привет, милый, как там твоя муза?

В комнату вошел Бимбо, бросив ледяной взгляд на Леонарда:

– Моя муза сидит у меня в печенках. Дезире, ты должна мне помочь. Надо использовать не меньше семи подсказок, а с рифмой они звучат гораздо лучше.

– Может быть, мы поможем? – спросила Моппет. – Леонард неплохо сочиняет стихи, правда, совершенно непристойные. А зачем вам нужно?

– Для «поисков сокровищ», – ответил Бимбо, не глядя на нее.

– «Поиски сокровищ» – это мое детство, – заметила Дезире. – Я решила их возродить. Мы организуем «поиски сокровищ» сегодня вечером.

Моппет и Леонард восторженно заахали.

– Я от этой игры без ума, – заявила Моппет. – Это лучший способ устраивать вечеринки. Как вы их проводите? – обратилась она к Бимбо.

Тот коротко ответил, что самым обычным образом.

Дезире встала:

– Бимбо спрячет бутылку шампанского, а потом мы везде разложим подсказки. Так что, если вы не против самостоятельной экскурсии по галерее, мы с Бимбо займемся рифмами. Осматривайте что хотите. – Она протянула руку Моппет. – Простите, что нарушаю правила гостеприимства, но, как видите, у нас важные дела.

– Вот черт! – вдруг воскликнул Бимбо. – Еда от Магнумса! Ее доставят на станцию.

Моппет и Леонард застыли с заинтересованным видом.

– Разве ты не сможешь ее забрать, когда разберешься с подсказками? – спросила Дезире.

– Да, но вопрос – когда я их напишу?

– Действительно, а продукты нужны прямо сейчас. Скверно. Придется вызвать «катафалк».

– Постойте! – хором воскликнули Моппет и Леонард и рассмеялись, переглянувшись. – Пожалуйста, позвольте нам забрать продукты! – попросила Моппет. – Мы будем ужасно рады!

Дезире покачала головой:

– Очень мило с вашей стороны, но «катафалк» справится.

Бимбо решительно добавил:

– Большое спасибо, но мы не хотим вас беспокоить.

– Ну почему! – запротестовала Моппет. – Леонард с удовольствием съездит на станцию, правда, милый?

– Конечно. К тому же, насколько я знаю, «катафалк» – если вы говорите о драндулете Джона Коппера – находится сейчас в ремонте. А мы быстро слетаем туда и обратно.

– О, прошу вас, разрешите нам, – произнесла Моппет с очаровательной улыбкой. – Иначе мы подумаем, что вы на нас за что-то сердитесь. Пожалуйста.

– Право, – пробормотала Дезире, не глядя на мужа, – нам совсем не хочется вас беспокоить, но если вы действительно не против, думаю, это будет очень кстати.

– Эндрю! – выпалил Бимбо. – Он съездит. Где он?

– Уехал. Дорогой мой, боюсь, у нас нет другого выхода, как принять их любезное предложение.

– Конечно! – воскликнула Моппет. – Едем, Мордашка! Может быть, заодно еще что-то прихватить?

Дезире с чуть заметной иронией заметила:

– Похоже, вы все предусмотрели. Ладно, я спрошу на кухне.

Когда она ушла, Бимбо спросил:

– Это «скорпион» из гаража Коппера?

– Он самый, – подтвердил Леонард небрежным тоном. – Неплохая тачка, габариты что надо, да и цена в порядке. Не хотите на нее взглянуть, мистер Доддс? Мне не терпится услышать ваше мнение.

Бимбо с хмурым видом, выражавшим одновременно отвращение и любопытство, промышчал что-то в знак согласия, и они вышли из комнаты. Моппет, оставшись стоять у французского окна, увидела, как они остановились у машины: Леонард что-то непрерывно говорил, а Бимбо молчал, держа руки в карманах. «Делает вид, что его это не интересует, – подумала Моппет, – а на самом деле очень даже интересует. Он без ума от машин. Он и женился на Дезире только из-за «бентли», хорошей выпивки и всякой роскоши и удовольствий. Она уже старая. Вряд ли от нее есть какой-то толк в постели. Хотя, может, и есть?»

Моппет охватило чувство презрения – к Дезире, к Бимбо, ко всем, кто был не похож на нее и

Леонарда. «Жить, постоянно рискуя, – вот что главное». Она задумалась: не пора ли отучить его от выражений вроде «что надо» или «в порядке»? Лично ее язык Леонарда вполне устраивал; ей даже нравилось, когда во время ссор он выходил из себя и начинал поливать ее грязью, не стесняясь в выражениях. Но если они хотят прибраться к рукам это местечко... «Теперь Дезире просто обязана нас пригласить. После всех наших любезностей... Мы были такими паиньками».

Она продолжала смотреть в окно, прячась за занавеской.

Когда Дезире вернулась, Моппет уже с почтительным видом разглядывала картину над камином.

Леди Бантлинг сообщила, что нужно еще забрать пакет в бакалейной лавке в Литтл-Кодлинге.

– За воротами сразу поверните направо, – объяснила она, – там самая короткая дорога. Мы будем вам крайне признательны. – Дезире проводила Моппет до машины, и когда автомобиль исчез в конце аллеи, взяла мужа за руку. – Сногшибательная парочка, правда?

– Не понимаю, о чем ты, дорогая, – буркнул он.

Дезире взглянула на него с усмешкой:

– А тебе они понравились?

– Понравились?!

– Меня эта пара очень позабавила. По крайней мере они знают, чего хотят.

– Совершенно ясно, что они с первой же минуты напрашивались к нам на приглашение.

– Я знаю.

– Будешь и дальше делать вид, что не замечаешь их намеков?

– О нет, – ответила она с тихим смешком. – Вряд ли. Я собираюсь их пригласить.

Бимбо покачал головой:

– Ты знаешь, я никогда не вмешиваюсь.

– Очень мудро с твоей стороны.

Он молча отодвинулся от нее.

– Только раньше это не вызывало у тебя такой кислой мины.

– Просто ты позволяешь людям тебя использовать.

– Да, – ответила она мягко, – если сама этого хочю.

– Этот молодой человек – настоящий монстр. Ты заметила, как от него пахнет?

– На самом деле в нем есть что-то сексуальное.

– Ты шутишь!

– Нет. Я никогда не шучу в таких вещах. Мне кажется, он жулик, как ты думаешь?

– Еще бы! Продувная бестия.

– Возможно, он гангстер, а она – его маруха.

– Очень может быть, – сердито произнес Бимбо.

– Мне не терпится увидеть, как Леонард станет душой нашего вечера.

– Учти, если ты их пригласишь, то потом об этом пожалеешь.

– По-твоему, нам стоит нанять детектива, чтобы присматривал за ложками?

– Лучше помоги мне сочинить эти чертовы стишки.

– Наверно, я их все-таки приглашу, – протянула Дезире своим хриловатым голосом. – Тебе не кажется, что это будет забавно? Неужели ты сам этого не хочешь?

– Ты прекрасно знаешь, чего я хочу, – пробурчал он, глядя на нее исподлобья.

Дезире подняла брови.

– Я забыла тебе сказать: умер Ормсбери.

– Твой брат?

– Ну да. Из Австралии.

– Разве ты не должна...

– Мы не виделись с ним тридцать лет, и я всегда его не выносила. Мрачный и скучный тип.

Бимбо вдруг воскликнул:

– Боже мой, а это еще кто!

– «Катафалк», – хладнокровно заметила Дезире. – Значит, он не в ремонте. Тем хуже для Леонарда.

Автомобиль, рыча и пыхтя, медленно прополз по длинной аллее. За рулем сидел Джордж Коппер, рядом – сержант Райкс.

– Ты видишь, кто на заднем сиденье? – спросила Дезире у мужа. – Это Гарольд.

– Не может быть!

– Тем не менее. Это его первый визит с тех пор, как мы поссорились и он отряс прах моего дома со своих ног. Может быть, Гарольд все-таки решил меня вернуть – спустя столько лет?

– Нет, серьезно: какого черта ему здесь нужно?

– Если честно, я на него зла. Он скверно обошелся с Эндрю из-за тех денег. Ему придется за это ответить.

– Зачем он притащил Райкса? Теперь я никогда не напишу стихи, – жалобно произнес Бимбо.

– Иди в дом. Я сама с ними разберусь.

Бимбо бросил:

– Отлично! – и ушел.

Машина дернулась и застыла у крыльца. Райкс вышел, чтобы открыть заднюю дверцу для мистера Картелла. Тот был в явном замешательстве.

– Гарольд! – просияла улыбкой Дезире. – Как поживаешь? Я узнала твою шляпу. Добрый день, мистер Коппер. Добрый день, мистер Райкс.

– Я тут подумал, – пробормотал мистер Картелл, снимая шляпу, – может, ты уделишь мне пару минут.

– Почему бы и нет? Входи.

Бывший адвокат неуверенно последовал за ней, опустив плешивую голову.

– Ну а нам что делать? – спросил мистер Коппер у Райкса.

– Ждать. Что же еще? Как видите, «скорпиона» здесь нет, Джордж.

– Да уж вижу, – с горечью отозвался мистер Коппер, безнадежно оглядывая горизонт.

Райкс подошел к «катафалку» и внимательно осмотрел землю. Потом решительным жестом ухватился за капот и громко выругался.

– Она кипит, – объяснил мистер Коппер.

– Спасибо, что сказали.

– Вы сами говорили, что надо торопиться. А ей это не под силу.

– Ладно-ладно. Я говорил, что лучше поехать на велосипеде. Стойте на месте, Джордж.

Владелец гаража с неприязнью посмотрел на Райкса. Тот наклонился ближе к дороге.

– У «скорпиона» подтекает смазка, верно? – спросил сержант.

– Верно.

– На трех колесах у него шины «Гриприч», а на одном из задних – «Стартрид». Так?

– Да.

– Значит, машина здесь была, – заключил Райкс, – и снова уехала. Смотрите сами.

– И что теперь? Помчимся за ней под рев сирены? Если у нас есть сирена.

– Мы найдем машину по своим каналам. Не беспокойтесь.

– А как я объясню это владельцу? Вот что я хочу знать. Черт возьми, мне ее дали на комиссию! Я за нее отвечаю!

– Не паникуйте. Может, они еще вернуться.

– Наверно, они уже сменили номера и прямой дорогой мчатся в Лондон. И кто тут паникует? Вы сами первые подняли всю эту шумиху. Вернутся они, как же.

Дверь дома открылась, и на пороге появился бледный мистер Картелл.

– Райкс, я еще немного побуду в доме, но скоро к вам присоединюсь. Вы можете подождать здесь и разобраться со всей этой ситуацией вокруг машины, когда они вернутся?

– Сэр?

– Ну да, – кивнул мистер Картелл, – беспокоиться пока не о чем. Эти двое скоро приедут.

Он бросил на них хмурый взгляд и вернулся в дом.

– Видите, – улыбнулся Райкс, – что я вам говорил? Доверьтесь мне.

V

– Честно говоря, я не понимаю, – Дезире посмотрела на бывшего мужа огромными дымчатыми глазами, – для чего ты вообще заварил эту кашу. Бедному мистеру Копперу сказали, что ты, Пи Пи и Конни не гарантируете сделку. Теперь ему ничего не остается, как забрать у них машину.

– Если они вернутся, – заметил мистер Картелл.

– Гарольд, дорогой мой, надеюсь, ты не думаешь, что они собираются сбежать в Эппингский лес и жить там на природе, питаясь семгой от Магнумса? Это было бы слишком скучно. Я уверена, что ничего подобного не случится. Они до смерти хотят попасть на мою вечеринку.

– Конечно, – поспешил вставить мистер Картелл, – ты не должна этого допустить.

– Мне все так говорят.

– Дезире, дорогая...

– Гарольд, я хочу поговорить с тобой об Эндрю.

Мистер Картелл бросил на нее жесткий взгляд:

– Вот как.

– Эндрю говорит, что ты не хочешь отдать ему его деньги.

– Он вступит во владение наследством в должное время, а именно – шестого ноября этого года.

– Разве он тебе не объяснил, почему деньги нужны ему сейчас? Он хочет купить картинную галерею Грэнтема.

– Объяснил. Кроме того, он сказал, что хочет уйти из гвардии и заняться галереей.

– И писать свои картины.

– Вот именно. Я не могу согласиться, чтобы он потратил наследство на такие вещи.

– Эндрю не ребенок и не дурак, он знает, что делает. Ему уже двадцать четыре, и он хорошо соображает.

– Здесь я с тобой не согласен.

– Бимбо тоже собирается принять участие в этом деле. Он уже собрал кое-какую сумму и хочет стать партнером Эндрю.

– Даже так? Но где он взял эти деньги?

Дезире изменилась в лице. После короткого молчания она сказала:

– Гарольд, я настойчиво прошу отдать Эндрю его наследство.

– Мне очень жаль.

– Думаю, ты помнишь, что на войне я не стесняюсь в средствах.

– Не только на войне, но и...

– Только не говори: «но и в постели», Гарольд.

– Не хочу разрушать твои иллюзии, – усмехнулся мистер Картелл.

– Ладно, – весело сказала Дезире и встала. – Очевидно, дальнейший разговор не имеет смысла.

Тебе нравится в доме у Пи Пи?

Мистер Картелл тоже встал.

– Меня это вполне устраивает, – ответил он сухо. – Надеюсь, и Пи Пи тоже.

– Боюсь, его расстроит история с Моппет и Леонардом. Бедный Пи Пи, он такой душка, но жуткий сноб. Ему уже сказали?

– Что? – спросил мистер Картелл.

– Про твою племянницу и ее друга-уголовника?

Мистер Картелл побагровел и закрыл глаза.

– Она мне *не племянница*, – произнес он с глубоким отвращением.

– Откуда ты знаешь? Я всегда думала, что Конни могла ее бросить, а потом, так сказать, «удочерить» обратно.

– Это оскорбительные и ни на чем не основанные домыслы, Дезире. Мэри Ралстон росла в очень уважаемом приюте.

– Может быть, Конни сама ее туда и устроила.

– Извини, но мне пора поговорить с Райксом. Очень сожалею, если доставил тебе неприятности.

– Пи Пи ужинает у нас. До «поисков сокровищ» у нас будет много времени, чтобы мило посплетничать о том о сем.

Мистер Картелл покачал головой:

– Шантаж на меня не действует, Дезире. Я не изменю своего решения по наследству.

– Послушай, – вздохнула она, – думаю, ты отлично знаешь, что я не сентиментальная женщина.

– С этим трудно спорить. Женщина, которая устраивает званый ужин сразу после известия о смерти брата...

– Хэл, дорогой мой, ты всегда считал Ормсбери невыносимым, и я разделяла это мнение. Другие

люди тоже не вызывают во мне особого восторга, врать не стану. Но Эндрю я люблю. Он – мой сын, и я его обожаю. Так что береги себя, Гарольд. Я вышла на тропу войны.

Вдалеке загудел автомобильный рожок. Они оба повернулись к окну.

– А вот и твои друзья, – сказала Дезире. – Полагаю, тебе не терпится их встретить. Всего доброго.

Когда мистер Картелл ушел, она подошла к французскому окну и встала в его проеме.

«Скорпион» на полном ходу влетел на аллею и резко сбросил скорость. Потом автомобиль неторопливо подкатил к дому. Леонард и Моппет одновременно выскочили из машины. Они направились к сержанту Райксу, оба сияющие и веселые, но с чуть заметной скованностью в жестах. «Наше тело, – подумала Дезире, – вот, что нас выдает».

Они подошли к группе из трех мужчин. Моппет с детской игривостью взяла под локоть мистера Картелла, и тот буквально оцепенел от отвращения. «Первая кровь», – с удовольствием подумала Дезире.

Леонард слушал сержанта Райкса с доброжелательным видом, который постепенно сменялся глубоким удивлением. Наконец он иронически поклонился и махнул рукой на «скорпион». Заметив в окне Дезире, Леонард медленно покачал головой, словно приглашая разделить с ним его недоумение. Потом полез в салон и вытащил два больших свертка.

Дезире через французское окно спустилась вниз по ступенькам.

Мистер Картелл в ярости отцепился от Моппет.

– Полагаю, нам пора возвращаться, Райкс, – сказал он. – Если Коппер поведет вторую машину, думаю, вы сможете...

Сержант взглянул на Моппет и что-то пробормотал.

– Не стоит из-за нас задерживаться, – произнес Леонард любезным тоном. – Прошу вас.

Трое мужчин попрощались с леди Бантлинг, сели по своим машинам и уехали с натянутыми лицами.

– Ну что, – бодро спросила Дезире, – удалось раздобыть еду?

Моппет и Леонард весело улыбнулись.

– Дорогая леди Бантлинг, да! – ответила девушка. – Мы все забрали, но, как видите, у нас возникла одна проблема. Не знаю почему, но мистеру Копперу что-то втемяшилось в голову, и он оставил нас без машины.

– Все понятно, – вмешался Леонард. – Просто кто-то предложил ему лучшую цену.

– Какая досада, – покачала головой Дезире.

– Не говорите! Мы жутко разочарованы. – Моппет вдруг вскрикнула и зажала рот ладонью. – Леонард! – воскликнула она. – Какие же мы дураки!

– В чем дело, милая?

– Надо было уехать вместе с ними. Господи, что мы за идиоты! Что нам теперь делать?

Леонард серьезно задумался и потер рукой лоб.

– Боюсь, мистеру Джорджу Копперу придется вернуться на нашей машине. Скверно!

– Господи, что вы теперь о нас подумаете? – повернулась Моппет к Дезире.

– О, – обронила та небрежно, – только самое худшее.

Оба ответили дружным смехом, разве что чуть-чуть фальшивым.

– По крайней мере мы можем занести продукты в дом, – предложила Моппет, – а потом позвоним и вызовем какой-нибудь транспорт.

Бимбо вышел из дома, сплюнул на землю и увидел всех троих. Дезире ему улыбнулась.

– Почему бы вам не остаться? – громко обратилась она к Моппет. – Раз уж вы привезли нам еду, самое меньшее, что мы можем вам предложить, – это ее съесть. Оставайтесь.

Последствия вечеринки

I

Эндрю положил на сиденье пальто Николая и сел напротив.

– Самое лучшее в этом поезде – то, что он почти всегда пустой. Значит, завтра вы вернетесь в Логово?

Николя ответила, что ее попросил об этом мистер Пириод. Она оставила у него свою печатную машинку.

– Вы вернетесь в Литтл-Кодлинг, но не завтра, – решительно заявил Эндрю. – Вы приедете сегодня вечером. По крайней мере я надеюсь... Нет-нет, ничего не говорите. Вас уже пригласили.

Он достал из кармана приглашение и протянул ей с неуверенной улыбкой.

В записке, написанной его матерью, говорилось: *«Жду Вас на своей безумной вечеринке. Эндрю Вас привезет, а мы встретим. Он Вам все объяснит, главное – приезжайте».*

Николя удивленно подняла глаза на Эндрю.

– Вы понравились маме, – объяснил он. – И мне тоже, хотя это и так очевидно. Только не надо раздражаться гомерическим смехом и отвечать отказом. Просто скажите: «Спасибо, Эндрю. Это очень мило с вашей стороны, буду рада».

– Но как я могу?

– Что значит «как»? – пожал плечами Эндрю. – Как-нибудь. Почему бы нет?

– А, все понятно. Это вы на нее надавили, чтобы она меня пригласила.

– Клянусь, что нет! Наоборот, это она на меня надавила, а я ответил, что приду, только если вы придете.

– Ну вот видите!

– Что «видите»? Хватит придирается, просто соглашайтесь. Уверяю, это не будет одной из скандальных вечеринок моей мамочки. На такую я бы вас и сам не пригласил.

Николя кое-что слышала о приемах леди Бантлинг и мысленно вздохнула с облегчением.

– Вот что я придумал, – продолжал Эндрю. – Я провожу вас домой, где вы займетесь своими важными делами, а сам переоденусь во что-нибудь более приличное. Потом я возьму машину, мы вместе поужинаем и отправимся в Бэйнсхолм.

– А как же вечер с коктейлем, на который вы собирались?

– Забудьте о нем. Прошу вас, соглашайтесь, Николая. Вы приедете?

– Спасибо, Эндрю. Это очень мило с вашей стороны. Буду рада.

– Спасибо, Николая. – Всю оставшуюся часть пути Эндрю говорил о себе. Он рассказал, что всю свою жизнь хотел заниматься живописью и брал уроки в художественной школе, где ему сказали, что его работы «совсем недурны». Но дурны они или хороши, он все равно не может заниматься ничем другим. – В галерее Грэнтема есть небольшая студия, – продолжал Эндрю, – где можно рисовать картины и в то же время присматривать за галереей. – Потом он описал утреннюю встречу со своим отчимом и опекуном, мистером Картеллом, и их нервный и бесполезный разговор. – Это было совсем невесело, – меланхолично рассказывал Эндрю. – Он говорил так, словно мы обсуждали какие-то детские фантазии. Черт бы его побрал! Я показывал ему цифры и расчеты, а он даже бровью не повел. Я называл надежных и уважаемых экспертов, которые рекомендовали мне эту сделку, но он меня не слушал. Твердил только, что мой отец не хотел, чтобы я уволился с военной службы. Какого дьявола! – вскинулся Бантлинг, но тут же себя одернул. – Знаете, меня бесит даже не практическая сторона дела: в конце концов, я могу занять денег, заложить свое имущество или что там делают в подобных случаях. Мне отвратительно его самодовольное филистерство. А ужасней всего то, как он отзывался о моей живописи. Я говорил ему о личных вещах, очень важных для меня, а он выставил меня дураком и пустозвоном. Вы можете это понять?

– Боюсь, что могу. К концу разговора вы уже сами начали сомневаться в своем таланте, верно?

– А, значит, вы действительно меня понимаете! Наверно, вам каждый встречный признается в своих проблемах или... Нет-нет, – перебил себя Эндрю, – лучше я не буду об этом говорить. По

крайней мере пока. Но спасибо, что выслушали.

– Вам нравятся работы Агаты Трой?

Он удивленно воззрился на нее:

– Конечно, а что?

– Я с ней знакома. Она вышла замуж за Родерика Аллейна из Скотленд-Ярда. Я часто у них бываю. Буквально вчера ходила в гости.

– Да? И какая она? Я однажды ее видел. Худощавая, приятная. Довольно светская. Наверно, острая на язык?

– Все нет. Наоборот, очень скромная. И кстати, всегда интересуется работами молодых художников. – Помявшись, Николя добавила: – Не знаю, как вы к этому отнесетесь, но, если хотите, я могу показать ей ваши картины.

Эндрю густо покраснел, и Николя испугалась, что он обиделся.

После долгой паузы Эндрю пробормотал:

– Честно говоря, я просто не решаюсь.

– Значит, мистер Картелл все-таки добился своего.

– Ничего подобного, хитрюга!

– Если вы откажетесь, я не обижусь. Но я бы предпочла услышать: «Спасибо, Николя. Это очень мило с вашей стороны, буду рад».

Эндрю усмехнулся и на какое-то время замолчал.

– Ладно, вы победили, – произнес он наконец. – Считайте, что я это сказал.

Остаток пути пролетел незаметно, а в Лондоне они в точности последовали плану Эндрю.

В восемь вечера автомобиль уже вез их обратно в Кент. Несмотря на начало апреля, воздух был теплым. Вдоль дороги мелькали огоньки, в небе стояла молодая луна, и Николя чувствовала, что готова влюбиться по уши.

II

– Вот что я вам скажу, миссис Эм, – заметил Альфред, накрывая обеденный стол. – Погода в этом доме окончательно испортилась, и, по моим прогнозам, скоро нас ждет сильная гроза.

– Продолжайте! – живо подхватила миссис Митчел. – Когда?

– Не знаю. Но если вы спросите меня «почему», я могу дать определенный ответ. Десять лет, миссис Эм, долгих десять лет мы вели тихую и мирную жизнь, которая нас вполне устраивала. Никаких неожиданностей. Покой. Уют. Никто нас не трогал, не раздражал. Это устраивало нас, то есть, смею думать, вас и меня. И что теперь? Что мы имеем? Взять хоть сегодняшнее утро! За один день, миссис Эм, за один только день мы пережили больше волнений, чем за все предыдущие годы моей службы!

Миссис Митчел тряхнула головой и выразительно закатила глаза.

– Из-за него? – уточнила она.

– Вот именно, из-за него. Из-за мистера Гарольда Картелла.

– Боже мой, мистер Белт! – воскликнула кухарка. – Что случилось?

– Вы о чем, миссис Эм?

– Как вы сейчас посмотрели! Мамочки мои. Только на секунду, но что за взгляд! Я бы сказала – укоризненный.

– Станешь тут «укоризненным», миссис Эм, если вам говорят такие вещи, какие были сказаны мне.

– Кем? *Им?* – вытаращила глаза кухарка.

– Именно. Из-за этой истории с портсигаром. Я уже рассказывал: те двое оставили его на подоконнике, и он исчез. Так вот. Помните, после обеда мистер Картелл уехал в «катафалке» вместе с Джорджем Коппером и Бертом Райксом?

– Да. Удивительное дело.

– Не спорю. Теперь я выяснил, куда они отправились – в Бэйнсхолм.

– В Большой дом?

– Ну да.

– Ого! Навестить ее милость?

– Нет, навестить *их*. Ту парочку. Потому что они уехали туда. Кстати, без всякого приглашения.

– Очень мило!

– Что за этим стоит, я пока не знаю, но скоро выясню у Джорджа Коппера. Суть дела в том, что я только сейчас отнесил напитки в библиотеку и они там жутко ссорились.

– Два наших джентльмена?

– А кто же еще? Ссорились так, что не остановились, даже когда я вошел в комнату. Во всяком случае, *он* – мистер Картелл, тот сказал, что, когда они были в Бэйнсхолме, он в горячке дела забыл спросить у Лейсса и Моппет, где они оставили портсигар, а мистер Пириод заметил, что молодая леди, мисс Мэйтленд-Майн, видела его на подоконнике. Тогда меня спросили, видел ли я портсигар, когда убирал комнату, и я ответил «нет». После чего добавил, что кто-то открыл окно.

– Кто?

– Хороший вопрос! Тут мистер Картелл нахмурился и сказал, что его могли взять рабочие, копавшие яму на лужайке, но мой хозяин возразил, что они приличные люди и он в это не верит. «Что ж, – произнес мистер Картелл и посмотрел на меня холодно, как прокурор, – тогда, может быть, Альфред пересмотрит свое заявление». Вы бы слышали, *как* это было сказано! После такого, миссис Эм, одно из двух: или он, или я. В этом доме нет места для обоих.

– И что ответил наш джентльмен?

– А вы как думаете? Спокойно и твердо встал на мою сторону. «Я полагаю, – сказал он, – что Альфред абсолютно ясно обрисовал нам всю картину и нет смысла спрашивать его еще раз. Спасибо, Альфред. Простите, что вас побеспокоили». Само собой, я ответил: «Спасибо, сэр» – совершенно недвусмысленным тоном – и ушел. Но можете поверить мне на слово: теперь у нас серьезные проблемы и море недовольства, причем по разным поводам. За обедом произошло нечто такое, что сильно рассердило нашего джентльмена. Что-то со стороны мистера Картелла. Впрочем, – добавил Альфред, немного успокоившись и вернувшись к своей обычной манере вести беседу, – строить догадки не имеет смысла. Время покажет.

– А при чем тут Райкс?

– О! Я поспрашивал рабочих на лужайке, и они рассказали, что Райкс привез мистера Картелла на «катафалке» Джорджа Коппера, а сам Коппер вернулся на «скорпионе» из собственного гаража. Интересно, что те двое приехали назад на почтовом фургончике. Их пригласили на званый вечер в Большом доме. Вечером они там поужинают и останутся вместе с мисс Картелл. Водитель фургона сказал, что их просто распирало от самодовольства, хотя они скрытничали, как всегда.

Дверь в кухню была приоткрыта, и из коридора ясно донесся голос мистера Картелла:

– Отлично! Если дело обстоит именно так, я знаю, что мне делать, и поверьте, Пи Пи, я буду действовать очень энергично. Вы останетесь довольны.

Входная дверь хлопнула.

– Господи, помилуй! – воскликнула миссис Митчел. – И что теперь? – Она быстро добавила: – Окно в моей спальне!

Кухарка пулей вылетела из кухни, и Альфред услышал, как она застучала башмаками по задней лестнице.

Минуту спустя она вернулась с румянцем на щеках и свежей информацией.

– Он пошел через лужайку, – доложила кухарка. – К мисс Картелл.

– Можете не сомневаться, миссис Эм, – заверил Альфред, – что он направился к мисс Моппет.

III

Вернувшись к мисс Картелл, Моппет переделалась в вечернее платье. Оно было очень открытое, кроваво-красного цвета и изумительно ей шло. Откинувшись в кресле, девушка любовалась своими руками и искоса посматривала на мистера Картелла.

– Тетя Конни уехала в Охотничий клуб, – сообщила она. – Скоро вернется. Леонард отправился за смокингом.

– Очень хорошо. – Мистер Картелл бросил на нее короткий взгляд, он опустил голову и полностью сосредоточился на собственных руках. – Я рад, что у меня есть возможность поговорить с вами

наедине. Буду признателен, если наш разговор останется между нами, по крайней мере в том, что касается моей сестры. Мне бы не хотелось ее беспокоить: во всяком случае, пока.

– О Боже, вы меня пугаете, дядя Хэл.

– Буду также весьма признателен, если вы не станете упоминать о родственных связях, которых в действительности не существует.

– Как хотите, – согласилась она после паузы, – мистер Картелл.

– Я хотел бы обсудить с вами два момента. Первое. Леонард Лейсс, молодой человек, с которым вы, судя по всему, находитесь в близкой дружбе, известен полиции. Если его поведение осталось прежним, рано или поздно у него возникнут серьезные проблемы, которые в случае продолжения ваших отношений, несомненно, коснутся и вас. Вплоть до уголовного преследования. Разумеется, я предпочел бы думать, что вы ничего не знали о его наклонностях, но, боюсь, мне трудно в это поверить.

– Конечно, я не слышала ни о чем подобном и уверена, что это полная ерунда.

– Не говорите чепухи!

– Простите, но это вы говорите чепуху. Весь сыр-бор начался из-за того, что бедный Леонард хотел купить машину, и я просто сказала Джорджу Копперу, что тетя Конни – надеюсь, вы не против, если я буду называть ее тетей? – его знает и что вы и Пи Пи тоже с ним знакомы. Это была чистая формальность. Понятное дело, мы не стали бы так поступать, если бы думали, что вы будете против. Мне очень жаль, что все так получилось, и Леонарду тоже.

Мистер Картелл поднял голову и посмотрел ей в глаза. На какое-то мгновение Моппет дрогнула, но только на мгновение.

– И вообще, – продолжала она с вызовом, – нам очень не понравилось, как вы явились в Бэйнсхолм и устроили там сцену. Слава Богу, это не подействовало на леди Бантлинг. Не знаю, что вы там ей наплели, но она все равно пригласила нас на вечеринку, – с торжеством закончила Моппет и рассмеялась.

Помолчав немного, он сказал:

– Думаю, продолжать эту тему бесполезно. Поэтому я сразу перейду ко второму пункту и спрошу вас прямо: что вы сделали с портсигаром мистера Пириода?

Моппет скрестила ноги и выдержала длинную паузу; пожалуй, даже слишком длинную.

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

– Только то, что я сказал. Вы и Леонард весь вечер вертели его в руках. Что вы с ним сделали?

– Да как вы смеете, – начала Моппет. – Как вы...

В комнату вошел Леонард.

Увидев мистера Картелла, он застыл на месте.

– Прощу прощения, – произнес он любезным тоном. – Я не помешал?

Моппет протянула к нему руки:

– Милый, я совершенно сбита с толку. Ты можешь мне помочь?

Лейсс взял ее за руку и сел на подлокотник.

– А в чем дело?

Его и без того бледное лицо казалось совсем белым.

– Честно говоря, не возьму в толк, – пожала плечами Моппет. – Кажется, речь идет о том, что бедняга Пи Пи куда-то задевал свой музейный экспонат.

– Пропал портсигар мистера Пириода. – Мистер Картелл обратился напрямую к Леонарду. – Вы и мисс Ралстон были последними, кто держал его в руках. Может быть, объясните, что вы с ним сделали?

– Пропал! Вот черт, скверная история, правда? – Бледные пальцы Леонарда легли на руку Моппет. – Конечно, мы постараемся помочь. Вы сказали... Ах да, я вспомнил. Я положил его на подоконник, когда мы были в столовой. Ты ведь помнишь, дорогая?

– Еще бы.

– Окно было открыто или закрыто? – осведомился мистер Картелл.

– О, – беспечно ответил Леонард, – окно было открыто. Да, открыто.

– Это вы его открыли, мистер Лейсс?

– Я? С какой стати? Оно уже было открыто.

– Во время обеда оно было закрыто.

– Ну, значит, его открыл дворецкий; не помню, как его там?

– Нет.

– Это он так говорит? – улыбнулся Леонард.

– Это я так говорю.

– Хм. Боюсь, мне не очень нравится, как вы это говорите. – Леонард вынул из кармана серебряный портсигар, предложил его Моппет, достал себе сигарету и спокойно закурил. Хлопнув крышкой, он улыбнулся мистеру Картеллу и убрал портсигар обратно в карман. Потом, глубоко затаившись, выдохнул дым и помахал в воздухе рукой. На его мизинце блеснуло кольцо с изумрудом. – Как насчет землекопов? Вы их спрашивали?

– Они не могли открыть окно снаружи.

– Может, кто-то открыл его для них.

Мистер Картелл встал:

– Мистер Лейсс, я отвечаю перед мистером Пириодом за всех, кого приглашаю в его дом, как бы я сам к ним ни относился. Если портсигар не будет возвращен в течение двенадцати часов, я обращусь в полицию.

– Вы в таких делах специалист, не так ли? – невозмутимо заметил Леонард. Он взглянул на кончик своей сигареты. – Вот что я вам скажу. Мне не нравится, как вы ведете это дело, мистер Картелл, и я сумею ответить должным образом.

Мистер Картелл бросил на него взгляд, в котором удивление боролось с отвращением, и повернулся к Моппет.

– Я не вижу смысла продолжать этот разговор, – отчеканил он.

Тут в доме хлопнула входная дверь, и из прихожей донесли гулкие шаги вперемежку с собачьим визгом и оглушительным лаем. Шум перекрыл громкий женский голос: «Назад! Назад, я сказала!» Одна из собак жалобно заскулила, вторая залаяла с удвоенной яростью. «Тише, Ли, тише. Успокойся, милый. Кто впустил сюда эту чертову дворнягу? Труди!»

– Я передумал, – пробормотал мистер Картелл. – Мне надо поговорить с сестрой.

Он вышел из комнаты и увидел в коридоре мисс Картелл: она стояла с пекинесом на руках, отпихивая ногой Пикси и отчитывая свою горничную.

– Господи, Бойзи! – воскликнула она, увидев брата. – Ты что, совсем спятил, притащив сюда эту дуру? Убери ее отсюда. Скорее!

Пекинес вывернулся у нее в руках и укусил за палец.

Мистер Картелл буркнул:

– Пойдем, старушка, тебе тут не рады.

Он вывел Пикси в сад, привязал к столбу и вернулся назад к сестре, которая все еще стояла в коридоре и пыталась остановить кровь из пальца. Пекинес куда-то исчез.

– Мне очень жаль, Констанс. Прошу прощения. Я и думать не мог...

– Ох, ладно тебе, – перебила мисс Картелл. – Ты ничего не смыслишь в собаках, и давай на этом успокоимся. Если хочешь поговорить, подожди, пока я обработаю свой палец.

Они вместе прошли в ее гостиную: маленькую комнатку с огромным количеством фотографий, большую часть которых она уже давно не замечала, не считая тех, где была запечатлена Моппет.

Покопавшись в ящике, мисс Картелл достала комок ваты и наклеила ее на рану вместе с какой-то черной, отвратительно пахнущей мазью.

– Боже мой, что это за гадость? – Мистер Картелл поднес к носу платок.

– Я лечу этим мозоли у своей кобылы.

– Черт возьми, Конни!

– А что такого? Короче, Бойзи, выкладывай, зачем пришел. Вижу, ты не в духе. В чем дело? Давай выпьем и поговорим.

– Я не хочу пить, Конни.

– Почему? А я хочу! – Мисс Картелл, разразившись оглушительным смехом, открыла кухонный шкафчик. – Я уже пропустила рюмочку в клубе, – добавила она, усевшись на край стола.

Мистер Картелл нехотя взял бокал с виски, глядя на сестру с чувством, похожим на отчаяние.

В конце концов ему удалось завладеть ее вниманием. На лице Констанс сразу появилось знакомое мистеру Картеллу выражение упрямства.

– Послушай, Конни, дело зашло слишком далеко. Моппет связалась с плохим парнем, и, если ты

не проявишь твердость, у нее могут быть серьезные неприятности.

Но все было бесполезно. Конни пообещала приструнить Моппет, но немедленно бросилась ее защищать, и скоро их разговор превратился в обычную раздраженную перепалку.

– Твоя проблема, Бойзи, в том, что ты всегда был чудовищно эгоистичен. Не удивляюсь, что Дезире тебя бросила. Все, что тебя интересует, – собственный комфорт. Ты и эту историю затеял только потому, что до смерти боишься, как бы Пи Пи не вышвырнул тебя из дома.

– Как ты можешь такое говорить? Естественно, мне совсем не улыбается мысль...

– Вот-вот, и я об этом.

– Господи, что за чепуха, Констанс! Неужели ты не понимаешь, что принимаешь у себя человека с криминальным прошлым?

– Моппет мне о нем все рассказала. Она взялась за его воспитание, и теперь он полностью исправился.

– Ты берешь на себя ответственность за судьбу Мэри, ты от нее без ума и в то же время позволяешь ей общаться с каким-то уголовником...

– Все совсем не так. Она его жалеет.

– Скоро ей придется жалеть саму себя.

– Почему?

– Этот портсигар...

– Пи Пи наверняка его найдет. Ты не имеешь права...

– Я имею полное право! – заорал мистер Картелл, побагровев от гнева. – Послушай меня, Конни! Эта девица отбилась от рук. Если у тебя есть на нее хоть какое-то влияние, немедленно прими меры. Хотя я считаю, что самое лучшее – передать ее в руки правосудия. Она уже привлекалась к суду, Конни. Тебе надо от нее избавиться. Что касается меня, то я обещаю, что, если этот чертов портсигар не будет возвращен до завтрашнего дня, я обращусь в полицию.

– Ты этого не сделаешь!

– Сделаю. И кончится все тем, что их обоих посадят за решетку.

– Ты просто жалкий сукин сын, Бойзи!

– Вот и отлично. – Мистер Картелл встал. – Это мое последнее слово, Конни. Желаю приятного вечера.

Он почти бегом выскочил из дома в сад и в спешке наткнулся на свою собаку. После короткой возни оба кое-как выбрались наружу и двинулись через лужайку, направляясь, очевидно, к дому мистера Пириода.

IV

На День дурака Дезире оделась в черное. Возможно, для другой женщины ее лет это могло стать настоящей катастрофой, но присущее ей врожденное нахальство помогло превратить поражение в триумф. Конечно, шея, грудь и те маленькие островки тела, которые не слишком благозвучно называют подмышками, бесстыдно выдавали ее возраст, но она просто пренебрегла подобными пустяками и, вместо того чтобы самой переживать по данному поводу, предоставила делать это другим. Очаровательно дерзкая и вульгарная, в золоченом пенсне, с небрежным макияжем и невероятно яркой шевелюрой, похожей на большой костер, леди Бантлинг больше напоминала полотно Тулуз-Лотрека, чем современную женщину. Так по крайней мере считал мистер Пириод.

После закуски вся компания с шумом высыпала на улицу и разбрелась по парам на поиски «ключей». Бимбо патрулировал территорию и приглядывал за гостями, приходя на выручку заблудившимся парочкам и призывая к порядку дезертиров. Все должны были вернуться в дом не позже полуночи. В бальном зале уже накрывали праздничный ужин, а мистер Пириод и Дезире тем временем сидели у камелька в ее будуаре и наслаждались горячим кофе и бренди. Мистер Пириод заметил, что хотя у Дезире это уже третья порция спиртного, она держалась с великолепной самоуверенностью. Сам он только изредка прикладывался к своему бокалу и вполголоса жаловался на судьбу.

– Дезире, дорогая, не знаю, в чем тут дело, но у вас удивительный талант развязывать людям язык. Я уже чувствую, что окончательно размяк и готов спустить всех собак на беднягу Хэла.

– Почему бы и нет? – Она пожала плечами и вытянула к огню ноги в туфлях на огромных каблуках. Мистер Пириод деликатно отвел взгляд, и ее это сильно позабавило. – Почему бы и нет? Жизнь с Гарольдом была сущим адом, и я не вижу, почему вы должны стать исключением. Разве что у вас более мягкий характер и неисчерпаемый запас терпения.

– Все дело в мелочах. Каждое утро – каждое Божье утро! – он стучит мне в дверь и говорит: «Ванная свободна. Если угодно». Каждый день прочищает горло перед тем, как открыть газету, и бормочет, что не ждет от нее ничего хорошего. А его собака, Дезире! А шум! А запах!

– Одна из тех дворняг, которые липнут к вам как банный лист.

Мистер Пириод недовольно прокашлялся и пробормотал:

– Вот-вот. Больше того, каждую ночь, ровно в час, Хэл вытаскивает ее на улицу, и она оглашает округу жутким лаем, пока он не заставляет ее заткнуться. На нее уже многие жаловались. И наконец, – мистер Пириод воздел руки к небу, – то, что произошло сегодня! Это уж ни в какие ворота!

– Но объясните мне ради Бога, Пи Пи, что такое стряслось? С Моппет, ее сомнительным дружком и автомобилем? Гарольд рассказал мне свою версию, но я была на него слишком зла и почти не слушала, что он говорит.

Ее собеседник подробно изложил, как было дело.

– И прошу вас, дорогая Дезире, будьте осторожнее. По-моему, этот Лейсс – довольно скверный тип. Между нами говоря...

Мистер Пириод огляделся по сторонам, словно опасаясь, что весь будуар был напичкан подслушивающими устройствами, и зашептал ей на ухо.

– О нет! – с наслаждением протянула Дезире. – Значит, он все-таки вор! А Моппет – его маруха, как по-вашему?

– Боюсь, что так, хотя я ничего не знаю. Но как это похоже на вас, с вашим добрым сердцем: пригласить их на званый вечер!

– Дело совсем не в доброте. Я хотела уколоть Гарольда. Он не отдает Эндрю деньги. Вы не представляете, как меня это бесит! – Она пристально взглянула на своего гостя: – Скажите честно, Пи Пи, вы обсуждали это с Хэлом или с Эндрю?

Мистер Пириод смущенно ответил:

– Ну, не то чтобы обсуждали...

– Только не говорите, что вы тоже не одобряете Эндрю!

– Нет-нет! – торопливо заверил мистер Пириод. – Не одобряю – не то слово. Просто увольнение из гвардии и все такое... Другой круг общения. Искусство, галерея в Челси... Я не говорю, что Эндрю... но все-таки. Не важно!

– Надеюсь, мы не будем из-за этого ссориться?

– Ссориться? О Господи! Конечно, нет.

– Вот и хорошо. – Она неожиданно чмокнула мистера Пириода в щеку. – Давайте поговорим о чем-нибудь более веселом.

Они погрузились в светские сплетни, и мистер Пириод быстро оттаял. Разговор доставлял ему большое удовольствие, но он не хотел оставаться до прихода «охотников за сокровищами». Посмотрев на часы и увидев, что уже одиннадцать, мистер Пириод спросил, нельзя ли вызвать по телефону «катафалк».

– В этом нет необходимости. Возле дома стоит моя машина, я с удовольствием вас подвезу. Не спорьте, Пи Пи, мне и правда будет приятно. Заодно проедусь по поселку и проверю, как идет охота. Кстати, одна из подсказок Бимбо ведет к вашей канаве. Там написано: «Путь страданий и забот вас только в яму приведет». Бедняжка, из него неважный поэт, но, по-моему, это его лучшая работа. Пойдемте, дорогой. Я вижу, что вам не терпится удрать отсюда раньше, чем пронырливый Лео и его подружка принесут домой главный приз.

Они вышли из дома и направились к машине Дезире. Мистер Пириод был немного обеспокоен количеством выпитого ею бренди, но леди Бантлинг вела машину безупречно, и всю дорогу они говорили о мистере Картелле. В Литтл-Кодлинге Дезире свернула на Грин-лейн. Разрытая канава была обозначена красным фонарем. На противоположной стороне посреди травы стоял спортивный автомобиль.

– Насчет Энди, – сказала Дезире, дав пронзительный гудок. – Кажется, он собирается влюбиться в

вашу секретаршу.

– Как? Так скоро!

– Только собирается. Но зато по уши. Кстати, мне она тоже нравится.

– Замечательно! Она прекрасная девушка. Я очень ею доволен.

– Скажите, Пи Пи, – спросила Дезире, когда они уже были возле дома, – Гарольд еще вас чем-то расстроил, не так ли?

Наступило молчание.

– Можете не говорить, если не хотите.

– Для меня это болезненная тема, – натужно произнес мистер Пириод. – Он мне кое-что сказал. Разумеется, человек не должен позволять себе расстраиваться из-за таких вещей, но... Нет, дорогая Дезире, я не стану вам этим докучать. Все в порядке. Забудем об этом.

– Хорошо. – Она нажала на тормоз.

Мистер Пириод не сразу вышел из машины. Он произнес еще одну небольшую речь, поблагодарив за гостеприимство, и после многочисленных обиняков и смущенных вздохов робко намекнул на траур.

– Я ничего не говорил, потому что чувствовал, что вы этого не хотите. Но я боюсь, что вы могли подумать... то есть я хочу, чтобы вы знали... – Мистер Пириод махнул рукой и замолчал.

– Вы имеете в виду Ормсбери? – спросила она напрямик.

Мистер Пириод пробурчал что-то утвердительное.

– Вы ничего об этом не сказали, – добавил он. – И естественно...

– Иногда горе слишком велико, – произнесла Дезире ничего не выражавшим голосом, – чтобы его можно было передать словами.

Мистер Пириод промычал нечто сочувственное, поцеловал ей руку и удалился.

Он прошел через боковые воротца сада. В свете включенных фар она видела, как ее спутник неуклюже перебирался по перекинутым через канаву мосткам. Наконец он благополучно добрался до дома, и Дезире уже хотела отъехать, как вдруг заметила в верхнем окне чей-то силуэт. Она заглушила мотор и вышла из машины.

V

Победители вернулись около полуночи и продемонстрировали свой приз – огромную бутылку шампанского. Это и правда оказались Моппет и Леонард: оба все время улыбались, но почему-то избегали при этом смотреть друг на друга. Яркий наряд Леонарда бил в глаза массивными запонками, широкими лацканами и гигантским галстуком цвета спелой сливы.

Посмотрев на него с отвращением, Бимбо угостил их выпивкой и поставил пластинку с джазом.

Леонард с умопомрачительным изяществом предложил руку Дезире. Он прекрасно танцевал. «Даже чересчур, – вспоминала она потом. – Ни дать ни взять роскошный жиголо. И разило от него примерно так же: меня чуть с ног не сшибло. Я была в восторге».

Бимбо волей-неволей пришлось составить пару для Моппет, которая подошла к нему с деловым видом. Их развлечения прервало появление остальных «охотников», в том числе Николая и Эндрю, которые вернулись последними и, кажется, остались очень довольны прогулкой.

У Дезире был талант к устройству вечеринок. Иногда они начинались вполне прилично, а кончались эпатажно; порой сохраняли приличие от начала до конца, а очень часто вообще не вписывались ни в какие рамки. Именно последние доставили ей скандальную славу. Но на этот раз все проходило весело и благопристойно: возможно, благодаря Эндрю, который заявил, что хотел бы видеть вечер именно таким.

Все гости увлеченно танцевали, и на часах было четверть второго, когда веселье внезапно прервалось. Бимбо стал менять пластинки, поэтому все хорошо слышали, как где-то в подъездной аллее дралась целая стая собак. Остервенелый лай и злобное рычание, прерываемые душераздирающим визгом, заглушали все остальные звуки.

Дезире равнодушно заметила:

– Собачья свадьба. – И вдруг спохватилась: – Бимбо! Наши псы! Они вырвались!

Бимбо выругался, отдернул шторы и выскочил через балконную дверь на террасу. За ним

последовали Эндрю, Дезире и большая часть мужчин.

Николя вышла из комнаты вместе с женщинами и Леонардом.

Драка происходила в самом начале аллеи между припаркованными машинами, и арену битвы озарял свет, падавший из окон. Там царил хаос. Шесть или семь собак грызли друг друга посреди площадки, еще несколько, сцепившись в клубок, катались под машинами. Один здоровенный пес сидел в отдалении и бесстрастно выл, задрав морду к небу, другой носился взад и вперед по аллее, оглашая окрестности истеричным лаем.

Бимбо, Эндрю и кто-то из сторожей поспешили вниз. Трое мужчин кричали, ругались, пинали и расталкивали собак, но толку от этого было немного. Дезире неожиданно бросилась в общую кучу, на секунду исчезла в свалке, но тут же появилась снова, ухватив за шиворот взбесившегося пуделя. Из дома высыпала прислуга, размахивая охотничьими хлыстами и зонтиками, крики людей смешались с собачьим лаем. Вскоре Эндрю отделился от толпы, волоча за ошейники двух разбушевавшихся скотч-терьеров. Это были собаки из Бэйнсхолма; их затолкали вместе с пуделем в чулан, где они продолжали недовольно тявкать и скулить.

Бимбо вынес из дома духовое ружье. Он знаком попросил всех отойти в сторону и прицелился в самый центр площадки. Раздался выстрел, потом жалобный визг, и вся аллея мигом опустела. Вдалеке послышался скорбный вой бросившихся наутек собак.

Только одна осталась на поле битвы. Это была Пикси – запыхавшаяся, довольная, помятая и ошалевшая, с поводком на порванном ошейнике и вывалившимся набок языком. Когда к ней подошел Бимбо, она собрала остаток сил и вцепилась ему в ногу.

VI

На следующее утро Конни с трудом очнулась от тяжелого сна. Еще не придя в себя окончательно, она испытала знакомое ощущение, когда предчувствие чего-то неприятного наваливается раньше, чем успеваешь понять, в чем дело. Секунды две она лежала, жмурясь и зевая. Потом услышала, как ее австрийская горничная прошла по коридору и постучала в дверь.

«Вот черт! – подумала Конни. – Я забыла ей сказать, чтобы она никого не будила».

И тут на нее обрушился весь кошмар минувшего вечера.

Конни не отличалась богатым воображением, но после визита своего брата она легко могла представить, что произойдет с Моппет, если портсигар мистера Пириода не будет найден. Она попыталась урезонить племянницу, но дело, как всегда, кончилось ничем. Моппет беспечно ответила, что Пи Пи и мистер Картелл просто слишком подозрительны. Когда Конни заговорила о дурной репутации Леонарда Лейсса, девушка заявила, что у него было трудное прошлое и она потратила немало сил, чтобы вернуть его на путь истины. Моппет даже пустила слезу и от всей души заверила Конни: теперь все будет хорошо и она полностью ручается за то, что Леонард окончательно исправился.

Если бы Конни лучше разбиралась в людях вроде Лейсса и могла как-то влиять на их поведение, возможно, ей удалось бы изменить ситуацию к лучшему. Не исключено, она даже смогла бы привить Моппет иные склонности и вкусы. Но увы, у Конни не было для этого ни способностей, ни опыта. Все, что она умела, – это обожать Моппет до безумия и изливать на нее свою бесполезную любовь. С этой девушкой Констанс чувствовала себя так, словно попала в чужую страну, где, как все иностранки, на каждом шагу делала ошибки.

Приняв ванну и одевшись, Конни как в тумане спустилась к завтраку и стала машинально поедать яйца с беконом и почками, которые равнодушно поставила перед ней горничная. Еще не закончив завтракать, она увидела Альфреда, шагавшего по лужайке в шерстяной куртке и матерчатой кепке, с конвертом в руке.

Через минуту он уже стоял перед ней.

– Простите, что побеспокоил, мисс, – Альфред положил конверт на стол, – но мистер Пириод попросил передать вам это. Насколько я понял, ответа не требуется.

Конни поблагодарила и, когда он ушел, распечатала конверт.

Прошло несколько минут, а она все еще читала и перечитывала письмо. Недоумение сменилось замешательством, потом тревогой. Наконец, ее охватило жуткое чувство нереальности, и Конни

прочитала текст еще раз.

Дорогая моя, что я могу сказать? Только то, что Вы потеряли любящего брата, а я – преданного друга. Поверьте мне, я глубоко чувствую и понимаю, в какое горе поверг Вас этот удар и с каким мужеством Вы его приняли. Если Вы не сочтете это дерзостью со стороны старого чудака, я процитирую две простые строчки, написанные нашей дражайшей герцогиней Рэмптон, истинной викторианкой. Думаю, тот факт, что они остались не опубликованы, не делает их хуже.

О, не ропщи, измученное сердце, о том, что суждено.

Пока живу, живешь и ты, ведь мы с тобой – одно.

Смею надеяться, мы знаем друг друга достаточно давно, чтобы Вы поверили в мою искренность и не стали отвечать на эту слабую попытку выразить то горячее сочувствие, которое я к Вам испытываю.

Искренне Ваш

Персиваль Пайк Пириод.

Когда австрийская горничная вошла в столовую, Конни все еще смотрела на письмо.

– Труднн, – произнесла она через силу, – я в шоке.

– Битте?

– Не важно. Я отлучусь из дома. Ненадолго.

Она вышла на улицу, пересекла лужайку и постучала в дверь мистера Пириода.

На Грин-лейн уже собралась кучка рабочих.

Дверь открыл Альфред.

– Альфред, – спросила она, – что случилось?

– Случилось, мисс?

– Мой брат. Он...

– Мистер Картелл еще не встал, мисс.

Конни посмотрела на него так, словно он говорил на неизвестном языке.

– Обычно мистер Картелл встает раньше, мисс, – добавил Альфред. – Вы хотите с ним поговорить?

– В чем... а, Конни! Доброе утро.

Это был мистер Пириод, свежий и пышущий здоровьем, хотя и не столь румяный, как обычно. В его тоне звучала подчеркнутая бодрость.

– Пи Пи, ради Бога, что это значит? – вскричала Конни. – Что вы такое написали?!

Мистер Пириод взглянул на Альфреда, и тот исчез. Потом, помявшись, он взял Конни за руку.

– Ну, все, все, не надо так волноваться, дорогуша.

– Вы с ума сошли?!

– Конни! – пролепетал он еле слышно. – О чем вы говорите? Вы... вы знаете?

– Я должна сесть. Мне нехорошо.

Она села. Мистер Пириод смотрел на нее в замешательстве, прижав пальцы к губам. Он собирался что-то сказать, когда со стороны комнат для прислуги раздался пронзительный женский крик. Затем загалдели мужские голоса. На пороге появился бледный Альфред.

– Боже милостивый! – воскликнул мистер Пириод. – Что там еще?

Альфред остановился за спиной Конни Картелл и спросил, многозначительно глядя на хозяина:

– Могу я с вами поговорить, сэр? – Он сделал предупредительный жест и указал на дверь в библиотеку.

– Прошу меня извинить, Конни. Я сейчас.

Мистер Пириод прошел вслед за Альфредом в библиотеку, и тот закрыл дверь.

– Альфред, да что с вами такое, черт возьми?! Почему вы на меня так смотрите?

– Мистер Картелл, сэр. – Альфред облизнул пересохшие губы. – Даже не знаю, как сказать, сэр.

Он... он...

– О чем вы говорите? Что произошло?

– Несчастннй случай, сэр. Его обнаружили рабочие. Он... – Альфред повернулся к окну. В открытых воротах за живой изгородью виднелась кучка землекопов, которые стояли, нагнувшись и глядя куда-

то под ноги. – Если говорить без обиняков, сэр, – продолжил слуга, – они нашли его... на дне канавы.
Мне очень жаль, сэр, но, боюсь, он мертв.

Аллейн

I

– В общем, вот так, – сказал суперинтендант Уильямс. – Здесь вся история и те, кто в ней замешан. Или не замешан, пока не ясно. Я подумал: все равно придется вызывать вас, так зачем нам самим лезть в дерьмо и путаться под ногами? Не то чтобы мы не могли справиться сами, но у нас дел по горло, а людей кот наплакал. Вот я и позвонил в Ярд.

– Очень мило, – сухо отозвался Аллейн, – и довольно необычно. Мы вам очень обязаны, верно, Фокс?

– Да, спасибо за сотрудничество, – от души поблагодарил инспектор Фокс.

Они ехали из полицейского участка Литтл-Кодлинг к Грин-лейн. Было около десяти утра. Поселок в лучах весеннего солнца выглядел красочным и живописным. Австрийская горничная мисс Картелл мирно вытряхивала в саду ковры. Почтальон со своей сумкой, как обычно, объезжал участки. В доме мистера Пириода, насколько его можно было разглядеть со стороны, также не наблюдалось никакого беспокойства. Немного странной казалась только группа из трех рабочих, которые, опустив головы, стояли рядом с автокраном и беседовали с водителем. В их поведении чувствовалась какая-то скованность или тревога. У одного был весьма раздраженный вид.

Более острый взгляд, впрочем, мог заметить, что почти во всех домах, скопившихся вокруг лужайки, за окнами стояли люди и внимательно следили за приближавшей машиной. Даже почтальон остановил велосипед и стал смотреть на нее, опершись ногой о землю. Джордж Коппер беспокойно маячил на дорожке у своего гаража, рядом с ним пристроились две женщины, подросток и трое мальчишек. Женщины что-то шептали, прикрыв ладонями рот.

– Весь поселок стоит на ушах, – заметил суперинтендант Уильямс. – Приехали, Аллейн.

Они свернули в переулок. Он был перегорожен тросом, протянутым между уличным столбом и дорожным знаком с надписью «В объезд». Недалеко от поворота начинался глубокий ров, обрамленный с одной стороны аккуратным бортиком из выброшенной наверх земли, а с другой – цепочкой тяжелых труб. Как раз напротив ворот мистера Пириода между ними зиял большой просвет, а в дальнем конце канавы одна труба торчала дальше остальных.

Один из рабочих отошел в сторону от подъезжавшей машины, и она затормозила позади грузовика.

Ярдах в двухстах от этого места, у боковых ворот в сад мистера Пириода, стоял сержант Райкс. Он переминался с ноги на ногу рядом с кучей досок, горой инструментов, железной стремянкой и человеческим телом, завернутым в непромокаемый брезент. Неподалеку, на другой стороне лужайки, остановился еще один автомобиль. Из него вышел немолодой, хорошо одетый мужчина с холеными руками и направился к приехавшим полицейским.

– Доктор Электон, наш окружной хирург, – представил его суперинтендант Уильямс.

– Неприятное дельце, – заметил доктор Электон. – Весьма неприятное. Даже не представляю, что вы об этом скажете.

– Мы можем взглянуть на тело? – спросил Аллейн.

– Да, конечно.

– Сержант, помогите с трупом, – распорядился Уильямс. – Лучше загородить его со стороны домов.

– А я пока объеду лужайку, – сказал доктор Электон и быстро совершил этот маневр.

Райкс и Уильямс подняли с мертвеца брезент и отодвинули в сторону. Аллейн и Фокс, всегда деликатные в таких делах, сняли шляпы; доктор Электон с удивлением посмотрел на них, но сделал то же самое.

Тело мистера Картелла лежало на спине. Вид у него был очень неприглядный – мокрый от грязи и воды, с окровавленным черепом. Неузнаваемое лицо превратилось в блестящую глиняную маску, а волосы слиплись колтуном. Одежда, скомканная и измятая, в мутных пятнах и потеках, состояла только из брюк, рубашки и домашнего халата. На ногах были черные носки и красные кожаные

шлепанцы. Одна рука судорожно вцепилась в землю. Между скрюченных пальцев еще сочились струйки вязкой жижи.

Аллейн присел на корточки, не притрагиваясь к телу. Вид трупа ничего ему не сказал. Ни руки, ни голова, ни одежда не давали ни малейшего намека на то, чем занимался этот человек. Будь у него хоть одна деталь, связывавшая жертву с прошлым, суперинтендант извлек бы больше пользы из своего осмотра.

После короткой паузы Аллейн вернул на место брезент, поставил ногу на земляной бордюр и заглянул в канаву.

– Так-так. Значит, тело нашли внизу? – прорезал тишину его мощный и глубокий голос.

– Прямо там, где вы стоите. Лицом вниз. А сверху лежала труба, – пояснил суперинтендант Уильямс.

– Понятно.

– Рабочие подумали, что, может, он еще жив. И стали вытаскивать наверх. Та еще работенка, – вздохнул Уильямс. – Пришлось использовать кран.

– Когда вы его увидели, он выглядел так же, доктор Электон?

– Да. Множественные травмы черепа. Но я сделал только поверхностный осмотр. Могут быть другие повреждения.

– Можно мне поговорить с рабочими?

Райкс кивком пригласил их подойти, и они неохотно приблизились. Один, самый высокий, все время вытирал руки о грязную тряпицу.

– Доброе утро, – поздоровался Аллейн. – Ну что, нелегко вам пришлось сегодня?

Высокий мужчина кивнул. Один из его товарищей добавил:

– Просто жуть.

– Расскажите, пожалуйста, что произошло. Когда вы его нашли?

Инспектор Фокс незаметно достал блокнот.

– Когда пришли на работу. Часов в восемь или около того, – ответил верзила. Судя во всему, он был у рабочих за старшего.

– Вы его сразу заметили?

– Не то чтобы сразу, сэр. Постояли, перекинулись парой слов. Обмозговали, что будем делать. Сняли куртки. Но стояли мы не здесь, а подальше. Видите, где грузовик? Вон там.

– Понятно. И потом?

– Потом пошли сюда. Смотрю: а мостика из досок нет. И одной трубы тоже. Я говорю: «Какого черта? Кому понадобились доски и труба?» Так ведь было дело, верно? – обратился старший к остальным.

– Верно, верно, – ответил хор голосов.

– Я уже рассказывал это мистеру Райксу. Мы все ему рассказали.

– Все в порядке, Билл, – успокоил его Уильямс. – Просто суперинтендант хочет услышать это лично.

– Да, если вы не против, – кивнул Аллейн. – Хочу прояснить, так сказать, общую картину. Всегда лучше получать информацию из первых рук.

Старшина покачал головой.

– Глупая вышла история. Как ни крути, а мы отвечаем за свою работу. Оставили полный порядок: настил из досок, лампы. Как говорится, все в целостности и сохранности. А теперь что?

– Лампы? Я видел одну, в конце канавы. Здесь стояла другая?

– А как же? Чтобы мостик было видно. Мы это сразу заметили. Лампа исчезла. Она валялась в канаве.

– Понятно. Кстати, я вижу, вы тут вырыли приличную траншею. Это магистральный выводной коллектор?

Рабочие кивнули. Старшина подтвердил, что так оно и есть.

– Вот, посмотрите, канава очень глубокая, – показал он рукой. – Глубже не придумаешь. Четырнадцать и три до дна, а почва что твое болото, тяжелая и мокрая. Железо вязнет. Ну ладно. Когда работаешь на открытом грунте, нужна техника безопасности. Лампы. Настилы. Удобные подходы. Мы так и сделали, все как положено. И вот что мы нашли! Ну ладно. Короче, сразу было ясно: тут что-то не так. Вот я и говорю: «Где эта чертова лампа?» Подошел к краю и посмотрел вниз. И

увидел.

– Что именно?

Старшина вытер руки о тряпку.

– Сперва я увидел трубу, всю в грязи, а рядом – электрический фонарик.

– Он принадлежал покойному, – вставил Уильямс. – Слуга его узнал, и я решил оставить все на месте.

– Хорошо. А потом? – обратился Аллейн к старшине.

– Короче, я все это увидел и – сейчас как вспомнишь, даже как-то чудно становится – хотел уже поднять шум из-за трубы, но вдруг смотрю, там еще что-то лежит. Торчат наружу, а сами наполовину в жиже. Я про его ноги. И все как будто не по-настоящему. Я и говорю парням: «Эй, а это что такое?» Смешно! Я ведь сразу понял, что это.

– Понимаю.

– Потом мы взяли грузовик и достали из траншеи трубу и доски. Вытянули краном. Доски там и лежат, где мы их бросили. Трубу мы тоже с него сняли и оттащили в другой конец. Тогда все лучше стало видно. Парень завяз. Утонул в грязи под собственным весом. Я-то сразу понял, что он покойник. Уже по затылку было ясно. Но... – Старшина недовольно покосился на Райкса. – В общем, мне плевать, кто что говорит, но нельзя было так все оставлять. Что-то надо было делать.

Райкс скептически хмыкнул и посмотрел на Аллейна.

– Думаю, он прав, сержант, – заметил Аллейн, и старшина с благодарностью кивнул.

– Короче, мы его вытащили, сэр. Работенка оказалась скверная, если учесть глубину, и воду, и то, в каком он был виде. Достали и видим – труп! Кранты. По-любому. Тогда мы всех разбудили в доме, и они сразу забегали и вызвали доктора.

– Ясно. Ясней не бывает. Теперь вот что. Вы достаточно хорошо разглядели, как он лежал, хотя впечатление, конечно, уже немного смазилось. Это естественно. Насколько я понял, голова была там, значит, он оказался не прямо под тем местом, где находились доски, а под углом к нему. Ноги ниже, голова левее. Теперь левая рука. Она была вытянута вверх? Вот так? И согнута в локте? А правая отброшена в сторону – вот так?

Старшина и его товарищи энергично закивали. Один из рабочих пробасил:

– В самую точку, да?

Второй поддакнул:

– Похоже на то.

А старшина даже присвистнул в знак одобрения.

– Хорошо, – продолжал Аллейн, – он вцепился в комок грязи, и вы видели, где его пальцы вошли в стенку траншеи, так? Отлично. Как лежали доски: наполовину под ним, наполовину сверху?

– Именно так, сэр.

– Тут ясно видно, где были доски перед тем, как рухнул мост, – вмешался Уильямс. – Как говорится, где тонко, там и рвется. Ближе к воротам доски просто упирались в край траншеи. Видите, остались борозды в том месте, где они сползли по склону? Стоило ему поставить на них ногу, как все свалилось вниз.

Рабочие возмущенно загудели. Ничего подобного, доски стояли крепко. Они все проверили: мост перекрывал землю на добрых шесть футов с каждой стороны канавы, он мог выдержать любого человека.

– Верно, – согласился Аллейн. – Взгляните сами, Уильямс. Это старые борозды. Доски углубились в почву, но стояли намертво.

– Вот именно, сэр, – обиженно подтвердил старшина.

– Прекрасно, а теперь посмотрим на упавший фонарь, – предложил Аллейн.

Рабочие взяли стремянку и извлекли лампу со дна траншеи, примерно в двух футах от того места, где лежало тело. Она испачкалась в грязи, но не разбилась. Рабочие показали железную стойку, на которой держалась лампа. Стойка была вытянута из земли и валялась на краю канавы.

– Когда вы уходили вчера с работы, лампа горела?

– Так же как и все остальные. А когда мы пришли утром, все горели, кроме этой.

– Взгляните, Фокс. – Аллейн показал лампу инспектору, и тот внимательно ее рассмотрел.

– В ней увернули пламя, – сказал он тихо. – И довольно сильно.

– Разберитесь с этим, ладно? – Аллейн повернулся к рабочим: – И еще одно. Что было с трубой,

когда вы уходили вечером? Она лежала на этом месте, вплотную к другим трубам?

– Да, сэр. – Старшина переглянулся с товарищами и раздраженно добавил: – А если кто думает, что ее могли убрать случайно, пусть прочистит себе мозги. Это трубы магистрального коллектора. Поднять их можно только краном, а чтобы сдвинуть с места, понадобится рычаг. Да что там! Попробуйте убрать одну из них, если не верите. Просто попробуйте. И все станет ясно.

– Я вам и так верю, – кивнул Аллейн. – Пока это все, что мы хотели от вас узнать. Мы составим письменный отчет по вашим показаниям, а потом вам придется заглянуть в участок и посмотреть, все ли там правильно. Если да, надо будет его подписать. Если нет, вы поможете нам его исправить. До сих пор вы действовали абсолютно верно, и я полагаю, что мистер Уильямс и сержант Райкс охотно с этим согласятся.

– Все правильно, – подтвердил Уильямс. – Никаких претензий.

Рабочие с облегчением удалились.

– Первое, что я хотел бы узнать, Боб, – сказал Аллейн, – какого черта творилось на этой лужайке? Вы только взгляните. Можно подумать, что тут толпился весь поселок. Вечерние туфли, женские боты, мужские ботинки, мокасины... А сверху все истоптано резиновыми сапогами. Большая часть следов оставлена еще до момента смерти – кроме, наверное, сапог, – но что, черт возьми, тут произошло?

– Тут была веселая пирушка, – ответил Уильямс. – Гости носились по всем улицам. К нам поступали жалобы. Вечеринку устроила хозяйка Большого дома – поместья Бэйнсхолм.

– Еще одна причуда леди Бантлинг, – сухо добавил доктор Электон. – Дело кончилось собачьей дракой. Меня вызвали в полтретьего ночи, и я наложил повязку ее мужу. Псов к этому времени уже растащили. Насколько я понял, гвоздем программы была «охота за сокровищами».

– Вот черт! – в сердцах произнес Аллейн. – Значит, разбираться со следами теперь бесполезно: это все равно что искать отпечатки ног в виноградной давяльне. Долго продолжалась вечеринка?

– Когда я ложился, они еще шумели, – ответил доктор Электон. – Где-то около двенадцати. Потом меня снова разбудили, но я уже об этом говорил.

– Ладно, по крайней мере мы сможем выяснить, были ли в это время целы доски и фонарь. А пока давайте осмотрим местность и добавим в эту кашу свои отпечатки. Погодите, а это что такое?

Он остановился перед одной из труб. Снизу имелось небольшое углубление, словно в этом месте из-под нее выскребли землю. Аллейн нагнулся и достал из ямки листок почтовой бумаги.

Уильямс заглянул через его плечо.

– Стихи, – произнес он брезгливо.

На бумажке были написаны две строчки.

Аллейн прочитал их вслух:

Потерял ориентир?

Загляни скорей в сортир

– Изысканно, ничего не скажешь, – усмехнулся доктор Электон.

– Судя по всему, это подсказка, – заметил Фокс, и Аллейн передал ему листок.

– Если бы все остальное было так же просто, – пробормотал суперинтендант.

– Что вы об этом думаете, Аллейн? – спросил Уильямс. – Произошел несчастный случай?

– А как по-вашему?

– Вряд ли.

– И я того же мнения. Взгляните сюда. Доски передвинули вперед, чтобы они держались на самом краешке траншеи. Покойный оставил на земле только один след – там, где раньше лежали доски и почва была довольно мягкой. Отсюда следует, что он шел со стороны ворот, по твердой дорожке, где не осталось отпечатков ног. Очевидно, в левой руке он держал фонарь. Упав, он резко подался вперед и выронил фонарик, и одна из досок подскочила в воздух и ударила его по лицу. Это только мои догадки, но я думаю, что после осмотра доктор Электон обнаружит, что у жертвы сломан нос. И поскольку он упал лицом в грязь, перелом мог быть вызван именно доской. Дальше. Лампу своротили с железной стойки. Стойку воткнули в землю под углом, так что она свисала над траншеей между двумя трубами – сдвинутой и той, что рядом. Кстати, втыкали ее дважды: рядом есть второе отверстие. Значит, лампа была далеко, и он не мог за нее ухватиться. Собака большая?

- Что? – удивленно спросил Уильямс.
- Ее следы остались после сапог рабочих. Очевидно, собака была крупной.
- Пикси, – обронил долго молчавший Райкс.
- Ну да, – скривился Уильямс. – Это она.

– Полоумная дворняга, мистер Аллейн, – пояснил сержант Райкс. – Покойный джентльмен называл ее боксером. Он обычно выгуливал Пикси перед сном, всегда в одно и то же время – ровно в час ночи. Шум был ужасный. Соседи часто жаловались, – добавил Райкс с интонацией человека, который хорошо знает, о чем говорит.

– Пикси в отличной форме, – заметил Аллейн, – она перемахнула через ров. На другой стороне должны быть следы. Взгляните на правую руку Картелла, Электон.

Доктор так и сделал.

- Вижу следы травмы, – сообщил он. – Вспухшие рубцы, вокруг ладони заметная вмятина.
- Как насчет кожаного поводка, который резко сдернули с руки?
- Вполне может быть.
- Теперь стойка, Фокс.

Инспектор наклонился к земле, не сходя с твердой дорожки на лужайке. Он бережно поднял железную опору и протянул Аллейну с таким видом, словно это было какое-то хрупкое и ценное изделие.

– Тут есть следы, мистер Аллейн, – сказал инспектор. – Края потерты. Как будто что-то обвилось вокруг стойки, а потом резко сорвалось.

– Наверно, после того как Картелл упал, Пикси перепрыгнула через канаву, выдернув из его руки поводок. Собака сначала запуталась вокруг стойки, потом вырвала ее из земли и удрала. Лампа упала в ров. Примерно так. Кстати, кто-нибудь знает, где Пикси?

- Может быть, спросить в доме? – предложил Райкс.
- Не к спеху. Пока это только пустые догадки.
- А по-моему, звучит вполне правдоподобно, – возразил Уильямс.

– Сойдет за рабочую версию. Но одно осталось непонятным, – продолжал Аллейн, – почему фитиль в лампе был повернут почти до нуля?

– В самом деле! – воскликнул сержант Райкс.

– Очень странно, – пробормотал Уильямс, рассматривая стойку. – Видите нижнюю часть опоры? Казалось бы, ее должны были вытащить из почвы чистой или одинаково грязной со всех сторон. Но она испачкана только с одного бока, а с другого ее как будто вытерли.

- Я вижу, вы не зря едите свой хлеб, – заметил Аллейн.
- Да ладно вам! – отмахнулся Уильямс. В прошлом он стажировался вместе с Аллейном.

– Взгляните на то место, которое раньше находилось под трубой. Оно не так сильно затоптано, как остальные. Видите на земле отметины? Косые углубления в сторону ямы?

- И что?
- Фокс, попробуйте.

Инспектор, все еще державший стойку за верхушку, осторожно приложил ее к одной из вмятин.

– Подходит, – сказал он. – Отличный рычаг.

– Если так, понятно, почему одна сторона осталась чистой. Заверните ее и отложите в сторону. Скоро приедут криминалисты, и мы сделаем слепок.

– А что не так с этой стойкой? – спросил доктор Электон.

– Мы думаем, что ее могли использовать как рычаг, чтобы поднять трубу. На самой трубе теперь вряд ли что-нибудь осталось, но посмотреть стоит. – Аллейн прошел до конца траншеи и присел рядом с лежавшей в стороне трубой. – Следы наверняка есть, – пробормотал он себе под нос. – Только чуть подальше. Мы найдем их, когда ее поднимут.

Вернувшись к остальным, Аллейн немного постоял, разглядывая место преступления. Налетевший ветер приподнял край брезента, и тот слегка задрожал, словно лежавший под ним мистер Картелл начал шевелиться. Фокс подошел и заботливо подоткнул выбившийся конец.

– Если верно, что к любому делу надо относиться непредвзято, – задумчиво произнес Аллейн, – то это верно и в данном случае. Не знаю, стоят ли чего мои догадки, но все-таки я вам их изложу. Судя по тому, что я увидел, преступление было тщательно продумано. Незадолго до появления Картелла кто-то сдвинул доски так, что они едва держались на конце канавы. Потом он убавил огонь в лампе и

спрятался: скорее всего лег за ближайшей трубой. Картелл подошел, ведя на поводке собаку. Как только он ступил на мост, тот провалился. Доска ударила его в лицо и оглушила. Натянувшийся поводок впился в его правую руку и сорвался. Собака перепрыгнула через траншею, запуталась вокруг железной стойки, опрокинула лампу, и та упала в ров. Преступник вылез из укрытия, использовал стойку как рычаг и свалил трубу в канаву. Она рухнула с высоты четырнадцати футов, убив жертву. Потом... постойте! А это что такое? – Аллейн наклонился над канавой и вгляделся в грязь. – Боюсь, придется лезть, – вздохнул он. – На самое дно.

– Давайте я, сэр, – предложил Фокс.

– Ни в коем случае, вы испортите свои прекрасные ботинки, – весело возразил Аллейн.

Он приладил лестницу к стенке канавы недалеко от того места, где нашли тело, и стал спускаться вниз. Из траншеи пахло сырой глиной и застоявшейся водой. На нижней ступеньке Аллейн остановился и посветил вокруг фонариком.

Стоявшие наверху увидели, как он наклонился и потянулся рукой к лежащей у стены доске.

Через минуту суперинтендант вылез обратно, держа в руке что-то завернутое в носовой платок. Осторожно присев, он положил импровизированный сверток на землю.

– Вот, смотрите, – сказал Аллейн, когда все сгрудились вокруг него.

Он развернул платок.

На земле лежал золотой портсигар тонкой работы. Сквозь мокрую грязь блестели грани драгоценных камней.

– Это его? – вопросительно произнес Уильямс.

– Или не его? Вот что интересно.

Минуту они молча смотрели на портсигар. Аллейн уже собирался снова завернуть его в платок, когда все вздрогнули, услышав надрывной вой.

В полусотне ярдов от них на лужайке сидела большая взлохмаченная псина с болтавшимся на ошейнике поводком и, закинув голову, заливалась жутким, выворачивавшим душу воем.

– А вот и Пикси, – сказал Райкс.

II

Поймать ее оказалось нелегко. На все призывы Пикси только угодливо ерзала на месте, била по земле хвостом и жалобно скулила. Но когда к ней подходили, она вскакивала, пугливо отбегала в сторону, потом снова садилась и принималась лаять или выть.

Пятеро мужчин свистели, подзывали, подкрадывались, ругались и сбивались с ног, но все было напрасно.

– Сейчас тут весь поселок соберется, – мрачно пробормотал суперинтендант Уильямс.

И действительно, у машин за дорожным барьером уже стали появляться люди.

Аллейн и доктор Электон попытались взять ее в «клещи», а Райкс и Уильямс прибегли к отвлекающим маневрам. Запыхавшийся Фокс вошел в раж и бросился на поводок, сделав комический прыжок, но это ни к чему не привело. И только потом все заметили невысокого бледного мужчину в непромокаемой куртке, который неподвижно стоял за воротами мистера Пириода. Это был Альфред Белт.

Сколько времени он там стоял, сказать никто не мог. Альфред держался незаметно, положив на ворота хорошо ухоженные руки, и вежливо и терпеливо смотрел на Аллейна.

– Если вы не против, сэр, я попробую справиться с собакой, – предложил он.

– Ради Бога!

Альфред свистнул. Пикси встрепенулась, игриво склонив голову набок.

– Сюда, сюда, малышка. – В голосе Альфреда звучала брезгливость. – Мясо.

Собака миглом обогнула конец траншеи и помчалась к нему вдоль ограды.

– Вот сучка, – пробормотал он, когда Пикси с разбегу налетела на его ноги.

Суперинтендант Уильямс, все еще красный после недавней гонки, представил Альфреда Белта через канаву.

– Мистер Пириод просил меня передать вам наилучшие пожелания, – обратился Альфред к Аллейну, – и заверить, что, если вам понадобится какая-то помощь, вы можете смело обращаться к

нему.

- Большое спасибо. Я так и сделаю. Буквально через несколько минут. Передайте ему, хорошо?
- Непременно, сэ, – кивнул Альфред и ушел.

Аллейн повернулся к Уильямсу:

– Когда приедут криминалисты, попросите их обработать весь участок. Договорились, Боб? Пусть сделают все, что нужно. Если от меня что-то понадобится, я буду в доме. Вы в курсе дела и справитесь с этим лучше меня. Буду очень признателен, если вы нам поможете.

Как раз благодаря таким маневрам Аллейну удавалось поддерживать хорошие отношения с местной полицией. Уильям пробурчал:

- С удовольствием, – и засучил рукава.

Доктор Электон спросил Аллейна:

- А что делать с телом?
- Сможете перевезти его в ближайший морг? Сэр Джеймс Кертис произведет вскрытие и поговорит с вами. Он приедет в середине дня.
- Я могу вызвать «скорую». Морг находится в Римбле.

– Отлично. В полдень Фокс или я ждем вас в участке. И еще одно. Что вы скажете об этом? – Аллейн отошел на несколько шагов и показал на большое влажное пятно, растекшееся посреди лужайки. – Дождя ночью не было, и землю тут явно не копали. Больше похоже на то, что здесь стояла машина с прохудившимся радиатором. Или просто пролили горючее. На этой чертовой глине ничего не видно. А, вот, смотрите. Осталось немного бензина, наверно, он капал из сливного шланга. Хотя, может быть, все это не важно. Готовы, Фокс? Давайте пройдем через боковые ворота.

Они обогнули траншею и вошли в сад мистера Пириода с бокового входа. Недалеко от дома Аллейн заметил водоразборную колонку с брошенным рядом резиновым шлангом и садовой лейкой без крышки.

– Вы это видите, Братец Лис? – Он кивнул на множество мелких вмятин размером с шестипенсовик, тянувшихся к колонке и обратно.

- Да. Лейку, кстати, использовали по назначению.

– Верно. Любопытно, кто в этом мужском царстве мог садовничать на шпильках? Ладно, идемте.

Они обошли дом и увидели Альфреда, который с чопорным видом ждал их на крыльце.

- Мистер Пириод в библиотеке, сэ, – доложил он. – Разрешите взять ваше пальто?

Фокс, который втайне страдал зачатками снобизма и всегда одобрял почтительное отношение к своему начальнику, разделся сам.

- Что вы сделали с собакой? – спросил Аллейн у Альфреда.

– Запер в дровяном сарае. Ее нельзя выпускать без поводка.

- Согласен. Можно взять ее поводок?

– Сэр?

– Поводок. Инспектор Фокс его заберет. Возьмете, Фокс? Я буду ждать вас в библиотеке.

Альфред торжественно склонил голову, вытянул руки, широко развел ладонями створки двери и первым вошел в библиотеку.

– Мистер Родерик Аллейн, сэ, – объявил он.

Альфред решил опустить должность Аллейна. «Дело в том, миссис Эм, – объяснил он чуть позже кухарке, – что кем бы человек ни был в органах правопорядка, за их пределами это не имеет значения».

У миссис Митчел тоже нашлось что сказать по данному поводу. «Брат-то у него баронет. И между прочим, бездетный. Я читала об этом в «Новостях мира». Статья называлась «Очаровательный сыщик». Забавно, правда?»

Суперинтендант тем временем беседовал с мистером Пириодом.

– Ах, Аллейн, дорогой мой, вы не представляете, как я рад вас видеть! Единственное, что может ободрить меня среди обрушившихся на нас несчастий, – это мысль, что теперь все в ваших руках. – Дальше последовало известие, что мистер Пириод знаком с братом Аллейна и является горячим поклонником творчества жены суперинтенданта. – Разумеется, она вряд ли помнит такого старого хрыча, как я, – добавил он, грустно ссутулив плечи, – но мне наша встреча доставила большое удовольствие.

Все это говорилось торопливо и лихорадочным тоном.

Интересно, подумал Аллейн, всегда ли у мистера Пириода так дрожат руки, а речь звучит нервно и невнятно? При первой же возможности он перевел разговор в деловое русло.

Детектив спросил, как долго мистер Картелл делил дом с мистером Пириодом, и узнал, что это продолжалось уже семь недель. Раньше мистер Картелл жил в Лондоне и являлся старшим партнером в одной крупной и уважаемой юридической конторе, однако оставил этот пост, чтобы поселиться за городом. Его семья, добавил мистер Пириод, происходила из Глостершира, точнее, из Бладстоун-Парва, что в Котсволдсе. Тут он запнулся и смущенно замолчал.

Аллейн спросил, когда он в последний раз видел мистера Картелла.

– Э... вчера вечером. Мы вместе ужинали. Это было в Бэйнсхолме, незадолго до вечеринки.

– Перед «охотой за сокровищами»?

– Да. Вы о ней слышали? Я видел, как все началось, а потом отравился домой. Мистер Картелл был у себя в комнате, он собирался на прогулку с этой своей... собаченцией. Силы небесные! – вдруг воскликнул мистер Пириод.

– В чем дело?

– Дезире, его вторая... в общем, леди Бантлинг! И Эндрю! Им надо сообщить. Правда, Конни уже могла... да нет, вряд ли она... Мистер Аллейн, простите ради Бога, но это только сейчас пришло мне в голову. – Он в легком замешательстве объяснил связь между Бэйнсхолмом и мистером Картеллом и машинально взглянул на часы. – Они могут приехать в любой момент. Я имею в виду – моя секретарша, очень милая девушка, и Эндрю, который подвезет ее на машине. Думаю, часов в одиннадцать: вечеринка закончилась очень поздно.

Продолжая терпеливые вопросы, Аллейн выяснил все, что хотел. Он заметил, что мистер Пириод хлопает себя по карманам. Потом, словно опомнившись, тот оглядел комнату и открыл коробку с сигаретами. Обнаружив ее пустой, он издал жалобный звук.

– Вы не против, если я угощу вас сигаретой и сам закурю? – спросил Аллейн. – Конечно, для полицейского при исполнении долга это не совсем правильно, но... – Он протянул хозяину дома свой портсигар.

– Аллейн, дорогой мой! Спасибо. Да-да, курите. И я тоже. Надо было давно вам предложить, но из-за этой суматохи Альфред забыл наполнить мою коробку, а я – ужасно глупо – не могу найти свой портсигар.

– В самом деле? Надеюсь, вы его не потеряли?

– Надеюсь, нет, – быстро ответил мистер Пириод. – Боже мой, как все это некстати.

И он снова смущенно замолчал.

– Ненавижу терять портсигары, – заметил Аллейн. – Вот недавно один посеял. Старая вещица, ценная, я очень о ней жалел.

– Я тоже, – мрачно отозвался мистер Пириод. – Очень дорогой футляр.

На секунду он замялся, словно не зная, продолжать ли дальше, но все-таки решил промолчать.

– Когда в тот вечер вы видели мистера Картелла, он выглядел как обычно? Может, был чем-то расстроен?

Этот вопрос снова поверг хозяина дома в замешательство.

– Расстроен? Как вам сказать... все зависит от того, что понимать под этим словом. Пожалуй, он был немного не в себе, но это не имеет никакого отношения к тому... – Мистер Пириод замолчал, словно призывая на помощь все свои силы. Когда он снова заговорил, его голос звучал более твердо и решительно: – Наверно, вы бы не стали задавать такой вопрос, если бы не считали, что этот ужасный случай не имеет... простого объяснения.

– Зачем же заходить так далеко? – небрежно ответил Аллейн. – Просто я подумал, что если он был слишком взволнован или рассеян, то мог вести себя недостаточно осторожно, когда переходил через мост. Собака...

– Ага! – воскликнул мистер Пириод. – Собака! Как же я до сих пор не подумал про собаку! Аллейн, уверяю вас, это самая вредная и бестолковая тварь на свете. В последнее время она словно взбесилась. Она вполне могла куда-нибудь сигануть, скажем, через канаву, и утащить его за собой. Вы так не думаете?

– Действительно, она здорово сиганула через канаву.

– Вот видите!

– Правда, потом ей пришлось бы сдвинуть трубу магистрального коллектора и сбросить ее в ров.

Мистер Пириод закрыл лицо руками.

– Это ужасно, – пробормотал он слабым голосом. – Просто чудовищно. – Потом убрал руки и добавил: – Но может быть, так все и было?

– К сожалению, это очень маловероятно.

Мистер Пириод впился в него взглядом:

– Значит, вы не считаете, что это несчастный случай? Нет, ничего не говорите. Я и так все вижу.

– Я был бы рад думать по-другому.

– Но почему? Почему вы уверены, что это не несчастный случай? Собака – она ведь опасна. Я ему сто раз об этом говорил.

– Надо прояснить кое-какие детали, только тогда мы сможем говорить о чем-то более или менее уверенно. Само собой, будет проведено расследование. Вот почему, – весело добавил Аллейн, – мне придется задавать вам множество вопросов, которые будут выглядеть очень глупыми и по большей части такими и окажутся.

В этот момент появился Фокс: его благостный вид красноречиво свидетельствовал о том (по крайней мере для Аллейна), что он раздобыл желаемое и забрал поводок Пикси.

Суперинтендант продолжил разговор с мистером Пириодом. Фокс, как обычно, устроился позади свидетеля и открыто, но совершенно незаметно записывал каждое слово. У него был талант к таким вещам.

Мистер Пириод по-прежнему говорил прерывисто и несвязно, но ситуация постепенно стала проясняться. Аллейн узнал о сестре Картелла, переживавшей, как было само собой понятно, глубокий шок.

– Она одна из тех шатенок, которым всегда как будто жарко, – неожиданно охарактеризовал ее мистер Пириод. – Подобные женщины не носят перчатки, и вообще вид у них такой, словно они в жизни не сидели ни на чем, кроме собственных шляп или раскладных тросточек. Но я могу вас заверить, что она сильно страдает, бедняжка Конни.

Аллейн догадался, что мистер Пириод уже давно составил это оригинальное мнение о мисс Картелл и настолько привык им щеголять, что оно вылетало из него практически произвольно.

– Я не хочу сказать о ней ничего дурного, – добавил хозяин дома с кислым видом. – Бедняжка Конни!

И он как-то съежился в кресле.

– Если не считать мисс Картелл и леди Бантлинг, с кем еще покойного связывали близкие отношения?

– Близкие – ни с кем. Это очень старый род, – вздохнул мистер Пириод, не удержавшись от экскурсии в генеалогию, – но, увы, почти вымерший. Кажется, он и Конни – последние представители. Печально.

– Боюсь, мне придется подробней расспросить вас о вчерашнем вечере. Простите, что докучаю вам в такой неподходящий момент, но, к сожалению, это необходимо. «Коль долг всегда на первом месте»³.

Эта цитата немного взбудрила мистера Пириода, и он даже начал напевать знакомую мелодию, но так же быстро сник. Потом он принялся излагать события вчерашнего дня, начиная с того момента, когда леди Бантлинг подбросила его до дома на машине, то есть примерно с двадцати минут двенадцатого. Дощатый мост был еще на месте, а возле канавы горела лампа. Подходя к дому, он увидел в окне спальни – оно оказалось настежь открыто – мистера Картелла. Тот никогда не ложился раньше часа ночи, объяснил мистер Пириод, потому что в это время выгуливал свою собаку, но до прогулки мог целыми часами расхаживать по комнате.

Аллейну показалось, что в голосе его собеседника слышались раздраженные нотки и он о чем-то старательно умалчивал.

– Я думаю, – продолжал мистер Пириод, ерзая на месте, – Хэл слышал, как я подходил к дому. Он стоял у окна. И выглядел... э... вполне нормально.

– Вы с ним говорили?

³ Цитата из оперы «Руддигор» (1887) английского драматурга У. Гильберта (1836–1911) и английского композитора А. Салливана (1842–1900).

– Я... о... я... хм... я просто сказал что-то, когда проходил мимо. Он ответил, не помню что. Не важно!

Сам мистер Пириод, по его словам, отправился спать, но не мог заснуть из-за шума, который подняла прибывшая компания «охотников». К счастью, к полуночи последняя пара удалилась, и он уснул.

– А потом вы проснулись?

– Да, и самым скверным образом. В час ночи, когда мистер Картелл вывел Пикси. Она, как обычно, подняла лай и визг. Я все слышал и даже, кажется, ругался. Потом все стихло.

– И вы опять заснули?

– Да. Да, я заснул. Да.

– И больше вас не беспокоили?

Мистер Пириод открыл рот, посидел так некоторое время и опять закрыл.

– Нет, – наконец ответил он.

– Уверены?

– Никто меня не беспокоил, – буркнул хозяин дома, и вид у него стал совсем несчастным.

Аллейн продолжал расспросы про вчерашний день. Мистер Пириод нехотя признал, что мистер Картелл пригласил на обед свою сестру и двух знакомых. Помолчав, он добавил, что на коктейлях присутствовали леди Бантлинг и ее сын Эндрю.

– А что за «знакомые»? – поинтересовался Аллейн и получил сухую справку о Мэри Ралстон, воспитаннице мисс Картелл, и ее друге Леонарде Лейссе.

В Скотленд-Ярде Аллейн часто жаловался на плохую память: причуда, которую терпеливо выносили его коллеги. На самом деле память у него была ничуть не хуже, чем у любого другого детектива, и он сразу вспомнил абзац из «Полицейской газеты», где пару месяцев назад упоминалось имя Леонарда Лейсса и приводился его словесный портрет вместе с внушительным списком правонарушений. Лейсс, родившийся в Бермондси, считался в школе хорошим учеником и по ее окончании попал под покровительство одной сердобольной вдовы, которую потом обокрал и скрылся. Далее он связался с шайкой грабителей, какое-то время вел роскошную жизнь с еще одной дамой, достаток которой намного превосходил ее здравомыслие, и работал наемным шофером по поддельным документам. У него было две судимости. «Чаще всего, – заключала «Полицейская газета», – он выдает себя за человека с высоким социальным статусом».

– Мистеру Лейссу лет двадцать семь? – спросил Аллейн. – Невысокий, хрупкого телосложения, одевается немного вычурно, носит на указательном пальце кольцо с изумрудом?

– О Боже, – уныло пробормотал мистер Пириод. – Райкс вам все рассказал. Да. Увы, это он!

После этого было нетрудно вытянуть из него все, что он думал о Леонарде. В действительности сержант Райкс еще не успел доложить Аллейну об истории со «скорпионом», но мистер Пириод подумал, что она суперинтенданту уже известна, а может быть, просто пришел к выводу, что рано или поздно правда выплывет наружу и скрывать ее бесполезно. Он рассказал обо всем достаточно подробно, чтобы Аллейн смог составить полную картину. Леонард, подытожил мистер Пириод, крайне неприятная персона, и потакать ему было бы большой ошибкой.

– Вообразите, друг мой, за обедом он откинулся на стуле и принялся насвистывать! Даже петь! А девушка ему подпевала! Ужасный человек! Бедной Конни надо было сразу дать ему от ворот поворот.

– Мистер Картелл разделял ваше мнение?

– Ну разумеется! Само собой. Как же иначе?

– Как по-вашему, у мистера Картелла были враги? Понимаю, это звучит слишком мелодраматично, но все-таки? Другими словами, знаете ли вы людей, которым он мог бы повредить, если бы остался жив?

Наступила долгая пауза. С лужайки донесся шум мотора. В окно Аллейн увидел, как над землей заколыхалось зеленое полотнище. Значит, прибыла команда криминалистов.

– Я пытаюсь все обдумать, – пробормотал мистер Пириод. Он сильно побледнел. – Если говорить в таком смысле – нет. Не думаю. Хотя... впрочем, нет.

– Хотя?..

– Поймите, Аллейн, после таких событий все начинает выглядеть в другом свете.

– Разумеется, я это прекрасно понимаю. Но если вчера для мистера Картелла была устроена

ловушка, я хотел бы знать, кто и почему мог быть в этом заинтересован.

– А если это была ложная ловушка? – Он посмотрел на Аллейна, прикусив нижнюю губу. – Конечно, я не знаю, что вы там нашли. Я... мне пришлось туда пойти, чтобы его опознать, но... если честно, я был так подавлен, что почти ничего не видел... Например, эти доски через ров, их... их как-то передвинули?

– Да.

– О Господи! Понимаю. Но вы не думаете, что над ним хотели просто подшутить? Пусть глупо, опасно, но все же подшутить, а? Скажем, кто-нибудь из молодежи, занимавшейся «охотой»? Да! Разве это не выглядит правдоподобно? Кто-то сдвинул доски, бедный Хэл упал, сильно ударился, а потом, пока он был без сознания, одна из парочек – они разбились на пары, – проходя мимо, случайно уронила трубу в канаву?

– Попробуйте сдвинуть одну из этих труб. Сомневаюсь, что ее можно уронить «случайно».

– Тогда... тогда кто-то сделал это просто из озорства, не зная, что он там. Так сказать, от избытка сил. Нелепая выходка. Гости были навеселе.

– Вы можете назвать имена гостей?

Мистер Пириод назвал: почти все приглашенные жили в одном округе. Он перечислил двадцать четыре человека, пробормотал, что это вроде бы все, и в замешательстве умолк.

– Был кто-то еще?

– В общем, да. Они сами напросились, думаю, из чистого бесстыдства: этот ужасный Лейсс и его назойливая подруга, Мэри Ралстон. Дезире всегда отличалась безграничным добродушием. Как раз *он*, – быстро добавил мистер Пириод, – по-моему, мог бы зайти настолько далеко: *capable de tout*⁴. Но я не хочу ничего утверждать. Нет. Как ни крути, Аллейн, а несчастный случай, связанный с нелепой шалостью, гораздо лучше, чем... чем...

– Убийство?

Мистер Пириод воздел руки к небу.

– Увы! Я не знаю ваши методы, но вы, конечно, осмотрели место. Плюс ваша знаменитая дедукция и все такое. Впрочем, я не должен спрашивать.

– Почему бы и нет? – дружелюбно возразил Аллейн. – Хотя ответ удручающе прост. Пока только факты, никакой дедукции. Что касается фактов, то у нас нет никаких причин отвергать вашу версию насчет двойного хулиганства. Допустим, кого-то осенила блестящая идея передвинуть доски. А у другого возникла не менее остроумная мысль сбросить в ров трубу коллектора. По чисто случайному совпадению жертва первой шутки оказалась жертвой и второй.

– Ну, если вы так на это смотрите...

– Совпадения – невероятно частая штука. Иногда мне кажется, что это что-то вроде профессионального риска в работе полицейских. И на данный момент у нас нет оснований думать, что мистер Картелл не стал жертвой подобного совпадения. Не считая разве что этого.

Аллейн сделал быстрое движение рукой, и на столе мистера Пириода словно сам собой появился развернутый носовой платок, на котором лежал золотой портсигар с драгоценной застежкой.

Хозяин дома издал сдавленный звук и вскочил на ноги.

В тот же момент в дверь постучали, и в комнату вошли девушка и высокий молодой человек.

– Простите, – с порога сказала Николя, – входная дверь была открыта, и мы подумали, что... ради Бога, извините. – Она замерла, увидев на столе портсигар. – О! – воскликнула Николя. – Я ужасно рада! Ваш чудесный портсигар! Вы его нашли!

– А... да. – Мистер Пириод судорожно глотнул воздух. – Да. Похоже на то... – Он взял себя в руки. – Николя, дорогая, позвольте вам представить...

– Но мы знакомы! – перебила девушка. – И очень хорошо. Правда? Я буквально вчера о вас говорила. Ну надо же! – добавила она весело. – Кто бы мог подумать, что я встречу вас здесь!

– Уж точно не я, – спокойноотреагировал Аллейн. – Удивительное совпадение, правда? Здравствуйте, Николя.

⁴ Способен на все (фр.).

III

– Я не утверждаю, что это потребуется, – сказал Аллейн, – но предположим, что вас попросят под клятвой подтвердить, что во время обеда и сцены с Пикси окно было закрыто. Вы сможете это сделать?

– Боюсь, придется, – ответила Николя. – Потому что так оно и было.

– И никаких сомнений?

– Ни малейших. Альфред скажет вам то же самое.

– Пожалуй.

– Не понимаю, к чему вы клоните, – пробормотала Николя, глядя в сад.

– Я? Ни к чему. Просто делаю свою работу.

– Да, но вы явно намекаете на воровство или – думаю, шутки тут неуместны – даже на убийство. По-вашему, смерть мистера Картелла и пропажа портсигара – они как-то связаны? Или нет?

– Не знаю. Мне известно не больше, чем вам.

– Мне кажется, – с сомнением заметила Николя, – что вы не очень-то рады увидеть меня здесь.

– Скажем так: не настолько рад, как был бы в другом месте.

– Забавно. Дело в том, что по дороге сюда я вспоминала Трой. Завтра мы должны увидеться, и я подумала, можно ли мне пригласить с собой одного молодого человека.

– Дорогая моя, она будет очень рада. Могу ли я угадать...

– Нет, – быстро перебила Николя. – Не надо ничего угадывать. Он художник.

– А-а. Мистер Эндрю Бантлинг?

– Вы, наверно, заметили краску под его ногтями?

– Заметил. И сразу вспомнил о своей жене.

– Очень мило с вашей стороны.

Аллейн вздохнул.

– Послушайте, Николя, в этом деле не должно быть ничего личного. Возможно, мне придется расследовать серьезное преступление, а вам – стать важным свидетелем. Мне жаль, что так получилось, но тут уже ничего не поделаешь. Вы согласны?

– Я должна называть вас суперинтендантом?

– Да не надо меня никак называть. Давайте просто продолжим. Я приглашу мистера Фокса, чтобы он вел протокол.

– О Господи! – Николя с минуту смотрела на Аллейна, потом кивнула: – Хорошо, как скажете. Я не буду вам помехой. Все понятно.

– Вот и замечательно.

Фокс появился в комнате.

Аллейн стал во всех подробностях расспрашивать девушку о событиях последних двадцати четырех часов, и Николя все больше чувствовала, как ее сковывает холод. Раньше ее отношения с Аллейнами казались ей чем-то само собой разумеющимся. Как это часто бывает в юности, она, сама того не сознавая, искала в дружбе с ними поддержку и опору. Оба супруга были достаточно взрослыми, чтобы внушать ей чувство уверенности, и достаточно молодыми, чтобы понимать ее проблемы. Она свободно заглядывала в их лондонский дом, когда у нее возникало такое желание, и входила в число немногих лиц, которых жена Аллейна терпела в своей студии во время работы. Что до самого Аллейна, то школьная влюбленность, от которой она довольно быстро избавилась, постепенно переросла в глубокую привязанность. Николя называла его не иначе как *Le Cid*⁵, или просто Сид, со временем почти забыв о том, откуда появилось это прозвище.

Но сейчас перед ней сидел настоящий СИД – Супер-Интендант-Детектив, – исполнявший свой служебный долг, и, глядя на его лицо, внимательное и дружелюбное, но пугающе бесстрастное, Николя испытывала что-то похожее на панику. Мысленно она уже видела статью в газете: «Суперинтендант Аллейн допрашивает секретаршу».

⁵ Имеется в виду «Le Cid» – трагедия французского драматурга Корнеля (1606–1684) о благородном дворянине Сиде; аббревиатурой CID принято обозначать лондонский уголовный розыск.

– Не надо строить никаких предположений, – услышала она голос Аллейна, – просто старайтесь объективно излагать факты, и все будет в порядке. На чем мы остановились? Ах да. Вы приехали. Начали работать. Отправились на коктейль перед обедом. Там присутствовали: мистер Картелл; его сестра, мисс Констанс Картелл; его бывшая жена, так называемая леди Бантлинг; ее нынешний муж, мистер Бимбо Доддс; ее сын от первого брака, мистер Эндрю Бантлинг; приемная племянница мисс Картелл или что-то вроде этого – мисс Мэри Моппет, или как ее там?

– Ралстон, кажется.

– Ну да. А также приятель Моппет, мистер Леонард Лейсс. И конечно, мистер Пириод. Компания довольно пикантная: дама с двумя мужьями, молодой человек с двумя отчимами и брат и сестра с сомнительной племянницей. Как прошел обед?

– Не очень.

– Из-за путаницы в личных отношениях?

– Нет. Похоже, как раз на это им наплевать.

– Тогда почему?

– В основном из-за Моппет и Леонарда. Леонард – просто чудовище.

– Чудовище какого рода? Битник? Ботаник? Хам? Пройдоха? Просто неприятный тип?

– Все, кроме битника. Наоборот, разодет в пух и прах и благоухает парфюмом.

– Странный гость для мистера Пириода. Да и для мистера Картелла, наверно, тоже?

– Конечно. Леонард и Моппет сами напросились. Или, может быть, Моппет надавила на бедную мисс Картелл и та упросила Дезире их пригласить.

– Почему «бедную»?

– Разве я сказала «бедную»? – удивилась Николя. – Наверно, потому, что иногда она кажется мне такой уязвимой...

– Продолжайте.

– Ну, в общем... по-моему, это одна из тех неловких женщин, которые выглядят высокомерными и часто ведут себя шумно и бесцеремонно только для того, чтобы скрыть свою застенчивость. Думаю, она пыталась избавиться от одиночества, излив всю свою любовь на Моппет. И вот что за это получила, бедняжка!

– «Почет тебе, о мудрый судия»⁶, – пробормотал Аллейн, и Николя подумала, что он над ней потешается.

– А вы не помните, о чем говорилось за столом?

– За обедом речь шла о Пикси: мисс Картелл назвала ее дворнягой, и мистера Картелла это рассердило. Потом о какой-то машине, которую Леонард видел в местном гараже... точно не помню...

– Про машину мы знаем. Что дальше?

– Еще говорили на любимую тему мистера Пириода: родовитость, голубая кровь, «положение обязывает» и все такое. Я уверена, он не пытался уколоть Леонарда и Моппет, но выглядело это именно так. Потом мистер Картелл рассказал о каком-то человеке, который подделал записи о крещении в приходской церкви, чтобы выдать себя за аристократа, каковым на самом деле не являлся. Это тоже не привело никого в восторг, хотя Леонард проявил интерес. Дальше была сцена с Пикси и история с портсигаром.

Она подробно рассказала о том, что случилось.

– Сколько событий за один день. А что происходило до обеда? Например, с молодым Бантлингом? Как он себя вел? Они ладили с его старшим отчимом?

Николя вдруг заметила стоявшую в доме тишину. В гостиной мистера Пириода, которую на время предоставили в распоряжение Аллейна, не было слышно ни звука. У стены стояла завернутая в бумагу акварель, написанная Котмэном. Безупречные кресла и шторы торжественно покоились на своих местах. В окне виднелась аллея, по которой накануне рассерженно шагал Эндрю, размахивая шляпой. А где-то там наверху, в той комнате, где вчера утром раздавался возмущенный голос Эндрю, лежал мертвый мистер Картелл.

– В чем дело? – поторопил ее Аллейн.

⁶ Слова Шейлока из драмы У. Шекспира «Венецианский купец» (пер. Т. Щепкиной-Куперник).

– Ни в чем. Эндрю не остался на обед. Уехал в Бэйнсхолм.
– Но вы приехали сюда вместе с ним со станции?
– Да.
– И он оставался в доме до тех пор, пока его не забрали мать и второй отчим?
– Да. Хотя...
– Что?
– Эндрю ненадолго выходил. Я видела, как он шел по аллее.
– Чем он занимался, пока был здесь?
– Кажется, беседовал с мистером Картеллом. Мистер Картелл – его опекун и распорядитель наследства. Вместе с мистером Пириодом.
– Думаете, это был деловой визит?
– Что-то вроде того. Эндрю говорил с обоими.
– Вы знаете, о чем шла речь?
Николя показало, что она слышит стук собственного сердца.
– Знаете? – повторил Аллейн.
– Только в общих чертах. Он вам сам расскажет.
– Вы думаете?
– Почему бы нет?
– А вам он об этом говорил?
– Немного. Но... это личная информация. В каком-то смысле.
– Чего вы боитесь, Николя? – мягко спросил Аллейн.
– Я не боюсь. Просто... все произошло так неожиданно. Наверно, я еще не оправилась от шока.
– Ну да, конечно. Это бывает. – Он встал из-за стола и взглянул на нее с высоты своего роста. – Как говорила моя тетя своему коту: «Я могу понять мотивы и могу принять последствия; единственное, чего я не выношу, – это бессмысленные прелюдии!» Жаль, что она не работала в уголовном розыске.
– Что это значит?
– То, что не надо бежать впереди телеги. И уж тем более – хитрить и кого-то выгораживать. От этого никому не будет пользы. Меньше всего – вашему молодому человеку.
– Он не мой молодой человек. Мы только вчера познакомились.
– Чума распространяется очень быстро. Вы оставались здесь на ночь?
– Нет. Я была на вечеринке в Бэйнсхолме.
– О Боже! У леди Бантлинг?
– Да, но это не то, что вы подумали, – покраснела Николя. – Вечер прошел очень мило. – Она подробно описала весь праздник.
– Значит, обошлось без происшествий?
– Да, если не считать Моппет и Леонарда, которые снова напросились в гости. Ну и Пикси.
– А что было с Пикси?
Николя рассказала.
– Пикси, – заключила она, – укусила Бимбо. Ему пришлось наложить повязку.
– А вы не помните, в котором часу Пикси устроила свое представление?
– Помню, – быстро ответила Николя, опять густо залившись краской. – Около часа ночи.
– Почему вы так уверены?
– Мы вернулись с «охоты за сокровищами» в половине первого. После этого прошло не больше получаса.
– «Мы»?
– Я и Эндрю. Все гости ходили парами.
– Кажется, вы говорили, что участники игры должны были вернуться к полуночи?
– Да, но Эндрю сказал, что это скучная затея, и вместо «охоты» мы просто разговаривали. Он рассказал мне про свои занятия живописью, и мы не заметили, как опоздали. – Она посмотрела Аллейну в глаза. – Конечно, это не имеет значения, но я хочу сказать, что у меня нет романа с Эндрю. Мы просто говорили и...

Ее голос оборвался. Мысленно она была уже на лужайке мистера Пириода и сидела в холодной машине Эндрю, завернувшись в его старое пальто, пропахшее масляной краской. Кончики их сигарет вспыхивали и гасли в темноте. Время от времени мимо с ревом и гудками пролетали автомобили

других «охотников», потом машины останавливались, их пассажиры выходили наружу и топтались на земле, перебрасываясь возгласами и смешками и шаря лучами фонариков по трубам и кучам глины. А Эндрю все говорил, почти не шевелясь и не делая никаких попыток сократить дистанцию, но с каждой минутой становясь все роднее и ближе. Скоро зашла луна, на небе заблестели звезды, и весь мир вокруг казался сияющим и новым. Она вкратце описала этот эпизод Аллейну.

– Вы не помните, сколько машин останавливалось у траншеи и кто в них сидел?

– Не очень. Я почти никого не знала: для меня все эти Найджелы, Майклы, Сары, Дэвиды и Джиллы были на одно лицо.

– Вы хорошо их видели?

– Вполне. Над мостиком из досок горела яркая лампа, и у всех были электрические фонарики.

– Кто-то из них переходил по мосту?

– По-моему, почти все. Но подсказка лежала по эту сторону канавы, прямо под трубой. Потом «охотники» ее нашли, прочитали, посмеялись и быстренько уехали.

– Кто-нибудь трогал доски? Может быть, заглядывал под них в поисках подсказки?

– Кажется, нет. – Поколебавшись, Николя добавила: – Я запомнила Леонарда и Моппет. Они приехали последними, и у них не было фонариков. Леонард перешел через мост и наклонился так, словно разглядывал канаву. Мне показалось, что они на нас смотрели. И еще: у него был какой-то странный вид, не знаю... вороватый, что ли. Я его вижу как сейчас, – продолжала девушка, сама удивляясь четкости своих воспоминаний. – Он держал руки в карманах. Фонарь светил прямо на него. Потом он повернулся к нам спиной. Наклонился, снова выпрямился. Прошел обратно по мосту и нашел подсказку. Они прочитали ее при свете лампы, потом он положил ее обратно, и эта пара уехала.

– Леонард был в перчатках?

– Да. В тонких, из светлой замши. Слишком ярких и нарядных, как и все на нем.

– Что еще?

– Ничего. Только... они не смеялись и не переговаривались, как другие. Хотя это вряд ли имеет значение.

– Вот как? А что было потом, премудрое дитя?

– Эндрю сказал: «Удивительно, до чего жутко они выглядят, даже издали!» А я ответила: «Как...» Нет, это не важно.

– Как кто?

– «Как убийцы в оперном спектакле» – так я сказала. Глупо, конечно. На самом деле больше всего они смахивали на двух пронырливых воришек, хотя я не знаю почему. Не важно.

– А потом?

– Они были последними. Эндрю считал пары – он решил, что мы будем говорить до тех пор, пока не кончится охота. Но как раз перед ними мимо проехали леди Бантлинг и мистер Пириод: она везла его домой. Леди Бантлинг остановила машину у моста и, кажется, что-то крикнула удалявшейся паре. Мистер Пириод вышел из машины, снял шляпу и пожелал ей спокойной ночи – в этот момент он выглядел очень трогательно, честное слово, – потом перебрался по мостику на другую сторону и вошел в боковые ворота. А леди Бантлинг развернула машину.

Николя остановилась.

– В чем дело?

– Понимаете, я... мне бы очень не хотелось...

– Понятно. Можете не говорить. Боятесь, что ваши показания бросят тень на невиновного, так? Николя, милочка моя, как мне вас убедить, что я могу раскрыть это дело только методом исключения? То, что вы считаете ужасно компрометирующим, на самом деле может спасти репутацию того самого человека, которого вы так хотите выгородить.

– Каким образом?

– Посудите сами. Убит немолодой мужчина, человек, по-видимому, вполне положительный, и убит хладнокровно и жестоко. Вы не хотите давать показаний, которые могут привести к аресту и другим неприятным последствиям. Я вас понимаю и вполне сочувствую. Но, милая моя девочка, подумайте хотя бы на минуту о том, куда нас заведет сокрытие фактов. Последствия могут быть катастрофическими. Вы подтолкнете правосудие к чудовищным ошибкам. Суровая правда заключается в том, что каждый, кто так или иначе оказался замешан в серьезном преступлении, даже

чисто случайно, должен понести за это наказание.

– Простите. Наверно, вы правы. Просто в данном случае – я имею в виду леди Бантлинг – все это действительно не так уж важно. Я не хотела придавать большого значения мелочам.

– В этом деле будет много мелочей. Продолжайте. Что случилось? Что она сделала?

Выяснилось, что Николя имела настоящий дар к подробным репортажам. Она детально и красочно рассказала обо всем, что произошло. Аллейн почти воочию увидел, как машина развернулась и остановилась на лужайке. После паузы из нее вышла женщина и осторожно зашагала по доскам на высоких каблуках; на мгновение ее волосы полыхнули в ярком свете фонаря. Она вошла в сад мистера Пириода и исчезла. В верхнем окне горел свет. Эндрю Бантлинг пробормотал: «Так-так, что это задумала моя непредсказуемая мамочка?» Потом они отчетливо услышали, как о стекло звякнуло несколько камешков. В окне появилась фигура в темном халате. «Силы небесные! – воскликнул Эндрю. – Это Гарольд! Сцена под балконом, только наоборот! Видно, она здорово напилась». Леди Бантлинг действительно процитировала «Ромео и Джульетту». «Но что за свет мелькает в том окне?» – продекламировала она, и мистер Картелл раздраженно отозвался: «Господи, Дезире, что ты там делаешь?» Она ответила что-то тоном ниже, и Николя расслышала только одну фразу: «На тропе войны», – на что последовал ответ: «Что за чушь!»

– А потом, – продолжала девушка, – в другом окне тоже зажегся свет, оно открылось, и оттуда высунулся мистер Пириод. Это было похоже на шоу с Панчем и Джуди⁷. Он произнес что-то жалобное вроде: «Что тут происходит?» – и леди Бантлинг ответила: «Ничего-ничего, идите спать, дорогой мой». А он пробормотал: «Хм, надо же. Как странно!» – и закрыл окно. А потом мистер Картелл произнес что-то едва слышно, и она буквально завопила: «Ха-ха! Теперь ходи и оглядывайся!» Тут он тоже закрыл окно, и мы увидели, как леди Бантлинг вышла из сада, пересекла канаву и села в машину. Проезжая мимо нас, она бросила: «Полное ничтожество. Не опаздывайте, милашки!» – и уехала. Эндрю сказал: «Хотел бы я знать, что у нее на уме». И после этого мы вернулись на вечеринку. Леонард и Моппет оказались уже там.

– Леди Бантлинг действительно была пьяна?

– Трудно сказать. Позже она вела себя вполне нормально, а в эпизоде с Пикси действовала быстро и решительно. Вообще она никогда никого не слушает, кроме себя, – заключила Николя.

– Пожалуй. Вы попали в довольно экзотическую и сомнительную компанию, не так ли?

– Ну почему, все было очень хорошо, – быстро возразила Николя. – И Эндрю совсем не экзотический и не сомнительный. Он спокойный и правдивый. Честное слово. Вы сами увидите.

– Конечно, увижу. Спасибо, Николя.

В этот момент дверь гостиной распахнулась, и в комнату влетел взбешенный Эндрю.

– Какого черта?! – воскликнул он. – Что здесь происходит? Хватит мучить мою девушку!

IV

Аллейн покосился на Николя и что-то сухо возразил. Не зная, смеяться ей или возмущаться, она попросила Эндрю не сходить с ума. В конце концов тот успокоился и принес извинения.

– У меня очень вспыльчивый характер, – заявил он тоном человека, сделавшего важное открытие, и с тревогой посмотрел на Николя.

Она только закатила глаза и оставила Эндрю с Аллейном, а сама отправилась в рабочий кабинет. Там Николя нашла вконец расстроенного мистера Пириода, который сидел за столом и писал письмо.

– Это о бедняге Хэле, – объяснил он хмуро. – Его партнеру. Даже не знаю, что ему сказать.

Мистер Пириод попросил Николя остаться: она села на свое место и занялась еще не разобранными записями, охваченная смесью самых разнородных чувств.

...С Эндрю Бантлином у Аллейна не возникло никаких трудностей. Молодой человек с готовностью рассказал о своих проблемах, включая планы по покупке галереи Грэнтема и тот факт,

⁷ Панч и Джуди – персонажи английского народного театра кукол.

что мистер Картелл отказался выдать ему нужную сумму денег из наследства. Он также подтвердил рассказ Николая о ночном бдении в машине.

– Не обращайтесь внимания на мою маму. Думаю, она просто напилась. Ей нравилось изводить Гарольда. Она часто это проделывала.

– Но он ее рассердил, не так ли?

– Конечно, рассердил. Еще как. И меня тоже.

– Мистер Бантлинг, – напомнил Аллейн, – ваш отчим был убит.

– Да-да, верно. Ужасно, правда? Я никак не могу к этому привыкнуть.

– Ему устроили западню, и когда он в нее попал – или скорее упал, – убийца сбросил сверху восьмисотфунтовую чугунную трубу. Она мгновенно разможила ему череп и вдавила лицом в грязь.

Эндрю побледнел.

– Понимаю, – пробормотал он. – Можете не продолжать. Это отвратительно. Настолько, что я не могу об этом думать.

– Боюсь, что все-таки придется. На этом пока все. Спасибо.

– Да. Конечно. – Эндрю нервно поправил галстук. – Я понимаю, что могу показаться вам бесчувственным, но проблема в том, что я никак не могу это переварить. Слишком уж все чудовищно и нереально.

– Убийство всегда чудовищно. Но к сожалению, реально.

– Ну да. Как вы думаете, я могу вернуться в Лондон? Завтра у меня дежурство. И еще кое-какие дела.

– Важные?

– Да... для меня. Я хотел попросить об отсрочке продажи галереи. – Он посмотрел на Аллейна. – Хотя теперь все изменилось, – пробормотал Эндрю. – Я об этом не подумал.

– И что вы думаете теперь?

– Даже не знаю, – с запинкой произнес он. – Сейчас как-то неуместно об этом думать. Надо обсудить все с Николаем. На самом деле... – Эндрю скосил взгляд на Аллейна, – я собирался вернуться сюда и уехать вместе с ней. После того как позвоню маме. Честное слово, не представляю, как она на все это отреагирует.

– Где у вас будет дежурство?

– В Тауэре, – мрачно ответил Эндрю.

– Хорошо. Мы с вами свяжемся, если вы понадобится.

Оставив Эндрю в гостиной, Аллейн спустился в сад, переговорил с Фоксом и Уильямсом и расспросил Альфреда об эпизоде с портсигаром. Потом он отправился через лужайку к дому мисс Картелл.

Конни Картелл приняла его в своем кабинете. Помещение показалось Аллейну довольно угрюмым. Весь интерьер был землистого цвета. На стенах висели снимки охотничьих бивуаков, фото фоксхаундов и других собак. Посреди стола, на котором царил полный кавардак, стояло несколько фотографий в рамках, изображавших какую-то смазливую девчонку; Аллейн догадался, что это Моппет. В комнате пахло псиной, мокрым твидом и сырой печенью: последняя лежала в миске с надписью «Фидо», над которой с шумом трудился пекинес. При появлении Аллейна пес поднял голову, оскалил острые как иглы зубы и издал звук, похожий на шипение игрушечного патефона.

Мисс Картелл сидела, сложив руки на коленях и устремив на Аллейна скорбный взгляд. Видимо, она недавно плакала. На ее большом пальце красовался кусок грязной окровавленной ваты, прилепленный пластырем.

– Какой кошмар! Бедный Бойзи! Все это не укладывается у меня в голове. Порой он вел себя как старая дева, но все-таки брат есть брат. Мы часто расходились во мнениях, но все же...

На секунду Аллейну захотелось увидеть человека, который хотя бы притворился, что ему нравился мистер Картелл.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Не знаю. Нет, знаю. Вчера вечером. Он приходил сюда с этой ужасной сучкой. Мой Ли-Чи совсем расстроился. Они так ранимы, эти пекинесы. Бедняжка все еще нервничает. Кушай, кушай, малыш, – обратилась мисс Картелл к своей собачке. – Моя красотулька! – Она игриво сунула палец в сырую печень. – Ешь скорей, – проворковала мисс Картелл, протянув палец пекинесу.

Аллейн заметил, что ее рука дрожит.

– Это был просто дружеский визит?

Влажные глаза мисс Картелл затуманились еще больше.

– Он выгуливал свою сучку, – ответила она после паузы. – Притащил ее в дом как последний болван. Ли, разумеется, взбеленился и покусал меня, бедняжка. Я обработала рану лошадиной мазью. Пахучая штукавина, но помогает здорово.

– Во время визита мистер Картелл беседовал с кем-нибудь еще?

Выражение ее лица стало уклончивым и в то же время тревожным.

– Откуда мне знать? То есть я хочу сказать: я никого не видела. – У мисс Картелл был вид нашкодившей школьницы. – Когда я пришла, брат уже находился в доме. Понятия не имею, с кем он виделся.

– Мисс Картелл, – настойчиво произнес Аллейн, – мне очень важно знать: были ли у вашего брата враги. Возможно, это прозвучит немного мелодраматично, но именно так обстоят дела. Вы знаете людей, которые по каким-то причинам, даже самым тривиальным, могли его бояться или не любить?

После долгого молчания она протянула:

– Как будто нет. – Потом еще немного помолчала и добавила: – Разумеется, нельзя сказать, что все находились от него в восторге. Я имею в виду: мой брат был не из тех, кто легко сходится с людьми. – Она протянула к пекинису свою грубую и неухоженную руку и почесала его за ухом. – Короче, он был старым сухарем. Типичный адвокат: я не раз говорила ему, что у него в жилах чернила вместо крови.

Мисс Картелл разразилась громоподобным смехом и высморкалась в мужской платок.

– А как насчет обеда? Вчера у мистера Пайка Пириода был званный обед, не так ли?

Вместо ответа его собеседница вдруг выпалила:

– Да, но я уверена, это был несчастный случай! Судя по тому, что мне сказали, это просто несчастный случай.

– Кто вам сказал?

– Пи Пи. Альфред рассказал ему, а он – мне. Все это выглядит как несчастный случай.

– Боюсь, что нет.

– Почему?

Все в мисс Картелл – голос, жесты, выражение лица – казалось немного заторможенным. Аллейн не был уверен, понимает ли она до конца то, что он ей говорит.

– Версия с несчастным случаем предполагает, что ваш брат стал жертвой двух разных и никак не связанных между собой хулиганских выходов, случившихся в одно и то же время и в одном и том же месте.

– Не понимаю, – покачала головой мисс Картелл.

– Не важно. Просто расскажите мне про обед. Там были вы, ваша приемная племянница, мисс Николя Мэйтленд-Майн и мистер Леонард Лейсс. А также ваш брат и мистер Пириод. Верно?

– Да.

– О чем вы разговаривали?

Совсем недавно Николя дала ему полный отчет обо всем, что происходило за обедом. Мисс Картелл оказалась намного лаконичней. Она описала инцидент с Пикси, сопроводив его угрюмым гоготом, и в общих чертах изложила разговор вокруг взглядов мистера Пириода на благовоспитанность и голубую кровь. По всему чувствовалось, что ей явно не по себе.

– Он просто помешан на таких вещах, – вздохнула она. – Брат начал его подкалывать, а тот сразу на дыбы. Понимаете? Не переносит таких шуток.

– Каких шуток?

– Ну, не знаю. Что-то там насчет записей о крещении. Я не слушала. – Аллейн спросил о портсигаре, и мисс Картелл вновь проявила все симптомы откровенного и неуклюжего вранья. Она изменилась в лице, забегала взглядом по комнате и снова погладила надувшегося пекинеса. – Я вообще ничего не заметила. Портсигар был у него. А куда он его дел, не знаю. Пи Пи любит раздувать из мухи слона. – Ее щеки пошли красными пятнами. – Может, он сам его потерял. Уронил в суматохе.

Аллейн кивнул.

– Простите, что беспокою вас в такой момент, но вы ведь сами заинтересованы в том, чтобы разобраться в этом скверном деле, не так ли?

– Не знаю, не знаю, – покачала головой мисс Картелл. – Только если это не доставит никаких

неприятностей. Бедного Бойзи все равно не вернешь, правда?

Аллейн не стал возражать.

– Ваша приемная племянница и ее друг, мистер Леонард Лейсс, тоже были на приеме, верно?

– Да. – Мисс Картелл подняла на него глаза. Казалось, секунду она колебалась, потом твердо заявила: – Только не обращайтесь внимания, что о них говорит Пи Пи. Он совершенно не понимает молодежь. Думает, что все должны вести себя как в его время: ходить с постным видом и строить из себя ангелочков.

– За обедом говорили о покупке машины мистером Лейссом?

Мисс Картелл наклонилась над собакой.

– Ну все, все. Хватит с тебя. – Потом повернулась к Аллейну: – Сделка расстроилась. Он ее не купил.

В этот момент в комнату вошла австрийская горничная с письмом в руках.

– От мистера Пириода, – сообщила она. – Принес его слуга.

Мисс Картелл посмотрела на нее так, словно не хотела брать письмо. Горничная подошла и положила его на стол.

– Ладно, Труды, – пробормотала мисс Картелл. – Спасибо.

Горничная удалилась.

– Прошу вас, не обращайтесь на меня внимания, – сказал Аллейн.

– Это не срочно.

– Может, все-таки стоит взглянуть?

Она неловко распечатала письмо, прочитала его и смертельно побледнела.

– Что случилось? В чем дело, мисс Картелл?

Листок задрожал у нее в руках.

– Он сошел с ума, – выдавила она из себя. – Он спятил!

– Можно посмотреть?

Мисс Картелл продолжала сидеть молча, словно не слышала его вопроса. Тогда он сам взял письмо, и она безвольно выпустила его из рук.

Аллейн прочитал:

Дорогая Конни,

что я могу сказать? Только то, что Вы потеряли любящего брата, а я – давнего и преданного друга. Поверьте мне, я глубоко чувствую и понимаю, в какое горе поверг Вас этот удар и с каким мужеством Вы его приняли. Если Вы не сочтете это дерзостью со стороны старого знакомого, я процитирую две простые строчки, написанные нашей дражайшей герцогиней Рэмптон, истинной викторианкой. Думаю, тот факт, что они остались не опубликованы, не делает их хуже.

О, не ропщи, измученное сердце, о том, что суждено.

Пока живу, живешь и ты, ведь мы с тобой – одно.

Смею надеяться, мы знаем друг друга достаточно давно, чтобы Вы поверили в мою искренность и не стали отвечать на эту слабую попытку выразить то горячее сочувствие, которое я к Вам испытываю.

Искренне Ваш,

Персиваль Пайк Пириод

Аллейн сложил письмо и взглянул на мисс Картелл:

– Не понимаю, почему вы решили, что он сошел с ума?

Она долго молчала, хватая воздух ртом, и суперинтендант решил, что ответа уже не будет. Но тут мисс Картелл ткнула пальцем в письмо.

– Он спятил, – повторила она. – Потому что это уже второе. Он прислал точно такое же. Раньше.

– Вы хотите сказать... Но когда?

– Сегодня утром. – Конни начала рыться в куче вещей на столе. – Перед завтраком. До того, как я узнала. – Она с шумом втянула в себя воздух. – До того, как все узнали. *До того, как его нашли!*

Мисс Картелл показала Аллейну первое письмо.

– Вот, взгляните сами, – сказала она мрачно. – До того, как его нашли!

Аллейн сверил оба письма. В самом деле, не считая мелких деталей, они были абсолютно идентичны.

Постскрипtum к вечеринке

I

Конни разрешила Аллейну забрать оба письма. Спрятав их в карман, он спросил: можно ли увидеть мисс Ралстон и мистера Лейсса? Мисс Картелл ответила, что оба еще спят в своих комнатах наверху, и добавила с довольным видом, что вчера они побывали на празднике, устроенном в Бэйнсхолме.

– Это была одна из эксцентричных вечеринок Дезире Бантлинг. Гости гуляли почти до утра. Моппет оставила записку с просьбой не будить.

– Но сейчас уже час дня, – заметил Аллейн. – Боюсь, мне все-таки придется их потревожить.

Он ждал возражений и протестов, но тут пекинес сорвался с места и бросился к выходу, скребясь в дверь и громко таякая.

– Ах ты, умничка, – растроганно произнесла мисс Картелл. – Уже иду! – Она торопливо направилась к двери. – Мне надо вывести его в сад, – пояснила Конни на ходу.

– Хорошо, – кивнул Аллейн.

Он последовал за ними в коридор и проводил хозяйку с собакой на улицу. Едва оказавшись в саду, пекинес со всех ног кинулся к цветочной клумбе.

– О нет! – воскликнула Конни. – Зайдите ко мне после ленча! – крикнула она уже на бегу и сломя голову бросилась за своим питомцем. – Попозже!

Пекинес обогнул клумбу, и они оба исчезли из виду.

Аллейн вернулся в дом и быстро поднялся по лестнице.

В коридоре он встретил горничную Трудю, которая показала ему комнаты для гостей. Они находились друг против друга.

– Мистер Лейсс встал? – спросил Аллейн.

Равнодушное лицо Трудю вдруг просияло.

– Он спит. Я сейчас смотрела. Спит как бог.

– Посмотрим, как он будет выглядеть, когда проснется. – Аллейн подтолкнул ее к лестнице. – Спасибо, Трудю.

Потом он деликатно постучал в дверь и вошел.

Спальня была перегорожена старомодной ширмой. Из-за нее послышался вялый голос с акцентом кокни:

– Войдите.

Мистер Лейсс уже не спал, но Аллейн без труда догадался, что имела в виду Трудю.

Он лежал на кровати в шелковой фиолетовой пижаме, небрежно распахнутой и обнажавшей крепкий загорелый торс с густыми волосами. На его груди блестела платиновая цепочка. Пышные волосы были слегка всклокочены, а темные глаза широко открыты.

Увидев Аллейна, Леонард слегка прищурился. Его тело нервно дернулось под одеялом. В комнате сильно пахло какой-то парфюмерией.

– Мистер Лейсс, простите, что беспокою. Я офицер полиции.

На миг лицо Леонарда приобрело хорошо знакомое Аллейну выражение: смесь вызова, скрытности, наглости и страха. Оно как будто выскочило у него изнутри и тут же исчезло.

– Не совсем понимаю, чем обязан, – начал он, но поперхнулся, и ему пришлось прочистить горло. – Что-то случилось? – Приподнявшись на локте, Леонард взбил подушки и снова на них лег. Потом лениво протянул руку к портсигару и зажигалке. В пепельнице было уже полно окурков. – Я могу вам чем-то помочь? – Леонард глубоко затянулся сигаретой и выдохнул тонкую струйку дыма.

– Можете, если ответите на несколько вопросов о том, чем вы занимались со вчерашнего утра, когда приехали в Литтл-Кодлинг.

Леонард поднял брови и выпустил дым к потолку.

– А собственно, почему я должен оказывать вам эту маленькую услугу? – поинтересовался он небрежно.

– По причинам, которые станут понятны в процессе разговора. Начнем с покупки машины. Вы

назвали мистера Пайка Пириода, мистера Картелла и мисс Картелл своими поручителями. Они считают, что не давали вам такого права. Нет-нет, – перебил его Аллейн, когда Леонард попытался что-то ответить, – можете не спешить со своими сомнительными объяснениями. В этом нет необходимости. К счастью для тех, кто оказался замешан в данном деле, сделка сорвалась. Если этот инцидент и представляет для нас какой-то интерес (само собой, его занесут в ваше досье), то только потому, что он очень рассердил мистера Картелла. – Аллейн остановился и посмотрел на Леонарда. – Не так ли?

– Вот оно что, – протянул Лейсс, – сделайте мне одолжение и убирайтесь отсюда ко всем чертям.

– Кроме того, – невозмутимо продолжал Аллейн, – есть еще история с портсигаром мистера Пириода.

К этой теме Леонард явно подготовился. Он изобразил небольшую пантомиму, закатив глаза, покачав головой и помахав рукой в воздухе.

– Ради Бога! – воскликнул он. – Это уж слишком! Опять!

– Опять? – спокойно переспросил Аллейн. – Значит, вас уже допрашивали расспросами о портсигаре мистера Пириода? Кто? Мистер Картелл?

Но Леонард не стал отвечать.

– Мне не нравится ваш тон, – недовольно заявил он. – Я считаю его возмутительным. – Леонард немного помолчал, разглядывая Аллейна сквозь полуприкрытые веки, и, очевидно, пришел к какому-то решению. – Впрочем, прошу меня простить, если вел себя слишком резко. Честно говоря, мы здорово припозднились после вчерашней вечеринки в Бэйнсхолме. О, это было отличное шоу! Ее светлость умеет устраивать такие вещи.

Аллейн задумался: есть ли у Леонарда хоть одна положительная черта характера? Но то был слишком непрофессиональный подход, и он отбросил эту мысль.

– Мистер Картелл разговаривал с вами о портсигаре, когда приходил сюда вчера вечером, – произнес Аллейн утвердительно.

– А кто... – начал было Леонард, но остановился и после паузы спросил: – Вы еще с кем-то говорили?

– Да, говорил кое с кем.

– С ним? – настаивал Лейсс. – С Картеллом?

Наступила долгая пауза.

– Нет, – ответил Аллейн. – Не с ним.

– Тогда кто... Пойдите! Здесь что-то не так. Что случилось?

– Я вам отвечу, как только вы расскажете, что сделали с портсигаром мистера Пириода. Только не говорите, что понятия не имеете, о чем идет речь. – Аллейн предупредительно поднял палец. – Я видел окно в столовой. Его нельзя открыть снаружи. Во время обеда оно было закрыто. Вы и мисс Ралстон разглядывали портсигар у окна и оставили его на подоконнике. Больше к окну никто не подходил. Когда слуга пришел убирать комнату, окно было открыто, а портсигар исчез.

– Это слуга так говорит.

– Да, он так говорит, и я ему верю.

– Простите, что я учу вас вашей работе, но если бы я хотел стянуть эту дрянную безделушку, зачем мне открывать окно? Почему бы просто не сунуть ее в карман и не уйти?

– Потому что тогда было бы совершенно очевидно, что ее украли вы, мистер Лейсс. Но если вы или мисс Ралстон оставили его на подоконнике, а потом вернулись со стороны сада...

– Какого черта! – возмутился Леонард, но заставил себя сдержаться. – Я не намерен терпеть эти оскорбления.

– Вы курили сигареты мистера Пириода?

– Да, мне хватило одной. Турецкая дрянь.

– А мисс Ралстон?

– То же самое. Послушайте. – Леонард внезапно заговорил доверительным тоном. – Существует такая вещь, как сговор, верно? Мы оставили эту штуковину на подоконнике. Отлично. Этот слуга – Альфред Как-его-там – открыл окно. Потом подал сигнал рабочим на лужайке, и они обделали все в лучшем виде.

– Значит, нам нужно обыскать землекопов?

– Почему бы и нет? Это никому не повредит.

– Может быть, мы даже застанем их врасплох, когда они будут разглядывать портсигар во время перекура?

– Ну да, – хладнокровно подтвердил Леонард. – Вполне возможно. Или они спрятали его где-нибудь поблизости. Вы можете обыскать эту комнату, меня, мою машину или мою девушку. Ради Бога. Честному человеку нечего скрывать, не так ли?

– Как и преступнику, который избавился от улики.

Леонард провел по губам кончиком языка.

– Допустим. И что?

– Мистер Лейсс, портсигар нашли.

Прошла целая секунда, прежде чем Леонард изумленно воскликнул:

– Нашли! Хорошая новость! Нашли! Но тогда зачем вы пришли ко мне? Где?

– Думаю, в том самом месте, где вы его бросили. В траншее.

Дверь в комнату распахнулась. За ширмой раздался женский голос:

– Прости, милый, но тебе надо вставать. – Дверь захлопнулась. – У нас проблемы. – Женщина появилась из-за ширмы. – Старого хрыча Картелла нашли в канаве.

II

Увидев Аллейна, Моппет зажала рот рукой и вытаращила на него глаза.

– Ой, простите! – воскликнула она. – Тетя Кон сказала, что вы ушли. – Моппет выглядела неряшливо – с растрепанными волосами, в помятом несвежем неглиже, – но все это сглаживалось ее юным возрастом. – Какой ужас, правда? Бедный дядя Хэл! Просто не могу поверить.

Одно из двух: либо она была не так встревожена, как Леонард, либо обладала лучшей выдержкой. Что касается Лейсса, он изменился в лице и уронил пепел на грудь.

– О чем, черт возьми, ты говоришь?!

– А ты не знаешь?! – воскликнула Моппет и повернулась к Аллейну: – Вы ему не сказали?

– К счастью, вы избавили меня от этой необходимости. Вы – мисс Ралстон, не так ли?

– Да. Простите, если помешала. Я уже уйду. До встречи, малыш! – Моппет помахала рукой Леонарду.

– Нет, не уходите, – остановил ее Аллейн. – Вы можете пригодиться. Скажите, где вы и мистер Лейсс потеряли портсигар мистера Пириода?

– Она не скажет, – вмешался Леонард, – потому что мы его не теряли. У нас вообще его не было. Нам ничего об этом не известно.

Моппет широко распахнула глаза и приоткрыла рот. В полной растерянности она перевела взгляд с Леонарда на Аллейна.

– Ничего не понимаю, – пробормотала она. – Портсигар Пи Пи? Это та старая вещица, которую он показывал нам за обедом?

– Да, – кивнул Аллейн. – Она самая.

– Ленни, дорогой, что с ней случилось? А, вспомнила! Мы оставили ее на подоконнике, правда? Там, в столовой.

– Ну все, хватит. У меня такое чувство, словно я уже на суде, – буркнул Леонард. На секунду за его скрытым беспокойством и маской светской небрежности мелькнуло упрямое лицо уличного воришки. – Значит, портсигар нашли. Что дальше?

– Его нашли в траншее, – сообщил Аллейн, – рядом с телом мистера Картелла.

Леонард уже пришел в себя. Он внутренне собрался и надел свою «броню».

– Понятия не имею, о чем вы говорите. – Он взглянул на Моппет. – Какие-то странные намеки, а? Я не улавливаю смысла.

– Смысл очень скоро прояснится. Пару минут назад вы сказали, что я могу обыскать вашу комнату. Предложение остается в силе?

Леонард начал рассматривать свои пальцы, но бросил это занятие, заметив, что они дрожат.

– Разумеется, – пробормотал он. – Я же сказал. Мне нечего скрывать.

– Хорошо. Пожалуйста, останьтесь, мисс Ралстон, – попросил Аллейн, увидев, что Моппет сделала шаг к двери. – Это не займет много времени.

Подойдя к гардеробу, он открыл дверцу и почувствовал прикосновение к своей руке. Оглянувшись, Аллейн увидел Моппет: она стояла перед ним, источая запах духов, теплой постели и женской кожи. Ее слегка трясло от холода.

– Я останусь, если вы так хотите. – Моппет еще шире распахнула глаза. – Но вы сами видите: я одета совсем не по погоде. Утро довольно свежее, не правда ли?

– Уверен, мистер Лейсс одолжит вам свой халат.

На кресле у кровати лежал бархатный мужской халат. Моппет накинула его на плечи.

– Дай курнуть, бро, – обратилась она к Леонарду на жаргоне кокни.

– Возьми сама.

Моппет взяла портсигар.

– Это из тех?.. – начала она, но прикусила язык. – Спасибо, бро.

Моппет закурила и устроилась на кровати. По комнате разнесся приятный запах виргинского табака.

В дверь гардероба были вделаны зеркальные полосы. В их отражении Аллейн мельком увидел, как Моппет быстро потянулась к Леонарду. Тот усмехнулся, что-то произнес одними губами и положил ладонь на ее запястье. Сигарета задрожала у нее в руках. Леонард повернул голову, Аллейн открыл дверь, и отражение исчезло.

Суперинтендант проверил карманы клетчатого пиджака, смокинга и пальто из верблюжьей шерсти. Там нашлись три грязноватые расчески, пара кожаных перчаток, членский билет клуба «Ла Асьенда» в Сохо, носовой платок, горсть мелочи, бумажник и, наконец, на самом дне брючного кармана и в пальто – то, что он искал: табачная труха. Аллейн достал несколько крошек и понюхал. Турецкий. Похоже, портсигар мистера Пириода закрывался недостаточно плотно.

Он вышел из-за дверцы гардероба с пальто и смокингом в руках.

Моппет, растянувшись поперек кровати, сострила:

– Смотри, приятель, тебя хотят ограбить.

Аллейн вежливо объяснил:

– Я ненадолго заберу эти вещи. Само собой, под расписку.

– Какого черта! – возмутился Леонард.

– Если вы против, я могу выписать ордер на обыск.

– Милый, не кипятись, – попросила дружка Моппет. – В конце концов, какое это имеет значение?

– Тут вопрос принципа, – процедил Лейсс сквозь зубы. – Вот почему я против. Когда к тебе врываются без спросу, говорят о трупах и... и...

– И о ложном поручительстве. И о попытке мошенничества. И о воровстве, – перечислил за него Аллейн. – Вы сами сказали: тут вопрос принципа. Так я могу взять вещи?

– Ладно-ладно. Черт с вами.

– Спасибо.

Аллейн положил смокинг и пальто на стул и тщательно осмотрел все ящики комода; в одном из них лежал пружинный нож, завернутый в носок. Вытащив его, он обернулся и наткнулся на взгляд Леонарда.

– Это незаконно, – сказал Аллейн. – Где вы его взяли?

– Нашел на улице. Незаконно? Странно.

– Я его заберу.

Леонард что-то прошептал Моппет, и та расхохоталась, насмешливо воскликнув:

– О да!

Аллейн сел за столик в углу комнаты. Он достал из смокинга бумажник Лейсса и проверил его содержимое. Там оказалось пять фунтов стерлингов бумажными купюрами и фотография обнаженной мисс Ралстон. Говорят, полицейских трудно чем-то смутить, но Аллейн почувствовал себя скандализированным.

Он составил список изъятых вещей, написал расписку и протянул ее Леонарду вместе с пустым бумажником.

– Скоро вам все вернут. А пока я хотел бы побеседовать с мисс Ралстон.

– Зачем? – мгновенноотреагировал Леонард и обернулся к Моппет: – Ты не должна с ним говорить.

– Дорогой, что за манеры, – поморщилась она. – И потом я просто умираю от желания пообщаться

с... инспектором? Или суперинтендантом? Ну конечно, суперинтендантом. Мне выйти из комнаты?

Она лежала на животе, зарывшись в подушку подбородком: настоящая «заблудшая овечка», подумал Аллейн, как говаривали в Викторианскую эпоху.

Он подошел к окну, и как раз вовремя: внизу, на подъездной дорожке, уже стояла полицейская машина, в которой сидел инспектор Фокс. Тот поднял голову. Аллейн поманил его пальцем. Фокс стал выбираться из автомобиля.

– Мы поговорим в коридоре, – повернулся Аллейн к Моппет. – Если вы не против.

– Сгораю от нетерпения. – Она обогнула ширму и, плотней запахнувшись в халат Лейсса, вышла из помещения.

Аллейн посмотрел на Леонарда:

– Прошу вас пока не покидать этой комнаты.

– Но мне тут неудобно.

– Тем не менее я на этом настаиваю. Какой у вас адрес в Лондоне?

– Дом семьдесят шесть по Каслоро, Юго-Западный район, четырнадцать. А почему...

– Вы можете вернуться туда и сесть под домашний арест. Выбирайте сами.

Он вышел в коридор к Моппет. Та стояла, прислонившись к стене и сунув сигарету в уголок рта. Аллейн услышал, как внизу бубнит бас Фокса.

– Что я могу для вас сделать, суперинтендант? – спросила она с улыбкой киноактрисы, изображающей даму полусвета.

– Перестать валять дурака, – ответил он резко. – Наверно, я даром трачу свое время, но хочу предупредить: если не возьметесь за ум, у вас могут быть серьезные проблемы. Подумайте об этом, пока не поздно, и перестаньте ухмыляться.

– О! – воскликнула Моппет. – Ну и кто теперь ведет себя грубо?

Аллейн услышал глухой голос мисс Картелл, объяснявшей Фоксу путь наверх. Перегнувшись через перила, он увидел ее красное, растерянное и несчастное лицо. Его отвращение к Моппет удвоилось. Мисс Ралстон стояла у стены и смотрела на него с вызовом, самодовольная, нахальная и изворотливая, без намека на сочувствие к «тетке» или угрызения совести. А внизу испуганно и робко ждала ее защитница, готовая послушно принять все, что подсунет ей эта беспардонная девица.

– Большое спасибо, мисс Картелл, я сам найду дорогу, – слышался голос Фокса.

– Подкрепление? – усмехнулась Моппет. – Как мило.

– Инспектор Фокс, – представил Аллейн подошедшего к ним коллегу. Он отдал Фоксу пальто и смокинг Леонарда. – Сделайте с ними все, что нужно. Кроме того, я хочу, чтобы вы стали свидетелем нашего разговора с мисс Мэри Ралстон.

– Добрый день, мисс Ралстон, – любезно поздоровался Фокс.

Он повесил одежду Леонарда на перила и достал блокнот. На губах Моппет продолжала играть улыбка, но было похоже, что она просто забыла убрать ее с лица.

– Я хочу, чтобы вы поняли, – обратился Аллейн к Моппет. – Мы расследуем серьезное преступление, и у меня есть доказательства, что вчера вечером вышеупомянутый портсигар находился у вашего сомнительного друга. Его нашли у тела мистера Картелла, а мистер Картелл был убит.

– Убит! – воскликнула она. – Не может быть! – Моппет сильно побледнела. – Я вам не верю, – пробормотала она. – Таких людей не убивают. Зачем?

– Мотивы могут быть самые разные. Например, он знал что-то такое, что представляло опасность для других. Или угрожал кому-то своими действиями. Или возникли финансовые проблемы. Да мало ли что.

– Тетя Кон сказала, что это несчастный случай.

– Наверно, она просто не хотела вас расстраивать.

– Чтоб ее черти взяли! – злобно прошипела Моппет.

– Кажется, вы не относитесь столь же бережно к ее чувствам. Но если у вас есть к ней хоть капля участия, вы должны честно ответить на мой вопрос. А если имеется здравый смысл – сделать то же самое для собственного блага.

– Почему это?

– Чтобы снять с себя подозрения в куда более тяжком преступлении, чем воровство.

Она зябко закуталась в мужской халат.

– Не понимаю, о чем вы говорите. Я ничего не знаю.

«Неужели эта юная парочка обречена идти по накатанной дорожке? – подумал Аллейн. – Неужели их ждет тот же самый, всем давно известный и набивший оскомину конец?»

– Если вы украли портсигар, или его украл мистер Лейсс, или вы совершили кражу вдвоем по сговору и если вчера ночью вы по той или иной причине бросили портсигар в траншею, я настоятельно рекомендую вам немедленно об этом рассказать.

– Почему я должна вам верить? Вы хотите расставить мне ловушку.

Аллейн терпеливо возразил:

– Поверьте, у меня нет желания устраивать ловушки для невинных людей. Да и сама кража меня сейчас интересует очень мало.

– Значит, вы пытаетесь меня подкупить.

Это замечание, довольно умное и в то же время пошлое, почти вывело его из себя.

– Я не могу вас ни подкупить, ни запугать. Я могу вас только предупредить, что и делаю. Вам грозит большая опасность. Вам, лично вам, понимаете? Вы знаете, что бывает с людьми, которые скрывают улики при расследовании убийства? Знаете, что бывает с соучастниками подобных преступлений? Знаете?

Ее лицо вдруг сморщилось, как у маленького ребенка, а огромные глаза, казалось, вот-вот выскользнут из орбит.

– Ну хорошо, – пробормотала она. – Ладно. Я скажу. Хотя это не то, что вы думаете. Это ерунда. Это...

– Что?

– Просто ошибка, – прошептала Моппет.

Дверь в спальню распахнулась, и за спиной девушки вырос Леонард в фиолетовой пижаме.

– Милая, закрой свой маленький хорошенький ротик и помалкивай. – Он подошел сзади и схватил ее за руки.

Аллейн мельком подумал, что Леонард, пожалуй, неплохо смотрелся бы в какой-нибудь мелодраме.

– Мистер Лейсс, вы не могли бы нас оставить?

Но он уже знал, что это бесполезно. Вскрикнув от боли, Моппет оглянулась и быстро прильнула к Леонарду, с необыкновенной легкостью вернувшись к роли обольстительной сообщницы. Ее глаза наполнились слезами, губы жалобно скривились, тело съежилось под пальцами Лейсса, которые грубо впились в плечи девушки. Она просительно улыбнулась.

– Не сердись, дорогой мой, – пролепетала Моппет, прижавшись головой к его груди. – Я не сказала ничего плохого.

– Вот и умница, – кивнул Леонард.

III

– Этот паренек, – заметил Фокс, когда они возвращались обратно, – совсем не похож на местную публику.

– Другой породы? – уточнил Аллейн.

– Абсолютно другой, – хмуро подтвердил инспектор. – Лейсс, он... очень скверный тип. Парень без тормозов. Рано или поздно он загремит по полной, это только вопрос времени. Молодая леди – другое дело. По крайней мере я надеюсь, – после паузы добавил Фокс. – Да, надеюсь, – повторил он со вздохом.

– Молодая леди, – сухо возразил Аллейн, – та еще штучка. Вот что, Фокс! В карманах Лейсса есть табачная труха из сигарет Пириода. Думаю, у Боба Уильямса найдется вакуумный пылесос. Почистите карманы Лейсса и верните ему эти чертовы шмотки. И проверьте его отпечатки пальцев на всем, что найдется в карманах. Не сомневаюсь, что именно эта парочка стянула портсигар. Легко догадаться, что Картелла или Пириода данный факт здорово взбесил. Что тогда?

– Вот-вот, – кивнул Фокс. – Что, если мистер Картелл пригрозил обратиться в полицию и они устроили ему ловушку, а потом случайно уронили портсигар в ров?

– Вполне возможно. Насчет того, как они вели себя на месте преступления, у нас есть показания

этой очаровательной особы, Николая Мэйтленд-Майн. Правда, ее поразила любовная лихорадка, и она могла пропустить пару деталей. Я поговорю об этом с ее молодым человеком, хотя, боюсь, он находится в еще более тяжелом состоянии. Ладно. Я подброшу вас до участка, а сам вернусь в эти края и постараюсь деликатно разобраться с мистером Пайком Пириодом. Сейчас у него должен быть обед. Как насчет вашего?

– А с вашим обедом, мистер Аллейн, вопрос решен?

– Увы, мне будет не до этого, Братец Лис. А вы перехватите в пабе пару бутербродов и постарайтесь что-нибудь вытрясти из Альфреда Белта. Он, по-моему, смысленный малый.

– Если честно, мистер Белт и миссис Митчел – я имею в виду кухарку, по-моему, весьма достойную женщину, – пригласили меня перекусить у них сегодня днем. Миссис Митчел даже намекнула, что припасла кое-что в шкафчике по такому случаю.

– Я мог бы догадаться, – хмыкнул Аллейн. – Встретимся в участке после пяти.

...Машина остановилась у ворот мистера Пириода, и Аллейн вышел, попросив водителя заехать за ним через полчаса.

Мистер Пириод принял его в гостиной. Он был все так же взбудоражен и нервно расхаживал по комнате. Аллейн услышал, как в кабинете стучала пишущая машинка Николая.

– Ни на чем не могу сосредоточиться. Даже есть не могу. Все это так тяжело, – пожаловался мистер Пириод.

– К сожалению, я вряд ли смогу вас успокоить, – заметил Аллейн. Он немного подумал и решил действовать напрямик: – Мистер Пириод, объясните мне, пожалуйста, зачем вы написали два практически одинаковых письма с соболезнованиями мисс Картелл и почему первое из них было отправлено раньше, чем вы узнали о смерти ее брата?

По реакции мистера Пириода было трудно что-то понять. Шок, удивление, чувство вины, недоумение, оторопь: отвисшая челюсть и вытаращенные глаза могли означать все это и многое другое. Но он ответил сдержанно и вежливо:

– Прошу прощения? Что вы сказали?

Аллейн повторил вопрос.

Мистер Пириод как будто задумался. После долгой паузы он категорически заявил:

– Я этого не делал.

– Не делали чего?

– Не писал дважды. Это смешно.

Аллейн достал из кармана оба письма и протянул хозяину дома, который вставил в глаз монокль и склонился над бумагой. Когда он выпрямился, его лицо было красным как свекла.

– Какая-то глупая ошибка.

– Потрудитесь объяснить, пожалуйста.

– Мне нечего объяснять.

– Мистер Пириод!

– Нечего! Мой слуга сделал глупость.

– Вы хотите сказать, что он в каком-то припадке ясновидения понял, что брат мисс Картелл умрет, написал за вас письмо и отнес его ей раньше, чем она успела понести потерю?

– Насмешки тут ни к чему, – нахмурился хозяин дома.

– В этом я с вами согласен. Дело крайне серьезное, поверьте.

– Ну хорошо, – сердито проворчал мистер Пириод. – Очень хорошо! Я... э... я отправил Конни Картелл письмо на другую тему. Очень личную и совсем другую. – Вдруг он издал странный смешок, который перепугал его самого, и растерянно уставился на Аллейна. – Я... э... наверно, я... – Мистер Пириод запнулся.

Аллейн, полагавший, что лицо его собеседника уже не может стать красней, увидел, что ошибся.

– Я перепутал письма, – выдохнул его собеседник. – Положил не в тот конверт. Наверно.

– Но это не объясняет... Постойте-ка! Ага, понятно. Кажется, все начинает проясняться. Скажите – я обещаю, что буду нем как рыба, – нет ли у вас знакомых, в семье которых недавно произошло подобное несчастье?

Из глаза мистера Пириода выпал монокль.

– Ну да, – признался он уныло, – так оно и есть.

– Когда это случилось?

– Кажется, вчера... да, я узнал вчера утром.

– И написали письмо?

Мистер Пириод сокрушенно кивнул.

– А эти письма были... – Аллейн старался найти какой-то способ облегчить мучения своего собеседника, но понял, что ничего не выйдет, – эти письма были идентичными? В конце концов, тут нет ничего удивительного. Нельзя же все время придумывать новые соболезнования.

Мистер Пириод кивнул, но промолчал.

Аллейн поспешил добавить:

– Не могли бы вы мне сообщить, разумеется, вполне конфиденциально, имя... – что ни говори, а все это звучало довольно абсурдно, – имя другой скорбящей сестры?

– Прошу прощения. Боюсь, что нет.

Аллейн вспомнил, что у него есть Николая и «Дейли телеграф», и не стал настаивать.

– В таком случае, может быть, вы скажете, что было написано в другом послании? Я имею в виду в письме, адресованном мисс Картелл?

– Нет, – с печальным достоинством ответил мистер Пириод. – Мне очень жаль.

Действительно, по его виду казалось, что он вот-вот расплачется.

– Возможно, оно попало к другой скорбящей сестре? Неправильное письмо в правильном конверте?

Мистер Пириод закрыл глаза, словно сама мысль об этом вызывала у него тошноту.

– Простите, – мягко заметил Аллейн, – но я вынужден задавать такие вопросы. Если все эти детали не имеют отношения к делу, я немедленно о них забуду, обещаю вам.

– Разумеется, не имеют! – с жаром заверил его мистер Пириод. – Прошу вас, поверьте мне: не имеют! Ни малейшего! Дорогой мой Аллейн, я... я вам клянусь. Вот и все! – заключил он с буйным весельем. – И точка! А теперь скажите, дорогой мой друг, вы уже пообедали? Мне следовало вам предложить... но из-за этой ужасной истории все пошло вверх дном. Надеюсь, вас не занесло в наш убогий паб?

Слова лились из него сплошным потоком. Аллейн терпеливо слушал, надеясь узнать что-нибудь полезное, но, убедившись, что рассчитывать не на что, резко его прервал:

– Есть еще один момент. Насколько я понимаю, леди Бантлинг довезла вас до дома прошлой ночью?

Мистер Пириод застыл с раскрытым ртом.

– Ну да, конечно, – ответил он наконец. – Милая Дезире! Всегда такая добрая. Конечно! А что?

– Я также полагаю, что после того как вы ушли, она не сразу вернулась в Бэйнсхолм, а направилась в ваш сад и завязала беседу с мистером Картеллом, который говорил с ней из окна своей спальни. Почему вы мне об этом не рассказали?

– Я... не знаю.

– Но вы должны знать. Потому что вы высунулись из окна и спросили: «Что тут происходит?»

– А ничего и не произошло! – с мрачным торжеством возразил мистер Пириод. – Ничего! Она так и сказала. Она сказала...

– Она сказала: «Ничего, ничего, идите спать, дорогой мой».

– Именно так! Она всегда так заботлива.

– Вы слышали продолжение разговора?

– Нет! Ни слова! Ни полсловечка. Слышал только голоса, больше ничего. Уверен, Дезире продолжала злиться и шпынять беднягу Хэла.

Сдвинуть его с этой точки оказалось невозможно, потому Аллейн попрощался и направился в кабинет к Николая.

Она нашла ему экземпляр вчерашней газеты. Он прочитал раздел некрологов.

– Ваш работодатель, – заметил детектив, – известен своим эпистолярным мастерством. Вы не обратили внимания: отправлял ли он какую-то корреспонденцию вчера вечером?

– Обратила. Два письма.

– По местным адресам?

– Ну да, – пробормотала она, запнувшись.

– Не скажете, кому именно?

– Но... то есть...

– Ладно. Это были письма мисс Картелл и Дезире, леди Бантлинг?
– Если вы и так все знаете, – раздраженно сказала Николя, – то зачем спрашиваете?
– Просто хотел сбить вас с толку, милочка, как и положено опытному сыщику.
– Ха-ха, очень смешно, – прокомментировала она с кислым видом.
– Может, и не очень. – Аллейн прошел в дальний угол комнаты, где висело генеалогическое древо мистера Пириода. – Вижу, его сильно волнует родословная. Взгляните на это. Скромно висит в темном уголке. Но все-таки висит и вставлено в рамочку. Работа сделана недавно. Бьюсь об заклад – по его заказу.

– Откуда вы знаете?

– Не задавайте слишком много вопросов, а то вам придется отвечать на мои. По бумаге, позолоте и краске.

– Хм, вот как.

– Где находится Рибблторп?

– Думаю, за Бэйнсхолмом.

– Кажется, Пайки оттуда родом.

– Он так и говорил, – вздохнула Николя, – и весьма настойчиво. Вчера за столом он твердил об этом без умолку. Словно с ним кто-то спорил.

– Расскажите подробнее про этот разговор. – Она рассказала, и он поблагодарил. – А теперь мне пора.

– Куда вы едете?

– Пойду бродить по свету в поисках новой жертвы. Еще увидимся.

Выходя из дома, Аллейн подумал: смешно, но эта девушка заставляет его чувствовать себя молодым. Садясь в машину, он мысленно добавил: «Впрочем, как и моя жена. Вот что я называю счастливым браком».

– В Бэйнсхолм, – бросил Аллейн водителю.

По дороге, задрвав шляпу на затылок, суперинтендант смотрел на весенние поля и думал о том, как теперь, после стольких лет, могла выглядеть Дезире Ормсбери: именно под этим именем он ее знал когда-то. Наверно, сногшибательно, решил Аллейн, в том или ином смысле; и когда в будуаре она вышла ему навстречу, суперинтендант увидел, что не ошибся.

На Дезире были обтягивающие брюки и итальянская рубашка. Одежда полыхала оранжевым цветом, так же как волосы и губы. Ее макияж был достоин кисти импрессиониста, а открытые руки поражали художой.

Зато когда она улыбнулась, в ней сразу вспыхнул тот невероятный, убийственно-вульгарный шарм, который он отлично помнил. «Дезире по-прежнему великолепна», – подумал Аллейн.

– Значит, это ты, – хрипло произнесла она. – А я все думала, кто это: ты или твой брат – Джордж, кажется? Он ведь тоже подался в полицейские.

– А я думал: помнишь ли ты кого-нибудь из нас?

– Конечно, помню. Но Джордж теперь остепенился, он баронет. Зато ты все тот же Рори, во всей своей красе.

– Ты меня смущаешь, – улыбнулся Аллейн.

– Правда-правда, ты почти не изменился. Хотела бы я сказать то же самое о себе. Хочешь выпить?

– Нет, спасибо, – ответил Аллейн, немного озадаченный. Он взглянул на часы: было без двадцати три.

– Я только что поела, – объяснила она. – Говорят, бренди помогает пищеварению. А ты где обедал? – Дезире смерила его взглядом. – Подожди тут минутку, ладно? Я ненадолго. Покури пока. – Выходя из комнаты, она бросила через плечо: – Не бойся, это не попытка к бегству.

Аллейн закурил и огляделся. Ничего особенного: обычный будуар в загородном доме с расставленными там и сям вещичками Дезире вроде «стильных» фарфоровых безделушек и причудливой картины, сотканной из лавровых листьев и маленьких флажков.

На стенах висели фотографии Эндрю Бантлинга и еще какого-то смазливового молодого мужчины, которого он определил как третьего мужа Дезире. Снимок был самый заурядный, но Аллейну почудилось в нем что-то знакомое. Он как будто уже знал эти широко расставленные глаза и безупречную улыбку. Ему даже показалось, он слышит мужской голос, легкий и бесцветный баритон. Похоже, он уже встречался с этим человеком, но не помнил, когда и где.

– Это Бимбо, – сообщила вернувшаяся Дезире. – Мой третий. Мы женаты уже год. – В руках у нее был поднос с едой. – Я подумала, а вдруг ты голоден. – Она поставила поднос на стол. – Чувствуй себя как дома. – Дезире отошла в сторону и закурила. – Съешь это, ради Бога, иначе получится, что я зря старалась. Если я арестована, обещаю, что это останется между нами. Ешь.

– Ну раз так, я поем, и с удовольствием.

Он присел к столу, где разместились заливной цыпленок, салат, хлеб, масло, бутылка пива и еще что-то в большом бокале для коктейлей.

– Сухой мартини, – пояснила Дезире. В руке у нее был огромный бокал с бренди. Она взяла журнал и плюхнулась с ним на диван. – Все в порядке?

По запаху жидкости он определил, что на одну часть вермута приходится восемь частей джина. Незаметным жестом Аллейн опрокинул бокал в цветочную вазу, а себе налил пиво. Заливной цыпленок был превосходен.

– Эндрю сказал, что Хэла убили?

– Да.

– Звучит неправдоподобно. Разве что он кого-то окончательно довел. Когда мы были женаты, мне самой не раз хотелось сделать что-нибудь подобное. Но потом я от него избавилась, и это прошло. Если ты понимаешь, о чем я.

– Вполне.

– Эндрю сказал, что ему устроили ловушку. Это правда?

– Правда.

– Я думала, – добавила Дезире после паузы, – что это ты будешь задавать вопросы.

– Как я могу, если ты заткнула мне рот столь восхитительной едой?

– Тебе нравится? У меня плохая кухня. Могу похвастаться только разнообразием напитков. Значит, Хэла убили? Серьезно?

– Думаю, да.

Наступило долгое молчание; потом она заговорила о людях, которых они когда-то знали, и о разных случаях из прошлого. Это заняло какое-то время. Дезире умела быстро сокращать дистанцию. Незаметно она оказалась совсем рядом. Аллейн почувствовал ее духи, крепкие и незнакомые. Он знал, что Дезире пытается его обезоружить, усадив за этот стол и заставив есть и пить. Еще он понимал (так же ясно, как если бы она ему сказала об этом сама), что Дезире готова и на более смелые шаги. «Интересно, куда делись ее Бимбо и Эндрю Бантлинг?» – подумал Аллейн. Он продолжал невозмутимо есть.

– Мистер Бимбо, – Дезире словно прочитала его мысли, – предается послеобеденному сну. Вчера мы немного припозднились. Была вечерника, очень приличная. Но ты наверняка об этом уже знаешь.

– Я слышал, она имела большой успех, – вежливо отозвался Аллейн. Он отложил нож и вилку и встал. – Превосходный обед! Большое спасибо, как мило, что ты обо мне позаботилась.

– Пустяки, – ответила она небрежно, подойдя к нему с зажигалкой и коробкой сигарет.

– Может, присядем? – Он заметил, что Дезире устроилась напротив яркого света, видимо, полагаясь на свое обаяние. – Я должен задать тебе пару важных вопросов. Вот первый. Ты, случайно, не получала письма от мистера Пайка Пириода? Скажем, сегодня утром?

Она уставилась на него:

– Черт, ну да! Я совсем забыла. У бедняги поехала крыша. А как ты узнал?

– Почему «поехала крыша»?

– Суди сам. – Положив руку на плечо Аллейна, Дезире потянулась через него всем телом и не спеша выдвинула ящик стола. – Вот. – Она бросила на стол письмо. – Читай.

Текст был написан рукой мистера Пириода и на его бумаге.

*Моя дорогая,
прошу Вас, не думайте, что я делаю из мухи слона, но у меня осталось неприятное чувство, что Вы могли вывести ложное заключение из тех слов, которые были сказаны сегодня за столом. Разумеется, довольно глупо защищать честь своих предков, но смею заверить, что моя родословная простирается в прошлое достаточно далеко, чтобы это*

могло удовлетворить кого угодно, включая и меня. Кажется, у бедного Хэла это превратилось в навязчивую идею. Впрочем, не важно! Меня это не беспокоит. Простите, что потревожил, но я уверен, что Вы все поймете.

Ваш П.П.П.

- Ты понимаешь, о чем он пишет? – спросил Аллейн.
- Понятия не имею. Вчера Пи Пи у меня обедал и выглядел вполне нормально.
- Может быть, ты ожидала получить от него какое-то другое письмо?
- Другое? Какое другое? А, вон ты к чему! Бедняга Ормсбери? Он ведь умер, ты об этом слышал?
- Да.
- Зная страсть Пи Пи к соболезнованиям, это было бы вполне естественно. Хочешь сказать, что он перепутал письма? Тогда кому предназначалось это?
- Не против, если я его заберу?
- Пожалуйста.
- Аллейн убрал письмо в карман.
- Должен сразу тебя предупредить: скорее всего ты последний человек, который разговаривал с Гарольдом Картеллом. Включая убийцу.
- Дезире сунула в рот сигарету и поднесла огонь недрогнувшей рукой.
- Почему ты так уверен? – спросила она небрежно. – А, понятно. Кто-то рассказал тебе про сцену у балкона. Кто? Наверно, Эндрю или его подружка. Или Пи Пи. Тем более что он сам в ней участвовал.
- А ты взяла на себя роль Ромео?
- Почему бы и нет? Они оба плешивые, к тому же, если уж на то пошло, в постели я дам сто очков вперед обоим.
- Аллейн вдруг почувствовал, что ему начинает доставлять удовольствие этот разговор. Очевидно, она рассчитывала именно на такую его реакцию.
- Постель имеет свои границы.
- Для меня, – возразила Дезире, отбросив все церемонии, – она стоит целого мира. Тебе ли этого не знать?
- Аллейн предпочел замаять данную тему и вернулся к своим вопросам:
- Почему, доставив мистера Пириода к воротам его сада, ты вышла из машины, пересекла траншею и устроила серенаду мистеру Картеллу?
- Я увидела его в окне и решила, что это будет весело.
- Что ты ему сказала?
- Что-то вроде: «Но что за свет мелькает в том окне?»⁸
- А потом?
- Не помню. Начала его дразнить.
- Ты сказала, что вступила на тропу войны?
- После секундной паузы она фыркнула:
- Не думала, что у Пи Пи такой отличный слух. В его-то возрасте! Да, сказала. Но это ничего не значит.
- А потом предупредила, чтобы он «ходил и оглядывался»?
- Может, ты сам расскажешь обо всем, что я говорила?
- Ты ругала его за то, как он поступил с твоим сыном?
- Ага, ругала. Это они тебе разболтали? Энди и девчонка? Ты все из них вытянул, хитрец?
- К сожалению, – уклончиво заметил Аллейн, – они сидели слишком далеко и были слишком заняты неким делом, чтобы быть надежными свидетелями.
- Значит, Пи Пи... – И Дезире подалась вперед и тронула его за руку. – Честное слово, я почти не помню, что говорила Хэлу. Перед этим я пропустила пару стаканчиков и была здорово навеселе. – Она снова помолчала, потом заявила с неожиданной прямоотой: – Если это была ловушка, я никак не могла ее устроить, верно? На глазах влюбленных голубков.

⁸ Цитата из трагедии «Ромео и Джульетта» У. Шекспира.

– Откуда ты знаешь про ловушку?

– Пи Пи сказал Энди, а Энди – мне. Потом я отправилась напрямиком в Бэйнсхолм и приехала без двадцати пяти двенадцать. Скоро вернулись первые пары. После этого я все время была на виду. Разве это не железное алиби?

– Буду рад, если оно подтвердится. А как ты узнала, что приехала в одиннадцать тридцать пять?

– По часам в холле. Я следила за временем, потому что у нас была «охота за сокровищами».

– Кто победил?

– Ты еще спрашиваешь? Конечно, Моппет и ее бандит. Думаю, они как-то сжульничали.

– Да? Каким образом?

– Они слышали, как мы днем говорили о подсказках. Последняя вела в уборную под лестницей.

– Здесь, в доме?

– Ну да. Большинство об этом догадались, но слишком поздно.

– Кто-то может это подтвердить?

– Мое алиби?

– Твое алиби, – бесстрастно кивнул Аллейн.

– Не знаю. Кажется, я говорила с Бимбо. Он должен вспомнить.

– Хорошо... Насчет твоей серенады второму мужу: ты упоминала о наследстве сына?

Дезире расхохоталась. У нее был громкий, тяжелый смех: так мог бы смеяться герцог Веллингтон, будь он женщиной.

– Вообще-то да. Что-то такое было. Хотелось его позлить.

– Он приезжал к тебе вчера днем?

– Приезжал, – быстро подтвердила Дезире. – По поводу Ловкача Лена и его машины. Он так переживал, бедняжка.

– А при этой встрече, – не отставал Аллейн, – ты упоминала о наследстве?

– Упоминала ли я? Ну да, упоминала. Я сказала Хэлу, что он ведет себя как последний скряга. Что было истинной правдой.

– Как он на это реагировал?

– Хэл был так взбудоражен, что почти не обратил на мои слова внимания. Его бесила история с машиной... Я вижу, твои шпионы неплохо постарались. Могу я узнать, кто тебе все это рассказал? Постой-ка. Наверно, сержант Райкс. Вот он повеселился.

– Почему Картелл был против идеи с галереей?

– Дорогой мой, да потому что он – это он. Старый мухомор. Повезло же Энди с опекуном.

– Но у него есть и другие доверенные лица?

– Да. Пи Пи.

– А он как к этому относится?

– Боится, что Энди отрастит бороду и пойдет по миру, что ему совсем не нравится. Но с Пи Пи я как-нибудь договорюсь... Бу был бы не против.

– Бу?

– Бобо Бантлинг. Мой первый. Отец Энди. Ты же знал Бобо. Не глупи.

Аллейн действительно вспомнил Бобо – на редкость никчемного лорда, – но предпочел не отвечать.

– Кроме того, – добавила Дезире после паузы, – Бимбо считает эту сделку очень перспективной. У него чутье на такие вещи. Бимбо даже предложил... – Она вдруг замолчала и прислушалась. В коридоре послышались чьи-то шаги. – А, вот как раз и он! – воскликнула Дезире и громко позвала: – Бимбо!

– Да, – откликнулся недовольный голос.

Дверь открылась, и в комнату вошел Бимбо Доддс. Не успел он переступить порог, как Аллейн вспомнил, где они встречались.

IV

Похоже, Бимбо тоже его узнал, хотя и не подал виду. В последний раз они виделись во время скандальной истории в маленьком, но элитарном ночном клубе. За этим последовали неприятные

разоблачения, касавшиеся одного высокопоставленного лица, и судебное расследование, которое почти не освещалось в прессе. Аллейн вспомнил, что Бенедикт Артур Доддс находился в числе нескольких светских особ, принимавших тайное участие в финансировании клуба, который вскоре был с позором закрыт, но почти сразу возродился под другим именем. Бимбо также участвовал в процессе и получил суровое внушение от судьи, но удачно избежал огласки. Через какое-то время он объявил себя банкротом. Это было незадолго до его женитьбы на Дезире.

Она их представила. Бимбо, немного помятый после дневного сна, хмуро кивнул и покосился на поднос. Его правая рука была аккуратно перевязана, и он не протянул ее Аллейну.

– Дорогой мой, мы с суперинтендантом старые друзья, – сообщила Дезире. – Он умирал с голоду, и я предложила ему перекусить. Между прочим, он настоящая знаменитость, и с его стороны было очень мило лично устроить мне допрос.

– Вот как? – хмыкнул Бимбо. – Ха-ха. Прекрасно.

– Отнесись к его вопросам серьезно, потому что Хэла, кажется, убили. Представляешь!

Аллейн расценил это как скрытое предупреждение и обратился к Бимбо:

– Не хотите перекинуться со мной парой слов, мистер Доддс? – Он повернулся к Дезире: – Огромное спасибо за столь щедрое угощение.

На ее лице мелькнуло что-то похожее на недовольство, но она невозмутимо ответила:

– Не за что. Я правильно поняла, что ты хочешь пообщаться с моим мужем тет-а-тет?

– Всего на два слова, – успокоил ее Аллейн. – Если ты не против. Может быть, мы перейдем куда-нибудь в другое...

– Нет-нет. Я пойду стричь садовые розы. Правда, роз в саду нет, и вообще сейчас не тот сезон.

– Ты можешь заняться своей вышивкой, – напомнил Аллейн и с удовлетворением заметил, как она поморщилась.

– Вы могли бы поговорить в его студии. Почему бы нет?

– Почему бы нет, – без особого энтузиазма согласился Бимбо.

Проходя мимо Дезире, Аллейн оказался к ней почти вплотную, и она твердо взглянула ему в глаза. Выражение ее лица прочитать было трудно, но Аллейн почувствовал в нем тревогу.

Студия Бимбо оказалась обычным кабинетом с гравюрами спортивной тематики на стенах и томами книжной классики, среди которых затесалось несколько бульварных изданий в мягких обложках.

Бимбо, державшийся высокомерно и обиженно, сухо обронил:

– Чертовски неприятная история.

– Действительно.

– Мы готовы помочь, чем только возможно.

– Большое спасибо. – Аллейн решил перейти прямо к делу: – Есть пара моментов, которые я хотел бы прояснить. Это чисто рутинная процедура, и я надеюсь, что вы поймете меня правильно.

– Разумеется.

– Прекрасно. Тело мистера Картелла нашли в траншее, которую выкопали на Грин-лейн, вдоль лужайки перед садом мистера Пириода. Вы вчера проезжали на машине по Грин-лейн?

– Хм, – пробормотал мистер Доддс, – дайте подумать. Я... Ах да! Проезжал. Когда носился по всему поселку в поисках подсказок.

Аллейн подумал, что сегодня настала его очередь заниматься примерно тем же самым.

– Подсказки для «охоты за сокровищами»? Когда это было?

– Не знаю. Примерно в пол-одиннадцатого. Может, немного позже. Я просто объезжал окрестности и смотрел, что там и как.

– Ясно. На лужайке кто-нибудь был?

– Честно говоря, не помню, – небрежно ответил Бимбо. – Или помню? Нет, никого не было.

– Вы выходили из машины?

– Выходил ли я из машины? Кажется, выходил. Да, выходил. Хотел проверить, на месте ли последняя подсказка.

– «Потерял ориентир – загляни скорей в сортир»?

– Верно. А что, утром она была еще там?

– Когда вы вернулись обратно?

– Сюда? Точно не помню.

– Раньше, чем леди Бантлинг?

– Ну да. Она отвозила домой старину Пириода. Это было позже. Я имею в виду – когда меня не было дома. То есть мы оба отсутствовали, но я вернулся раньше.

– Вы видели, как она вернулась?

– Не могу сказать, что я ее *видел*. Скорее, слышал. Когда был в танцевальном зале и проверял, все ли в порядке.

– Не обратили внимания, в котором часу?

– Я же не ходил по дому с секундомером. Но раньше двенадцати, потому что все должны были вернуться к полуночи.

– Понятно. После этого вы не покидали дом?

– Нет.

– Кажется, случилась собачья драка.

– Боже, ну конечно! Вы правы. Я вышел вместе со всеми на террасу и спустился вниз. Эта полоумная псина... – Бимбо отпустил пару крепких выражений в адрес Пикси.

– Она вас укусила?

– Еще как. – Доддс показал Аллейну руку.

– Профессиональная повязка.

– Мне пришлось обратиться к доктору.

– После вечеринки?

– Да. Сначала я все сделал сам, но повязка сползла.

– Вы сами перевязали себе руку? – уточнил Аллейн.

Бимбо бросил на него жесткий взгляд:

– Ну да. Пошел в ванную, где была аптечка, и наложил бинт. Временно.

– Как долго вы отсутствовали?

– Не помню. Откуда мне знать?

– Хотя бы примерно?

– Долго. Рана кровоточила, но я ее как-то замотал. Да, довольно долго. Минут двадцать или больше. Потом я еще сходил переодеть брюки, их порвала какая-то дворняга.

– Скверно, – сочувственно кивнул Аллейн. – Скажите, вы являетесь членом клуба «Асиенда»?

Бимбо замер. Помолчав немного, он сказал:

– Не понимаю, какое это имеет отношение к делу.

– Имеет, не сомневайтесь, – весело заверил его Аллейн. – Я просто хотел узнать: не встречались ли вы в «Асиенде» с Леонардом Лейссом? Он тоже там состоит.

– Определенно нет, – ответил Бимбо и отошел в сторону.

«Интересно: лжет ли он?» – подумал Аллейн.

– Я больше не член клуба и, насколько помню, никогда не видел Лейсса, – добавил Бимбо. – Вплоть до вчерашнего дня. Он сам напросился на ужин. Я считаю его сомнительным типом. И довольно опасным.

– Понятно. Что ж, это мы выяснили. Теперь поговорим о вашем пасынке и галерее Грэнтема.

Он сделал паузу, чтобы посмотреть, как Бимбо отреагирует на резкую смену темы. Тот слегка поднял брови и потянулся к портсигару. Аллейн не раз задавался вопросом: насколько проще детективам «раскалывать» курильщиков по сравнению с некурящими?

– А-а, вы об этом! – протянул Бимбо. – Что ж, я думаю, это вполне здравая идея.

– Вы обсуждали данный вопрос с Бантлингом?

– Да, и довольно подробно. Я целиком «за».

– И даже хотите принять в этом участие?

Бимбо беззаботно ответил:

– Да, хочу. Всем, чем смогу.

– Например?

– Наведением справок, изучением рынка и все такое.

– И конечно, деньгами?

– И деньгами.

– А они у вас есть? – спокойно спросил Аллейн.

– Ну знаете ли! – воскликнул Бимбо.

– Когда идет следствие, бестактных вопросов не бывает.

– Тут я с вами не согласен.

– Хотел бы уточнить, если вы не против: вы уже расплатились с долгами после банкротства?

– Я против, но ответ – да. Дело было закрыто год назад.

– Как раз после того, как вы женились, не так ли?

Бимбо побагровел и промолчал.

– Полагаю, – продолжал Аллейн после короткой паузы, – дело с галереей Грэнтема теперь пойдет лучше, верно?

– Не знаю.

– Ведь препятствий больше нет? Если только не будет возражений со стороны второго опекуна, мистера Пириода.

– В любом случае это не важно.

– Вы думаете?

– Я хочу сказать: это не имеет отношения к тому, что произошло.

– Понятно. Что ж, – бодро произнес Аллейн, – на этом, кажется, все. Может быть, вы сами добавите что-нибудь такое, что могло бы нам помочь?

– Это нелегко, если учесть, что я понятия не имею об обстоятельствах дела, – со смешком возразил Бимбо.

– Тело мистера Картелла нашли в траншее, вырытой возле дома мистера Пириода. Он был убит. Это все, что пока известно, – солгал Аллейн.

– Как его убили?

– Видимо, ударом по голове.

– Вот бедняга, – вздохнул Бимбо. Он уставился отсутствующим взглядом на кончик сигареты. – Понимаете, – пробормотал он, – в таких ситуациях всегда боишься сказать лишнее. Слишком уж легко нагромоздить кучу домыслов вокруг самых незначительных деталей.

– Что значительно, а что нет – это решать нам.

– Я знаю. Разумеется. И все же...

– Мистер Доддс, обещаю, что не стану закусив удила бросаться по ложному следу.

Бимбо улыбнулся:

– Хорошо, убедили. В принципе я всегда за то, чтобы сотрудничать с полицией. Мы часто ее ругаем, а сами ждем, что она будет нас защищать. К сожалению, не все придерживаются моей точки зрения.

– Не все.

– Когда либералы и интеллигенты начинают нести всякую чушь про сочувствие к преступникам, кому-то приходится брать на себя ответственность.

Аллейн подавил легкую тошноту, вызванную этой фразой.

– Естественно.

Бимбо повернулся к окну, словно оглядывая простиравшийся за ним ландшафт. Тон его голоса изменился.

– Лично я – сторонник смертной казни.

Аллейн, чьи взгляды отличались от мнения большинства его коллег, обронил:

– В самом деле?

– Впрочем, это не имеет отношения к делу. – Бимбо отвернулся от окна. – Даже не знаю, к чему я об этом сказал.

– Мы можем о ваших словах забыть.

– Пожалуй.

– Так вы хотели сказать...

– Да-да. Насчет этого чертова Лейсса и его тошнотворной подруги. Само собой, они досидели до конца вечеринки. Никогда не видел, чтобы люди так пили и при этом были ни в одном глазу. Все машины уже разъехались, кроме его развалюхи, время шло к двум часам. Я решил, что надо им намекнуть. Взял его дурацкое пальто и отправился их искать. Долго ходил, но в конце концов наткнулся на них в своем кабинете: они устроились там с бутылкой шампанского. Оба сидели на диване спиной к двери и не слышали, как я вошел. Кажется, они обсуждали подробности минувшей вечеринки. Говорил Лейсс. Я услышал конец его фразы. – Бимбо остановился и нахмурился. –

Конечно, скорее всего это ничего не значит. – Он взглянул на Аллейна, но тот промолчал. – Короче, было так. Он сказал: «Так мы навсегда избавимся от мистера Гарольда Картелла». А она спросила что-то вроде: «Когда они это обнаружат?» И он ответил: «Наверно, завтра утром. Тебе нечего бояться, ясно? Только, ради Бога, не теряй головы: мы чисты как стеклышко».

Интерлюдия

I

После этого рассказа (который вполне мог оказаться выдумкой) Бимбо не сообщил больше ничего интересного. Бросив взгляд на его стол: там лежало много нераспечатанной корреспонденции, в том числе несколько счетов и письмо из нотариальной конторы, адресованное Бенедикту Артуру Доддсу, – Аллейн взял с Бимбо слово подписать свои показания и собрался уходить.

– Не провожайте меня, – попросил он вежливо. – Я сам найду дорогу.

Бимбо не успел сдвинуться с места, как Аллейн вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Он не удивился, увидев в коридоре Дезире. Она выглядела сейчас более возбужденной, и Аллейн приписал это действию бренди. Но в общем Дезире оставалась самой собой.

– Я тебя ждала. Есть проблема.

– Какого рода?

– На самом деле это не проблема, но я все равно должна тебе сказать. Меня гложет совесть. Я поступила глупо, показав тебе письмо Пи Пи. Оно действительно было адресовано не мне.

– А кому?

– Пи Пи не сказал. Но он только что мне позвонил, страшно расстроенный, и попросил сжечь письмо и забыть об этом. Он говорил без умолку, вспоминал своих славных предков и бог знает что еще.

– Ты не сказала ему, что я видел письмо?

Дезире сдвинула брови.

– Нет, но все равно чувствую себя как горничная, разбившая чашку. Бедный Пи Пи! Что он так исполошился? Ты не представляешь, в какой он панике.

– Не обращай внимания. Думаю, это просто излишняя мнительность.

– Наверно. Но все-таки... – Дезире положила на его руку горячую ладонь. – Рори, если можно, не говори ему, что я дала тебе письмо. Он сочтет меня ябедой.

В эту минуту она ему очень нравилась.

– Не скажу, если не будет крайней необходимости. Но и ты ему ничего не говори, ладно?

– А мне-то зачем? Хотя я не понимаю, почему должна давать такие обещания.

– Это может быть важно.

– Не представляю, каким образом. Письмо у тебя. Ты его хочешь как-то использовать?

– Нет, если оно не связано с убийством.

– Наверно, бесполезно просить тебя вернуть его обратно. Бесполезно?

– А как по-твоему, Дезире? – Аллейн в первый раз назвал ее по имени. – Я верну его не раньше, чем удостоверюсь, что оно не имеет отношения к делу. Извини.

– Что за скучная у тебя работа. Не представляю, как ты ею занимаешься. – И она разразилась своим хрипловатым смехом.

Аллейн молча смотрел на нее несколько секунд.

– Наверно, в твоих словах скрыт какой-то глубокий смысл, – заметил он, – но, боюсь, все это уже не важно. До свидания. Еще раз спасибо за обед. – Садясь в машину, суперинтендант сказал водителю: – В Рибблторп. Это миль пять, не больше. Мне нужна приходская церковь.

Поездка оказалась легкой и приятной. В полях распускалась весенняя зелень, кое-где на лужайках уже цвели подснежники, и все дышало свежестью и деревенской простотой. Последняя фраза Дезире не выходила у него из головы.

Рибблторп оказался маленькой деревушкой. Миновав ряд домов и здание почты, они подъехали к скромной, но симпатичной церкви, за которой виднелся обветшалый дом священника.

Аллейн прошел на кладбище и скоро обнаружил викторианский надгробный камень, под которым покоилась *«Фрэнсис Энн Патрисия, дочь Альфреда Молино Пайерса Пириода, эсквайра, и леди Фрэнсис Марии Джулии, его жены. Она не умерла, но спит»*⁹. Он зашагал дальше, размышляя

⁹ «И, войдя, говорит им: что смущаетесь и плачете? Девица не умерла, но спит» (Евангелие от Марка, 5; 39).

над неясностью этой цитаты, и довольно быстро нашел геральдическую эмблему, очень похожую на те, что висели в кабинете мистера Пириода. Она была выгравирована на могиле лорда Персиваля Фрэнсиса Пайка, который скончался в 1701 году и оставил всевозможные щедрые дары этому приходу. Та же фамилия часто попадалась и на других надгробиях, разбросанных по всему кладбищу начиная с царствования короля Якова. Примерно то же самое он увидел в церкви. Геральдические рыбы, гербы и мемориальные доски удостоверяли знатность и могущество неисчислимых Пайков.

Аллеину повезло. Крестильная книга была не заперта в ризнице, а прикована цепью к резному столу, стоявшему возле купели. Перед алтарем какая-то женщина в переднике и перчатках натирала медь. На ней была широкая шляпа без полей, для удобства задранная на затылок и придававшая ей немного залихватский вид.

– Простите, – сказал он, подойдя к женщине, – можно мне взглянуть на записи крещений? Я изучаю старые архивы. Буду очень осторожен, обещаю.

– О, разумеется! – живо воскликнула она. – Пожалуйста. Муж сейчас в Рибблторп-Парве на встрече матерей, а то бы он мог многое вам рассказать. Если хотите, я...

– Нет-нет, спасибо, в этом нет необходимости, – поспешно заверил ее Аллейн. – Просто небольшой экскурс в генеалогию.

– Мы здесь совсем недавно, всего три месяца, и плохо знаем старину. – Жена приходского священника – Аллейн решил, что это именно она, – в последний раз прошлась тряпкой по медной дощечке, полюбовалась на свою работу, перешла в алтарь и взялась за ризницу.

– Я – миссис Николс. Мужа назначили сюда вместо отца Форсдайка. Боюсь, его записи покажутся вам сумбурными. – Она оглянулась на Аллейна через плечо. – Отец Форсдайк был человеком святым, но весьма рассеянным. Он умер, когда ему было уже за девяносто, да покоится его душа в мире.

Женщина прошла дальше и исчезла из виду. Чем-то она напомнила Аллейну Конни Картелл.

Книга была обернута в пергамент и имела на обложке королевский герб. Страницы делились на колонки с заголовками: «Когда крещен», «Имя младенца при крещении», «Имена родителей», «Местожителство», «Общественное положение», «Занятие или профессия» и «Кем крещен». Первая запись была сделана в июле 1874 года.

Сколько лет было мистеру Пайку Пириоду? Пятьдесят восемь? Больше шестидесяти? Трудно сказать. Аллейн начал просматривать записи начиная с 1895 года. В это время мистер Форсдайк был уже на службе и, несмотря на относительную молодость, успел далеко зайти в своей рассеянности. Журнал пестрил ошибками и поправками. Самого себя он записывал то как «практикующего священника», то как «младенца» или «крестную мать», а один раз даже как «местожителство». Иногда эти промахи были исправлены им самим, иногда – кем-то другим, а подчас не исправлены вовсе. Восприемники крещеного попадали у него в «общественное положение» и «занятия или профессия», а то и смешивались с родителями. Но существовал один раздел, в котором не было никаких ошибок: каждый раз, когда речь шла о ком-то из Пайков, в строке «общественное положение» аккуратно проставлялось «джентльмен».

В конце одной из густо исчерканных страниц за 1897 год Аллейн нашел то, что искал. Седьмого мая (исправлено на пятое) в присутствии целой толпы восприемников и свидетелей была крещена Фрэнсис Энн Патрисия, дочь Альфреда Молино Пайерса Пириода и леди Фрэнсис Марии Джулии Пириод, урожденной Пайк. Под именем Фрэнсис Энн Патрисии другим почерком было вписано: «Персиваль Пайк». Рядом стояли скобки с едва втиснувшимся в них словом «близнецы».

Выходило, что после появления на свет мистер Персиваль Пайк стал жертвой рассеянности приходского священника и на какое-то время исчез за спиной своей сестры-близняшки, которая, как следовало из надгробного камня на кладбище, скончалась во младенчестве.

Аллеин долгое время изучал эту дополнительную запись с помощью мощной лупы. Будь его воля, он бы с удовольствием вырвал страницу и направил ее на экспертизу в лабораторию. Ему удалось разобрать, что запись была сделана с помощью стального пера: как раз такое же ржавело рядом на столе возле старомодной чернильницы. Автор писал очень старательно, печатными буквами, без каких-либо отличительных деталей.

Молясь о том, чтобы миссис Николс подольше задержалась в ризнице, Аллейн выскочил на улицу и нашел в машине маленький пузырек из набора криминалиста. Вернувшись к купели – миссис Николс все еще была в алтаре и распевала какие-то псалмы, – он капнул жидкостью на нужное место страницы. Результат получился не таким убедительным, как ему хотелось, но все говорило за то, что

вторую запись сделали намного позже первой. Аллейн захлопнул журнал, надеясь, что пятно на странице сойдет за след слезы, оброненной над бедным дитятей сентиментальным посетителем.

Жена священника вернулась без передника и в аккуратно надетой шляпе.

– Ну что, удачно?

– Думаю, да. Спасибо. Эти старые книги всегда так увлекательны. Некоторые фамилии тянутся через целые столетия, как живое воплощение традиций и истории. Я нашел тут несколько поколений Пайков.

– Да, это было очень старое семейство. Достойнейшие люди.

– Значит, их род пресекся?

– О да. Уже давно. Их имение сгорело, кажется, еще при королеве Виктории, и они куда-то переехали. А потом все умерли. Впрочем, в Литтл-Кодлинге есть мистер Пириод, который вроде бы имеет к ним какое-то отношение, но я слышала, что он последний. Очень грустно.

– Вы правы. – Аллейн еще раз поблагодарил хозяйку и извинился за беспокойство.

– Да какое там беспокойство, – отмахнулась она. – Кстати, вы уже не первый, кто интересуется нашей книгой. Несколько недель назад тут был еще один, кажется, адвокат. Говорил, что это связано с его работой.

– Вот как? Послушайте, а может, это был мой кузен? – на ходу сымпровизировал Аллейн. Он вспомнил мертвое лицо, залепленное грязью. – Такой худой, высокий, с лысиной и большим носом? Уже в возрасте, немного педантичный?

– Кажется, так. Ну да, точь-в-точь как вы описали. Забавно!

– Черт, все-таки он меня обставил, – печально покачал головой Аллейн. – Мы поспорили, кто первым соберет семейный архив.

Он бросил несколько монет в ящик для пожертвований и вышел на улицу.

В этот момент с дороги донесся приглушенный шум приближавшейся машины. Поравнявшись с церковью, грохочущий драндулет притормозил. Сидевший за рулем водитель с интересом посмотрел на Аллейна и полицейскую машину. Потом он поддал газу и исчез за поворотом. Это был «катафалк», в котором ехал Джордж Коппер.

II

– Больше всего, миссис Митчел, – сказал инспектор Фокс, – мне понравилась холодная баранина с картофельным салатом и огуречным соусом. Должен признать, ваш огуречный соус – это нечто особенное. Большое вам спасибо. Восхитительно!

– О, не за что! – замахала руками миссис Митчел. – У меня племянник тоже полицейский. Так вот, он уверяет, что самое скверное – это нерегулярное питание. Даже хуже, чем дежурства, а уж их он навиделся, можете мне поверить! Эти ужасные мозоли! Племянник говорит: ноги так и горят.

Альфред прочистил горло.

– Так называемые профессиональные болезни, – сформулировал он. – Нам всем это грозит, миссис Эм.

– Что верно, то верно. Посмотрите на мои варикозные вены. Нет-нет, я не в буквальном смысле, – улыбнулась миссис Митчел, и Фокс рассмеялся.

– Очень жаль, – заметил он чуть погодя, – но я не могу сидеть и сплетничать тут целый день. Суперинтендант намылит мне шею.

– Странное дело, – вздохнула кухарка, – вот сидим мы здесь, все милые и приятные люди, а над нами постоянно висит этот ужас. Просто не верится.

– Еще бы. Наверно, жизнь у вас текла очень тихо, – предположил Фокс, – после того как два джентльмена поселились вместе?

Наступило короткое молчание, нарушенное вскоре миссис Митчел.

– Как вам сказать, – пробормотала она, – в общем и целом да, хотя...

– Есть внешние обстоятельства, – негромко вставил Альфред.

– Именно так, мистер Белт.

– Что за обстоятельства? – поинтересовался инспектор.

– Раз уж вы меня спросили, мистер Фокс, – ответила кухарка, – это собака. И родственные связи.

– Мисс Ралстон, например?

– Вы понимаете меня с полуслова!

– Думаю, – вмешался Альфред, – нам не стоит отзывать о ком-то дурно.

– Конечно, не стоит, но факт есть факт. У этой псины жуткие манеры, а молодая леди действовала всем на нервы. Вы сами об этом говорили, мистер Белт.

– Немного взбалмошна, полагаю, – скромно вставил Фокс.

– Ничего, ничего, скоро все прояснится, – мрачно изрекла миссис Митчел. – Явилась сюда прямо из приюта, а спрашивается, зачем?

– Мистер Картелл придерживался того же мнения, – вскользь заметил Альфред. – Я слышал, как он говорил об этом вчера вечером. Ничего определенного, но смысл был ясен.

– Вчера вечером? Вот как? Сигарету, миссис Митчел?

– Спасибо, мистер Фокс.

Альфред и миссис Митчел переглянулись. Раздался звонок.

– О, прошу прощения, – извинился Альфред. – Это из кабинета.

Он вышел. Фокс, благожелательно смотревший на миссис Митчел, заметил, что она слегка расслабилась.

– Мистер Белт очень переживает из-за всей этой истории, – сказала кухарка. – Виду он не показывает, но поверьте, это так.

– Вполне естественно. Выходит, мистер Картелл тоже был не в восторге от мисс Ралстон?

– Ничего другого нельзя было ожидать. Эта сомнительная девица называла его дядюшкой и все такое. А уж наш джентльмен... что тут говорить!

– Представляю, – понимающе кивнул Фокс. – Напрашивалась на неприятности. – Он приветливо улыбнулся. – Значит, были ссоры? Неудивительно, учитывая ситуацию. Но вряд ли они заходили очень далеко? Я имею в виду: мистер Картелл был такой приятный и добродушный человек.

– Кто вам это сказал! Ничего подобного, инспектор. Старый холостяк, да еще стряпчий. Я ничего не хочу сказать плохого, но против правды не пойдешь. Взять хоть вчерашний вечер. Сколько суматохи было с этим портсигаром!

Фокс выслушал подробный рассказ о портсигаре мистера Пириода.

– И вот, – продолжала миссис Митчел, – мистер Картелл пошел к ним в дом и устроил (если верить Труди, хотя она иностранка и не всегда выражается понятно) головомойку мисс Моппет, а потом пригрозил ей полицией. Возвращай, мол, портсигар и сдавай своего дружка – или... Труди была у нас сегодня.

Фокс сочувственно поцокал языком. Альфред вернулся за своей кепкой.

– Чертова псина снова сбежала, – сказал он в сердцах. – Перегрызла поводок. А теперь мне надо ее ловить, потому что весь поселок жалуется.

– Что же с ней делать? – вздохнула миссис Митчел.

– Я знаю, что я с ней сделаю, – раздраженно произнес Альфред. – Я ее усыплю. Мистер Фокс, если мы больше не увидимся...

Инспектор заверил, что они еще обязательно увидятся.

Когда Альфред ушел, миссис Митчел заметила:

– Мистер Белт очень переживает. Я, конечно, против того, чтобы убивать собаку. Может быть, моя сестра возьмет ее для своих детишек. Теперь, когда все так сложилось, надо только убрать ее отсюда, и мы заживем как в старые времена. – Она прикрыла ладонью рот. – Боже, что я такое говорю! Поймите меня правильно, мистер Фокс. Мы так хорошо здесь устроились, и нам бы совсем не хотелось что-то менять.

– А вы об этом уже думали? В смысле оставить место?

– Мистер Белт думал. И весьма решительно. Понятное дело, ему совсем этого не хочется, ведь он почти всю жизнь служил у нашего джентльмена. Но он поговорил об этом с мистером Пириодом, и тот обещал подумать. – Миссис Митчел стала подробнее развивать эту тему: – Понимаете, в остальном нас тут все вполне устраивало: люди, круг общения и прочее. Например, сегодня вечером будет приходское собрание. Мы регулярно туда ходим, что бы ни случилось. Но после того, что произошло между мистером Белтом и мистером Картеллом из-за той пропавшей штуковины, все сразу изменилось. Мистер Белт никогда не забывает про такие вещи. Никогда. Во время войны, – добавила она неизвестно к чему, – он был связистом.

Кто-то позвонил в заднюю дверь, и миссис Митчел пошла открывать. До Фокса донесся неразборчивый диалог, в котором преобладал мужской голос. Он подошел поближе к выходу и услышал, как кухарка воскликнула: «Надо же! Интересно, зачем ему это!» – на что невысокий мужчина в мятом костюме ответил: «Я знаю не больше вашего. Ладно, мне пора».

Фокс вернулся на свое место до того, как миссис Митчел вошла в комнату.

– Это мистер Коппер из гаража, – сообщила она. – Спрашивал про приходское собрание. Говорит, что видел, как ваш суперинтендант выходил из церкви в Рибблторпе. Интересно, что он там делал?

Инспектор со своей обычной невозмутимостью ответил, что суперинтендант Аллейн интересуется старой архитектурой, после чего откланялся и отправился в полицейский участок в Литтл-Кодлинге. Там он застал суперинтенданта Уильямса с вакуумным пылесосом жены.

– Конечно, тут у нас не Скотленд-Ярд, – весело заметил Уильямс, – но у этой штуки есть мини-насадка, так что работать можно.

С помощью пылесоса они тщательно вычистили смокинг Леонарда Лейсса, забравшись во все его уголки и впадинки, и набрали достаточное количество табачной крошки, чтобы, как заметил Фокс, ее смог разглядеть даже слепой присяжный при полном солнечном затмении.

Особое внимание они обратили на замшевые перчатки Лейсса, те самые, что, по мнению Николая, сильно отдавали дурновкусицей.

– Испачканы грязью, – определил Уильямс, – но доски он в них не поднимал.

Фокс записал результаты осмотра в блокнот и в задумчивом настроении выпил несколько чашек крепкого чаю с суперинтендантом и сержантом Райксом, которому предстояло вернуть одежду ее владельцу.

Около пяти прибыла машина с Аллейном, и они вместе отправились в морг в Римбле. Здание морга располагалось позади полицейского участка и отделялось бетонной стеной с вьющимися розами. Здесь они нашли полицейского судмедэксперта сэра Джеймса Кертиса, который уже успел вскрыть Гарольда Картелла и подтвердил предварительные выводы Аллейна. Травмы черепа могли быть вызваны ударом тяжелой доски. Остальные повреждения нанесла упавшая труба коллектора, вдавившая тело в грязь. Причиной смерти стало удушение. Доктор Электон уже собирался уходить и молча стоял рядом с патологоанатомом, глядя на то, что осталось от мистера Картелла. Лицо убитого было теперь чистым. На нем застыло высокомерно-удивленное выражение.

Доски, фонарь и железную стойку Уильямс пристроил в соседнем сарайчике. Детективам-сержантам Томпсону и Бейли поручили сфотографировать их во всех ракурсах.

– Я и сам увлекаюсь фотографией, – признался Уильямс, – у меня дома даже есть проявочная комната. Трубу рабочие привезут на своем грузовичке, сержант Райкс за ними присмотрит. Хотя ваши ребята сказали, что все уже сняли на месте.

Аллейн высказал ему свою признательность. Он говорил абсолютно искренне. Уильямс был именно тем полицейским, с которым мечтает иметь дело каждый детектив.

Бейли, человек нелюдимый и упрямый, но мастер своего дела, указал на две скреплявшие мост поперечные доски.

– Волоски, – буркнул он. – Три. Совпадают с волосами погибшего.

– Отлично.

– Еще одно. – Бейли ткнул пальцем в микрофото пленку и распечатку одного из кадров, лежавшую под увеличительным стеклом. – Есть отпечатки. Еще не высохли, но вы можете взглянуть.

Концы досок, уходившие в стенки траншеи, были измазаны грязью, но чуть подальше на микрофотоснимках виднелись расплывчатые следы. Аллейн внимательно разглядывал их несколько секунд.

– Да, – пробормотал он, – следы перчаток. Большие плотные перчатки. – Аллейн взглянул на Бейли. – Снизу доски не отшлифованы. Если мы сможем найти на них хоть пару оставшихся волокон, нас это, может быть, не спасет, но здорово обнадежит. Как преступник нес доски?

– Нижней стороной вверх.

– Отлично. Ну что, попробуем?

– Да, мистер Аллейн.

– Ладно. – Суперинтендант наклонился над перевернутыми досками. – Пинцет.

Бейли протянул ему маленький пинцет и листок бумаги.

– Вот, смотрите. – Аллейн положил на листок две едва заметные частицы некоей материи. – Не

знаю, что это такое, но очень похоже на ворс, стершийся со шва перчатки. И перчатки, между прочим, не замшевой. Скорее грубая кожа и... А, вот и она! – Он нашел еще один фрагмент. – Шнуровка. Толстая кожа и шнуровка.

– Кажется, кто-то едет, – заметил детектив-сержант Томпсон, не обращая ни к кому в отдельности.

Повисла короткая пауза, и все услышали шум мотора.

– Похоже на спортивный автомобиль мистера Лейсса, – сказал Фокс.

– Тормозит, – добавил Уильямс.

– Пойдемте, Фокс, – бросил Аллейн.

Они вышли к уличным воротам. Действительно, это была машина Лейсса, но за рулем сидел не он. Автомобиль взвизгнул тормозами и застыл на месте, плеснув водой из радиатора. Из окна высунулась Моппет, одетая в джинсы и кожаное пальто.

Несмотря на яркий макияж, ее лицо выглядело бледным. Она вела себя уже не так самоуверенно, как раньше: казалось, в ней происходит какая-то внутренняя борьба.

– Вот здорово! – воскликнула Моппет. – Мне сказали, что вы должны быть здесь. Простите, что отвлекаю.

– Все в порядке, – кивнул Аллейн.

Пальцы Моппет, в пятнах табака и с острыми кинжалами ногтей, беспокойно бегали по рулю.

– Тут вот какое дело. Местные копы только что привезли одежду Ленни: пальто и смокинг. Проблема в том, что пропали его перчатки.

Аллейн взглянул на Фокса.

– Прошу прощения, мисс Ралстон, – вмешался тот, – но я сам видел, как их положили в пакет. Перчатки мы вернули. Замшевые, кремового цвета, седьмой размер.

– Я не про эти, – покачала головой Моппет. – Я про шоферские. Толстые, со шнуровкой на запястьях. Они у него точно были. Я сама ему их дала.

III

– Может быть, вы выйдете из машины, и мы это обсудим? – предложил Аллейн.

– Мне бы не хотелось туда идти. – Она покосилась в сторону ворот. – Там ведь морг?

– Можно поговорить в участке, – успокоил ее Аллейн, и они вместе отправились в маленький домик из желтого дерева.

Окно в помещении было открыто. В соседнем саду щебетали птицы, оттуда тянуло запахом фиалок и свежевскопанной земли.

Фокс закрыл дверь, выходящую в сад. Моппет села на стул.

– Можно закурить? – спросила она.

Аллейн угостил ее сигаретой. Пока он подносил к ней спичку, Моппет сидела молча, сунув руки в карманы. Потом она начала быстро говорить:

– У меня мало времени. Ленни думает, что я поехала в гараж. В машине течет радиатор, – добавила Моппет, словно извиняясь. – Если Ленни узнает, что я здесь, то придет в бешенство. Он и так уже сходит с ума из-за перчаток. Божится, что они были в кармане его пальто.

– Когда мы забрали пальто, их там не было. А вчера вечером он эти перчатки брал с собой?

– Нет, он надевал другие. Ленни немного сдвинут на своих перчатках. Я всегда ему говорила, что тут пахнет Фрейдом. Но я боюсь, что мне здорово влетит.

– Почему?

– Вчера днем мы были в Бэйнсхолме. Там мы сменили машину, – продолжала Моппет не моргнув глазом. – Я взяла его пальто из той машины, которую он решил не покупать. Он уверяет, что перчатки были в кармане.

– А что вы потом сделали с пальто?

– В том-то и штука, что я не могу вспомнить. Мы вернулись к тете Кон, чтобы пообедать и переодеться к вечеринке. Наши вещи лежали в машине: мое и его пальто. Кажется, я отнесла их в дом, пока он ходил за сигаретами.

– Вы помните, куда положили его пальто?

– Скорее всего просто бросила в кресло. Я всегда так делаю.
– Но утром пальто мистера Лейсса висело в гардеробе.
– Да. Наверно, Труды его туда повесила. Эта девчонка неровно дышит к Ленни. Кстати, может, она и прикарманила его перчатки? Если подумать как следует, это очень похоже на правду.

– А вы сами когда-нибудь надевали эти перчатки?

Моппет ответила после небольшой паузы:

– Забавно, но Ленни говорит, что да. Он уверяет, что я была в них, когда мы вчера утром ехали из Лондона. Не помню. Может, надевала, а может, нет. Даже если надевала, понятия не имею, куда я могла их потом деть.

– Когда вы вернулись в Бэйнсхолм на вечеринку, мистер Лейсс был в пальто?

– Нет-нет, – быстро ответила Моппет. – Погода была теплой. – Девушка встала с места. – Мне пора идти. Не говорите Ленни, что я к вам приходила, ладно? Он всегда нервничает из-за таких вещей.

– Из-за каких вещей?

– Ну, вы сами знаете.

– Боюсь, что не знаю.

Моппет смотрела на него секунды две и вдруг оскалила зубы: точь-в-точь как собака, когда та смеется, прижав уши к голове.

– Вы лжете. Я все знаю. Вы нашли перчатки и теперь вынюхиваете, что к чему. Мне известны ваши методы.

– Ваше заявление звучит абсурдно, и, если вы будете на нем настаивать, оно может поставить вас в очень неловкое положение. Вы сообщили нам о пропаже перчаток, и мы приняли это к сведению. Хотите обсудить что-нибудь еще?

– Боже, конечно, нет! – И она вышла из участка.

Было слышно, как Моппет завела мотор, и машина с ревом умчалась по дороге.

– Ну и что из этого следует? – спросил Фокс.

– То, что нам надо найти эти чертовы перчатки.

– Лейсс наверняка попытается от них избавиться. Или уже это сделал. А может, она действительно их посеяла, и теперь он трясется от страха, что мы найдем улику. Вот и послал сюда девушку.

– Придержите коней, Братец Лис. Вы строите версию на непроверенных фактах.

– Разве?

– Мы опираемся только на ее слова.

– Верно, – нехотя согласился Фокс. – А вы что думаете?

– Они взяли бутылку с шампанским и устроились в кабинете Доддса. К концу вечеринки он их оттуда выгнал. Кстати, Доддс принес Лейссу его пальто, значит, по крайней мере часть истории Моппет – вранье. Полагаю, что за это время они вполне могли потихоньку уликнуть из дома, а потом опять вернуться. Наверно, вам будет интересно узнать, Братец Лис, что когда Бимбо Доддс обнаружил эту парочку, мистер Лейсс как раз говорил своей подруге, что они навсегда избавились от мистера Картелла и волноваться теперь не о чем.

– Силы небесные!

– Это наводит на определенные мысли, верно?

– Когда это было?

– Доддс говорит, что около двух ночи. Кстати, этот самый Доддс был замешан в истории с ночным клубом, более известной как дело «Асиенды», при том что мистер Лейсс – член этого клуба.

– Ого!

– Конечно, он мог все выдумать. Или перепутать.

– Около двух ночи. Хм... Единственное точное указание на время, которое у нас есть, – пробормотал Фокс, – это час ночи. Все свидетели сходятся на том, что в это время покойный выгуливал свою собаку. Мистер Белт и миссис Митчел уверены, что он выходил из дома не раньше, чем в церкви звучал колокол. Последняя машина с «охотниками за сокровищами» уехала в Бэйнсхолм раньше полуночи. И все это, – печально заключил Фокс, – оставляет больше вопросов, чем ответов.

– А Альфред или миссис Митчел? Они что-нибудь слышали?

– Ничего. Оба спали как убитые. Кстати, Альфред собирался искать другую работу, а миссис Митчел подумывала о том, чтобы последовать его примеру.

– Почему?

– Она говорит, что Альфред не мог привыкнуть к новым обстоятельствам. Да еще собака его раздражала. Миссис Митчел уверяет, что она все пачкала в доме. И потом, мистер Картелл высказал предположение, что Альфред как-то связан с пропажей портсигара, что, по словам миссис Митчел, крайне его обидело. Они оба сильно расстроились, потому что долго служили в этом доме и не хотели ничего менять. В конце концов Альфред пошел к мистеру Пириоду и заявил: или я, или мистер Картелл.

– Когда это случилось, Фокс?

– Вчера вечером. Миссис Митчел говорит, что мистер Пириод просто кипел от гнева. Он кричал, что не представляет себе жизнь без нее и Альфреда. И даже заявил, что откажет мистеру Картеллу в аренде дома. Они никогда не видели его в такой ярости. Миссис Митчел говорит, что он рвал и метал.

– Неужели? Между прочим, Фокс, я думаю, что он подделал запись в крестильной книге, а мистер Картелл об этом узнал.

И Аллейн подробно рассказал о своем визите в Рибблторп.

– Что за странные люди! – воскликнул Фокс. – Идти на такие ухищрения, чтобы выглядеть тем, кем ты не являешься. Не могу в это поверить.

– Придется, потому что у меня есть сильное подозрение, что это дело прямо связано с манией мистера Пириода. У него настоящая мания, Братец Лис. Все это время он жил в мире своих фантазий, и вдруг его заставили проснуться.

– Какой ужас!

– Когда вы уйдете на пенсию, – Аллейн с симпатией взглянул на коллегу, – рекомендую вам написать книгу под названием «Снобы, которых я знал». Тема очень плодотворная и еще далеко не исчерпанная. Хотите услышать, как мне видится история мистера Пириода?

– Конечно!

– Представьте себе состоятельного буржуа из среднего класса. С природной тягой к помпезной пышности и почти патологическим пиететом к дворянскому сословию. Уже с молодости он был достаточно богат, чтобы позволить себе кое-какие причуды. По роду своей деятельности Пириод часто сталкивался с людьми, которые казались ему чуть ли не небожителями. И все это, заметьте, Братец Лис, в двадцатые годы, когда социальные перегородки выглядели еще нерушимыми. Именно в этот период – забавная, кстати, у него фамилия – его фантазии начинают обретать четкие формы. Он все ближе сходится с людьми, которые ему так нравятся, чувствует себя одним из них, почти не вспоминает о своем происхождении и начинает думать о себе как об истинном аристократе. Но ему нужно это чем-то подтвердить. И вот кто-то спрашивает его: «А вы, случаем, не родственник тех Пириодов, которые породнились с Пайками из Рибблторпа?» И он скромно молчит, позволяя всем думать, что так оно и есть. Потом он начинает узнавать про рибблторпских Пайков и Пириодов и выясняет, что обе линии пресеклись. Тогда он добавляет себе второе имя «Пайк» и постоянно им пользуется, хоть и не через дефис. Вероятно, он даже оформил на это имя официальные бумаги, что можно проверить. И вот блестящий результат. Он практически полностью убедил себя, что является тем, кем ему хотелось, и спокойно блаженствовал в выдуманном им сказочном мире, пока Картелл не провел маленькое расследование и не сболтнул о нем за столом, поскольку мистер Пириод довел своего арендатора до белого каления. Впрочем, все это, – заключил Аллейн, – только сомнительная конструкция, построенная на подозрениях и догадках, и не более того.

– Как глупо, – пробормотал Фокс. – Если это, конечно, правда. Я ему даже сочувствую.

– А он этого заслуживает?

– В моих глазах – да, – нехотя признался инспектор. – Что теперь, мистер Аллейн?

– Мы должны найти эти проклятые перчатки.

– Откуда начнем?

– Давайте поразмыслим. Моппет сказала, что была в них, когда ехала из Лондона в Литтл-Кодлинг. Перчатки могли оставить у мисс Картелл, у мистера Пириода или в Бэйнсхолме. А может быть, и в бардачке «скорпиона». Кроме того, их могли сжечь и закопать. Нам известно только, что доски над канавой сдвинул человек, на котором, вероятно, были кожаные перчатки со шнуровкой, и что Леонард Лейсс, по словам его подруги, крайне расстроен их исчезновением. В общем, будем работать, Братец Лис, будем работать.

– Так откуда начнем?

– Прежде всего с дома мисс Картелл. Моппет утверждает, что оставила оба пальто там и что перчатки лежали в кармане Лейсса. Но я не хочу, чтобы мисс Картелл решила, будто мы преследуем ее подопечную, а то она, чего доброго, начнет помогать Лейссу, Моппет и бог знает кому еще, лишь бы спасти свое сокровище. С головой у этой женщины не все в порядке, да поможет ей Господь. Вот что, Фокс. Займитесь Трудом и обработайте ее, как вы умеете, только очень осторожно. А потом пообщайтесь со слугами мистера Пириода, тем более что там, насколько я понял, у вас все уже на мази.

– Вечером их не будет, они пойдут на приходское собрание. Уверен, там их уже ждут не дождутся.

– Жаль. Ну ладно, пусть идут. Если ничего не выгорит здесь, попытаем счастья в Бэйнсхолме. В чем дело?

Фокс начал громко отдуваться: у него это было верным признаком смущения.

– Я вот тут подумал кое о чем, мистер Аллейн.

– О чем же?

– В этом деле есть еще один момент, который вы, конечно, уже давно учли, потому и говорить о нем не стоит. Но раз уж вы спросили... Я имел в виду другую молодую пару. Мистера Бантлинга и мисс Мэйтленд-Майн.

– Да, знаю. Они миловались на лужайке до тех пор, пока все остальные не вернулись в Бэйнсхолм, и могли повернуть это дело. Да, Братец Лис, могли. Вполне могли.

– Было бы здорово снять с них подозрения.

– Вы говорите «здорово» про самые разные вещи, от смертной казни до холодного барашка с огуречным соусом. Но я согласен – было бы здорово.

– Понятно, что какой-нибудь ушлый адвокат, не найдя ничего получше, может заявить, что у молодого человека был мотив.

– Конечно.

– Впрочем, в том, что касается молодой леди, это звучит довольно смешотворно. Кажется, вы говорили, что они познакомились только вчера утром?

– Говорил. И похоже, влюбились друг в друга с первого взгляда. Но вы абсолютно правы, Фокс. В том, что касается молодой леди, это действительно выглядит смешотворно. А Эндрю Бантлинг одевается вполне консервативно. Трудно представить в его гардеробе пару шоферских перчаток со шнуровкой. Хотя, – Аллейн поднял палец, – почему бы ему не взять перчатки Лейсса? Где? Ну, например, в Бэйнсхолме. Или у мистера Пириода. Ладно, идем дальше. Бантлинг везет свою новую подружку на лужайку, раскрывает ей душу, потом надевает перчатки Лейсса и просит ее немного подождать, пока он передвинет мостик через ров.

– Да-да, и я о том же! – воскликнул Фокс. – Конечно, это очень глупо. – Он удовлетворенно кивнул. – Кстати, где он сейчас? Не то чтобы это было важно, но...

Аллейн посмотрел на часы:

– Думаю, Бантлинг мчится по шоссе в Лондон вместе с мисс Мэйтленд-Майн. О Господи! – вдруг воскликнул он.

– Что такое, мистер Аллейн?

– Сдается мне, они едут в гости к Трой, чтобы та посмотрела картины Бантлинга. Сегодня вечером. Николая спрашивала меня: не буду ли я против? Это было еще до начала следствия. Не сомневаюсь, что она ухватила за эту мысль.

Тут он был абсолютно прав.

IV

– Конечно, это не «скорпион», – заметил Эндрю, переключая скорость, – но бегают довольно резво, изо всех лошадиных сил. У меня такое чувство, Николая, что мы уже сто раз ездили здесь вместе. Скажите, вас когда-нибудь называли «Ники»?

– Бывало.

– Я не люблю сокращений, но почему бы и нет. Все лучше, чем «Коля», – звучит как-то прозаично.

– Меня никогда не называли Коля.

– Тем более.

Николя посмотрела на него, чувствуя, как ее захлестывает волна необъяснимой радости. Интересно, почему его профиль приводил ее в такой восторг? Может быть, из-за линии подбородка, о которой так любят писать в дамских романах? Или благодаря форме его рта, к которому больше всего, пожалуй, подходил эпитет «благородный»? Она сама не понимала, в чем тут дело.

– Что случилось? – спросил Эндрю.

– Ничего. А что?

– Вы на меня смотрите, – заметил он, не сводя глаз с дороги.

– Простите.

– Не за что, милая Николя.

– Не надо торопиться.

– Я и не тороплюсь. Предел этой машины – пятьдесят миль в час. О, прошу прощения. Я понимаю, о чем вы говорите. Хорошо, не буду. Смею лишь заметить, что мои намерения не сводятся к тому, чтобы очертя голову броситься в любовную авантюру. Отнюдь нет.

– Я знаю.

– Можно спросить: что вы думаете о моей родне? Только без цензуры. Это не праздный вопрос.

– Мне нравится ваша мама.

– Мне тоже, хотя должен заметить, что у нее прескверная репутация, о чем вы, конечно, и так хорошо знаете. Большая часть этих рассказней – правда. Она действительно скандальная женщина.

– Но добрая. Я очень ценю доброту.

– Пожалуй. Если только не ввязывается с кем-то в драку. У нее очень щедрое сердце, и с ней можно говорить о чем угодно. Может быть, от иных ее словечек у вас поползут глаза на лоб, но это всегда будет умно и интересно. Я ее обожаю.

– А вы похожи на нее?

– Думаю, да, хотя я не настолько эксцентричен. Мне больше нравится уединение, и почти все свободное время я занимаюсь рисованием, что изолирует меня от общества. Знаю, что по мне этого не скажешь, но я серьезный художник.

– Не сомневаюсь. Вы как, очень современны? Интеллект, брызги красок и острые углы?

– Совсем нет. Сами увидите.

– Кстати, Сид сказал, что Трой будет рада, если мы заглянем в гости. Чтобы показать ваши работы.

– Сид?

– Супер-Интендант-Детектив Аллейн, СИД. Мои детские фантазии.

– Ну, если он не против, то я тоже. Хотя, по правде говоря, я не уверен, что решусь ей что-то показать. А вдруг она найдет мои картины скучными и пресными?

– Тогда она так и скажет.

– Этого я и боюсь. Кажется, у нее есть ученики? Дерзкие новаторы и мастера, у которых гениальность так и капает с бороды?

– Есть. Хотите, чтобы она и вас взяла?

– В ученики? Избави Боже.

– Простите за бестактный вопрос, но, наверно, теперь вы сможете получить галерею Грэнтема?

– Я сам хотел об этом сказать. Да, думаю, что смогу. Вряд ли Пи Пи станет очень уж возражать. Я говорил с ним вчера утром.

Николя вспомнила, как мистер Пириод отозвался о планах Эндрю. Она спросила: действительно ли он так уверен, что все будет в порядке?

– Не то чтобы уверен. Пи Пи много говорил про всякие традиции и тому подобное, но, мне кажется, его можно уговорить. Он не то что Хэл. Тот сразу встал на дыбы, потому что я решил уйти из гвардии, и вообще у него был жуткий характер. Бедняга Хэл... Все равно мне жаль, что мы так скверно расстались. Учитывая, что произошло потом, он был не так уж плох, – задумчиво добавил Эндрю. – Лучше, чем Бимбо, во всяком случае. Кстати, что вы думаете о Бимбо?

– Ну...

– Выкладывайте. Только честно.

– Да что о нем думать. Просто неприятный и скользкий тип.

– Не представляю, как маме могло прийти в голову выйти за него замуж. Хотя нет, представляю. – Пальцы Эндрю крепче сжали рулевое колесо. – Но лучше не будем об этом говорить.

Некоторое время он вел машину молча, предоставив Николая разбираться в своих сумбурных чувствах.

– Эндрю, – пробормотала она наконец, и когда тот ответил: «Да, милая?» – очень мягким и джентльменским тоном, сразу почувствовала себя обезоруженной. – Вот что... Вы когда-нибудь думали... Я знаю, это звучит дико... Но вы...

– Да, конечно, – перебил ее Эндрю. – Я понимаю, о чем вы. Думал ли я, что смерть Хэла для меня выгодна и что ваш Сид наверняка об этом знает? Думал, разумеется. Как ни странно, меня сие мало беспокоит. И вообще, мне не нравится, что я вываливаю все это на вас. Сажу тут, болтаю про свои дела и выгляжу несносным эгоистом. Я, наверно, вам страшно надоел?

– Нет, – честно ответила Николая. – Ничего подобного. Вы говорите о самом себе, и это вполне естественно.

– Бог мой! – простонал Эндрю. – Вы меня заставляете краснеть.

– Вообще-то я стала относиться к вам немного по-другому.

– По-другому? В каком смысле?

– Нет, – покачала головой Николая, – не будем спешить. Мы только вчера познакомились. У нас и так все бурлит и кипит, как в школьном опыте на химии. Лучше оставим этот разговор.

– Как скажете, – ответил он уныло. – Я вообще-то хотел предложить вам вместе пообедать. Или это тоже слишком «бурно»?

– Наверно, да, но я не против. У меня есть причина.

– Какая еще причина?

– Я уже говорила раньше. Вечером я собираюсь в гости к Трой, и мы могли бы пойти вместе и показать ваши работы. Сид сказал, что Трой будет рада.

Эндрю помолчал и вдруг расхохотался.

– Нет, ну надо же! – воскликнул он. – Меня, человека, подозреваемого в убийстве... нет-нет, не спорьте, так оно и есть... меня приглашают в гости к жене главного следователя. Разве это не странно?

– Почему же?

– Но он ведь тоже будет там? Хотя вряд ли. Он проведет весь вечер на Грин-лейн, распластавшись по земле и разглядывая в лупу отпечатки моих ботинок.

– Значит, договорились?

– Договорились.

– Когда мы сможем забрать ваши картины? Я живу недалеко от Аллейнов. Может, перекусим заодно у меня дома?

– Вместе с двумя вашими соседками?

– У меня нет соседок.

– Тогда с удовольствием.

Николя жила в однокомнатной квартире на Бромптон-роуд. Помещение было просторным, светлым и весьма аскетичным. Стены – белые, шторы и стулья – желтые. Возле северного окна стоял письменный стол, на котором красовались желтые тюльпаны. Над камином висела одна-единственная картина.

Эндрю направился напрямик к ней.

– Господи, это же Трой. И это вы!

– Написано в прошлом году, в мой двадцать первый день рождения. Очень мило с ее стороны, правда?

Наступило долго молчание.

– Чудесно, – промолвил Эндрю. – Чудесно.

Николя оставила его разглядывать картину, а сама позвонила Трой и отправилась на кухню.

Они перекусили холодным супом, омлетом, белым вином, сыром и салатом. Обед показался им превосходным. Оба вели себя образцово и сдержанно, несмотря на все токи и флюиды, почти ощутимо потрескивавшие в воздухе. Они только говорили, говорили без конца и были счастливы.

– Боже мой, уже почти девять! – спохватилась Николая. – Мы опоздаем к Трой. Кстати, она сказала, что будет рада вас видеть.

– Неужели?

– Почему вы оставили картины в машине?

– Не знаю. То есть знаю, но это не важно. Может, лучше останемся здесь?

– Идем, – твердо сказала Николя.

Когда они вышли и закрыли дверь, Эндрю взял ее за руки, поблагодарил и быстро поцеловал в щеку.

– Ну, пошли.

Они взяли холсты из машины и отправились пешком к дому Аллейнов, стоявшему в тупиковой улице недалеко от Монпелье-сквер. Для Николя эта вечерняя прогулка была так привычна, что все ее тревоги улетучились, и когда они позвонили в дверь и им открыла сама Трой, она уже не чувствовала ничего, кроме радости.

Трой была в черных брюках и свободной блузе: это значило, что она работает. Ее темные волосы короткими завитками падали на лоб. Эндрю застыл со своими холстами в напряженной позе, словно в руках у него были какие-то постыдные улики, с которыми его застигли на месте преступления.

– Я сейчас рисую в студии, – сообщила Трой. – Может быть, пройдем туда? Там лучше свет.

Эндрю неуверенно кивнул и последовал за ней.

Посреди комнаты на мольберте стоял большой рисунок углем, изображавший женщину с кошкой. На столе, за которым работала Трой, лежало вразброс еще несколько эскизов, ярко освещенных лампой.

– Миссис Аллейн, с вашей стороны было чрезвычайно любезно разрешить мне этот визит, – с трудом проговорил Эндрю.

– Почему же нет? – весело спросила Трой. – Вы ведь хотели показать свои работы?

– О Господи, да, – пробормотал Эндрю. – Николя на этом настояла.

Трой взглянула на него дружелюбно и заговорила о своем рисунке, рассказав о том, как убила уйму времени, меняя прическу у модели и облачая ее в разную одежду; она добавила, что это всего лишь предварительный набросок для большого портрета. Эндрю наконец чуть-чуть расслабился.

– Пожалуй, мы должны кое-что объяснить... – начала Николя.

– Не так много, как вам кажется. Рори час назад звонил из Литтл-Кодлинга.

– Он рассказал вам про отца Эндрю?

– Да. Думаю, все это показалось вам ужасным, – повернулась она к Эндрю, – и в то же время нереальным, не так ли?

– Примерно так. Правда, мы... я с ним не так уж часто виделся. Я хочу сказать, что...

– Эндрю, – вставила Николя, – уверен, что Сид считает его одним из подозреваемых.

– Не хочу лезть не в свое дело, но мне это кажется маловероятным. Давайте посмотрим, что вы принесли.

Трой сняла с мольберта свой рисунок и поставила его к стене. Картины Эндрю с грохотом посыпались у него из рук.

– Ох, простите, – пробормотал он, покраснев.

– Да ладно, успокойтесь, – подбодрила его Трой. – Я ведь не дантист. Ставьте на мольберт.

Первое полотно оказалось натюрмортом: подоконник, тюльпаны в красной вазе и крыши за окном.

– Так, так, – протянула Трой и села перед мольбертом.

В этот момент Николя пожалела, что недостаточно хорошо разбирается в живописи. Но она видела, что полотно написано свободно и уверенной рукой, с хорошим чувством цвета и стиля. Если бы эта картина попала ей где-то в другом месте, Николя, наверно, пришла бы от нее в восторг. В ней не было ни капли дилетанства.

– Ну что ж, понятно, – произнесла Трой, и по ее тону было ясно, что она имела в виду: «Понятно, что вы художник и правильно сделали, что сюда пришли».

Она заговорила с Эндрю, расспрашивая о его палитре и условиях, в которых он работал. Потом посмотрела его следующую работу. Это был портрет: пламенеющая шевелюра Дезире и ее безумные глаза на цветочном фоне. Она сидела в ярком свете, и цветовая гамма казалась немного ядовитой.

– Моя мама, – пояснил Эндрю.

– Решили поиграть с цветом, верно? Обратили внимание, как трудно изображать глаза в три четверти? Вот тут получилось не очень хорошо, согласны? А этот розовый мазок слишком выбивается из гаммы. Давайте дальше.

Следующий, и последний, холст изображал мужской торс на фоне белой стены. В каждом штрихе

сквозило внимание к анатомическим деталям.

– Боже мой, вы почти сняли с него кожу! – воскликнула Трой. Она несколько минут разглядывала полотно, потом спросила: – И что вы собираетесь делать с этим дальше? Хотите работать у меня раз в неделю?

После этого Эндрю наконец обрел дар речи и выразил такую бурную радость, что Николая, и без того уже почти счастливая, испытала прилив блаженства.

И только гораздо позже, когда Трой принесла пиво и они заговорили о галерее Грэнтема, она вспомнила о мистере Пириоде.

– С вами, наверно, свяжется мой новый босс, – предупредила Николая. – Он пишет книгу об этикете, и издателям нужен его портрет. Сам он немного стесняется к вам обращаться, потому что вы отказали одному из его друзей-аристократов. Вы ведь его знаете – мистера Пайка Пириода?

– Еще бы. Он не пропускает ни одного вернисажа, где собирается светское общество. Будь я проклята, если напишу его портрет.

– Я боялась, что вы так и скажете.

– Знаете, этот человек – просто-напросто мошенник. Как-то он обратился к одному моему ученику с просьбой сделать живописную копию с гравюры, которую где-то раскопал: с гвардейцем короля Георга на фоне грозового неба. Он сказал, что это его предок. Может, так оно и есть, но после всяких околичностей он совершенно ясно дал понять, что хочет выдать эту картину за полотно восемнадцатого века! Мой ученик сидел тогда без гроша и, боюсь, все-таки выполнил его заказ.

– Ну да, – со вздохом подтвердила Николая. – Я видела ее в библиотеке. Наверно, вы правы, хотя мне все равно кажется, что он душка. Вы согласны, Эндрю?

– Возможно. Но по-моему, он старый осел. С другой стороны... не знаю. Вряд ли Пи Пи просто глуп. По-моему, тут есть элемент какого-то пошлого лицемерия.

– Скорее, ребячества, – возразила Николая, но Эндрю взглянул на нее с таким обожанием, что у нее закружилась голова.

– Пусть так, – кивнул он. – Лучше давайте забудем про Пи Пи.

– Не могу. Он весь день был такой несчастный. Попытался писать главу про «светские нюансы», как он их называет, а сам то и дело застывал в унынии. Ему и вправду было плохо. Слово все его угнетало.

– Что, например? – спросила Трой. – Хотите еще пива?

– Нет, спасибо. Не знаю, но он с утра что-то мрачно напевал себе под нос. А потом вдруг становился белым как побелка. Или начинал бормотать: «Нет, нет, я не должен, это невозможно», – и вид у него был совершенно убитый.

– Очень странно, – заметил Эндрю. – А что он пел?

– Не помню... нет, помню! Конечно, помню, потому что то же самое он пел вчера вечером, после обеда: мурлыкал одну песенку, а потом сам на себя злился. Но сегодня все иначе. Он как будто сам не свой.

– Что за песенка?

– Модный мотивчик, который этот кошмарный Леонард насвистывал за столом. И потом еще напевал, когда разглядывал портсигар у окна: «Если хочешь ты того же, что и я, – я не прочь. Люди часто думают не то, что говорят. Я не прочь».

– Явно не репертуар Пи Пи.

– Да, и звучало это очень странно.

– Вы говорили об этом Рори? – спросила Трой.

– Нет. Мы с ним с тех пор не виделись. Да и зачем?

– И то верно.

– Послушайте, – поспешила добавить Николая, – что бы мы ни думали о мистере Пириоде, он абсолютно не способен ни на какой обман... – Она остановилась, почувствовав, как ее снова охватывает паника. – То есть я хочу сказать: на серьезный обман.

– Ни в коем случае, – поддержал ее Эндрю. – Я имел в виду: не способен.

Николя встала:

– Уже четверть двенадцатого. Нам пора, Эндрю. Простите, Трой.

Зазвонил телефон, и Трой взяла трубку. Голос на другом конце линии отчетливо произнес:

«– Привет, дорогая?»

– Привет, – сказала Трой. – Все еще занят?

«– Более чем. Николая у тебя?»

– Да. Она и Эндрю Бантлинг.

«– Можно с ней поговорить?»

– Сейчас.

Она протянула трубку, и Николая взяла ее, чувствуя, как у нее колотится сердце.

– Привет, Сид, – сказала она.

«– Привет, Николая. Тут возникла одна ситуация, в которой, я надеюсь, вы поможете нам разобраться. Вы ни с кем не говорили после того, как мы расстались?»

– Говорила. С Эндрю.

«– А с кем-нибудь еще? Только не делайте поспешных выводов, но... Мистер Пириод, случайно, не спрашивал вас: рассказывали ли вы мне о том, что говорилось за обедом?»

Николя сглотнула слюну.

– Спрашивал. Но он просто переживал, что вы узнаете, как мистер Картелл высмеивал его страсть к генеалогии и прочему. Особенно его волновало: не говорила ли я вам про ту историю с записями в приходской книге?

«– И вы ответили, что говорили?»

– Пришлось, ведь он прямо меня об этом спросил. Я старалась особенно не распространяться.

«– Ясно. А теперь один важный вопрос, Николая. Вы, случайно, не знаете, как мистер Пириод может быть связан с одной популярной песенкой?»

– С песенкой? Но... я не...

«– Что-то вроде “Я не прочь”».

Пикси

I

В пять минут двенадцатого Аллейна позвали к телефону. Он и Фокс сидели в пабе Кодлинга и ломали голову над пропавшими перчатками, когда к ним подошел владелец заведения, судя по всему, сгоравший от любопытства.

– Вам звонят, сэр, – сообщил он Аллейну. – По местной линии. Я не разобрал фамилию. Если что, в соседнем зале никого нет.

Суперинтендант прошел в соседний зал. Взял трубку:

– Аллейн слушает.

Мистер Пайк Пириод возбужденно заговорил на другом конце провода:

«– Аллейн? Слава Богу! Простите, что беспокою в такой час. Есть одна вещь, которую я должен вам...»

Аллейн услышал тупой удар, потом более мягкий и тяжелый звук и, наконец, молчание. Он подождал секунду. В отдалении что-то слабо щелкнуло, и снова наступила тишина. Аллейн перезвонил, но услышал сигнал «занято».

Он положил трубку, обернулся и увидел Фокса.

– Пойдемте! По дороге расскажу. – Как только они вышли из паба, Аллейн бросился бежать, и Фокс, громко отдуваясь, последовал за ним. – Это был Пириод, – на ходу объяснил Аллейн. – С ним что-то не так. Он оборвал разговор на середине. Я слышал подозрительные звуки.

Переулок с пабом выходил на лужайку, у которой стоял дом мистера Пириода. На улице не было ни души, и их башмаки громко застучали по брусчатке. Где-то на другом конце поля тявкали пекинес Конни Картелл. Довольно далеко, очевидно, из приходской школы, чуть слышно доносилось хоровое пение.

В доме мистера Пириода горело только окно: в библиотеке. Стараясь как можно тише ступать по сухому гравию, они торопливо приблизились к балкону, окруженному с двух сторон кустами лавра. Стеклянная дверь оказалась слегка приоткрыта.

Первое, что увидел Аллейн, был рабочий стол Николя с зачехленной пишущей машинкой и пачками бумаг. Справа от него вдоль бокового окна вытянулся стол мистера Пириода. Стоявшая на нем лампа с абажуром бросала в комнату желтый сноп света, придававший ей сходство с ярко освещенной сценой. По темному столу тянулся витой шнур, на нем в воздухе болталась трубка телефона, а рядом безвольно висела рука мистера Пириода. Он сидел в кресле неподвижно, нагнувшись вперед и зарывшись лицом в бумаги. Его волосы были растрепаны, как у ребенка, а по виску и по щеке к ноздрям бежала тонкая струйка крови.

– Вызовите доктора! – не оборачиваясь, приказал Аллейн. – Как его там... Электона.

Фокс пробурчал:

– Я позвоню с другого телефона.

Он осторожно положил трубку на рычаг и вышел в коридор.

Мистер Пириод был жив. Наклонившись, Аллейн услышал его дыхание: легкий всхрапывающий звук. Пульс почти не прощупывался.

Вернулся Фокс:

– Доктор выехал. Обыскать сад?

– Да. Пириода лучше не трогать. А я посмотрю внутри.

В доме было тихо и безлюдно. Аллейн переходил из зала в зал, открывая и закрывая двери и чувствуя запах давно обжитых помещений. Он напряженно вглядывался и вслушивался, но не замечал ничего особенного. У миссис Митчел крепко пахло горячими бигуди, у Альфреда – сапожной ваксой. Комната мистера Пириода благоухала мастикой и лосьоном для волос, а в спальне мистера Картелла стоял аромат свежих полотенец и мыла. Везде все было в полном порядке.

Аллейн вернулся в библиотеку почти одновременно с Фоксом.

– Ничего, – доложил инспектор. – И никого.

– А вот и оружие, – заметил Аллейн.

Это было бронзовое пресс-папье в форме рыбы, которое Дезире подарила мистеру Пириоду. Оно лежало на ковре рядом с его обвисшей рукой.

– Я вызову наших ребят, – предложил Фокс. – Они в пабе. А вот и доктор.

Электон вошел в комнату с видом человека, терпением которого злоупотребляют.

– Ну, что тут еще стряслось? – спросил он и направился прямо к пациенту.

Аллейн подождал, пока доктор закончит осмотр.

– Короче, так, – сказал Электон. – У него сильное сотрясение мозга. Не думаю, что есть серьезные черепные травмы. Полдюйма вправо или влево, и все могло кончиться иначе. Лучше его куда-нибудь перенести. Где этот малый, как его там... Альфред, кажется?

– На приходском собрании, – ответил Аллейн. – Мы можем принести матрац. Как насчет дивана в гостиной?

– Сойдет. Это лучше, чем тащить его на руках через весь дом.

Аллейн и Фокс перенесли мистера Пириода в гостиную и положили на диван. Доктор Электон придерживал пострадавшего за голову.

– Он сможет говорить? – спросил Аллейн.

– Может быть. А может быть, и нет. Я знаю не больше вашего. Хорошо бы доставить его в больницу. Я могу найти сиделку. Что с ним случилось?

– Кто-то оглоушил его бронзовым пресс-папье. Вам надо на него взглянуть. Только старайтесь ничего не трогать без крайней необходимости. Фокс вам все покажет. Я останусь здесь. Если что-то изменится, я вас позову.

– Попытка убийства? – спросил доктор Электон.

– Похоже на то.

– Так-так, – покачал головой доктор и вместе с Фоксом вышел из комнаты.

Аллейн пододвинул стул и стал смотреть на мистера Пириода.

Глаза у того были чуть приоткрыты, дыхание, по-прежнему хриплое и трудное, стало немного ровнее. Аллейн услышал, как доктор Электон говорит по телефону.

В дверь позвонили. Приехали ребята, подумал суперинтендант. Фокс разберется.

Мистер Пириод открыл глаза и тускло уставился куда-то в пустоту.

– Все хорошо, – наклонившись к нему, сказал Аллейн.

В комнату вернулся доктор Электон:

– Да, это пресс-папье, на нем следы крови. – Он подошел к дивану и взял мистера Пириода за руку. – Не волнуйтесь, с вами все в порядке.

Губы вяло шевельнулись. Послышался какой-то неопределенный звук, потом свистящий шепот:

– *Это все песня.*

– Песня? Какая песня? – спросил суперинтендант.

– У него сильное сотрясение, Аллейн.

– Какая песня?

– *Надо сказать Аллейну. Он свистел. Плохие манеры. За обедом.*

– Какая песня?

– *Не мог... выбросить из головы*, – жалобно прохрипел мистер Пириод. – *Так глупо. Я не прочь. Глупость. Я узнал. Сразу.* – Шепот угас, и какое-то время губы шевелились беззвучно. Потом обычный голос мистера Пириода, очень четкий и ясный, спокойно произнес: – Могу я поговорить с суперинтендантом Аллейном?

– Да. Аллейн слушает.

– Я должен вам сказать. Этот свист. Я его узнал. Прошлой ночью. На лужайке. Мне не следовало... но чувство долга...

Наступило долгое молчание. Аллейн и доктор Электон обменялись взглядами.

– *Я не прочь*, – прохрипел голос. – *Как вульгарно.*

Глаза закрылись.

– На то, чтобы он пришел в себя, может уйти несколько часов, Аллейн.

– Он что-нибудь тогда вспомнит?

– Может быть, все, вплоть до момента удара. Если нет серьезных повреждений мозга. – Доктор Электон склонился над пациентом. – Кровь течет. Надо наложить пару швов. Где мой саквояж? – Доктор вышел.

Фокс разговаривал с коллегами в коридоре.

– Надо опечатать библиотеку, и поставим кордон вокруг дома.

– Как насчет обыска? – спросил кто-то. Аллейн догадался, что это Уильямс.

– Лучше спросить шефа.

Фокс и Уильямс вошли в комнату вместе с доктором Электонем, который принес свой саквояж.

– Подержите ему голову, ладно? – попросил он Аллейна.

Тот взял двумя ладонями голову мистера Пириода и обратился к Фоксу и Уильямсу:

– Похоже, пресс-папье бросил человек, стоявший между столом и балконом, когда Пириод звонил. Я слышал, как телефонная трубка упала на пол, а потом раздался щелчок, будто распахнули балконную дверь. В аллее вы ничего не найдете. Земля сухая, как камень, да и в любом случае через этот балкон ходили все, кому не лень. У нападавшего было достаточно времени, чтобы замести следы и скрыться, но надо все-таки выставить охрану: он мог спрятаться где-нибудь в саду. Райкс и Томпсон с этим справятся. А вы, Фокс, отправляйтесь к мисс Картелл. Кто-то должен остаться здесь на тот случай, если он заговорит. Боб, вы не против?

– Нет, конечно, – ответил суперинтендант Уильямс.

– А я позвоню в Лондон.

– В Лондон? – переспросил Уильямс.

– Может быть, кое-что узнаю. Фокс, встретимся у мисс Картелл. О'кей?

– О'кей, мистер Аллейн.

– А Бейли пусть займется пресс-папье. Думаю, оно лежало на столе возле балкона. Там несколько пачек бумаг, и все, кроме одной, хорошо спрессованы. Кстати, в пепельнице лежат два окурка с губной помадой. Мисс Ралстон и Лейсс курят «Мэйнсейлс», леди Бантлинг – «Кафардс», а мистер Пириод – турецкие. Пусть Бейли проверит. Перчатки! – спохватился Аллейн. – Нам надо найти эти чертовы перчатки. Может, тут они и ни при чем, но все шансы на то, что убийца был в перчатках. Ладно, давайте займемся делом.

В этот момент – было без четверти двенадцать – он позвонил Николая Мэйтленд-Майн.

Потом Аллейн вернулся в гостиную к Электону:

– Он сказал что-нибудь еще?

– Нет.

– Вот что, Электон: вы не могли бы побыть здесь немного вместе с Уильямсом? У нас мало людей, но нам важно каждое слово пострадавшего, а если он заговорит, Уильямсу понадобится свидетель. Кто-нибудь сменит вас, как только появится возможность.

– Ладно.

– Я вам очень признателен. Боб, запишите все, что он скажет.

Аллейн уже хотел уйти, как вдруг с дивана донесся слабый, еле слышный звук. Он продолжался секунды две, потом затих. Неизвестно, где в этот момент пребывала душа мистера Пириода, но он пытался петь.

II

Когда Аллейн выходил из дома, его остановил детектив-сержант Бейли.

– Есть одна мелочь.

– Какая мелочь?

– На гравии под балконом мы ничего не нашли, зато кое-что заметили на ковре.

– Что?

– Сигаретный пепел. Вдавленный в ворс двумя женскими каблуками, между прочим.

– Хорошая работа. Продолжайте.

Аллейн вышел на улицу и двинулся по аллее.

Ночь была темной, пасмурной, довольно душной. Подходя к садовым воротам, Аллейн уловил едва заметное движение в черноте разросшейся у дорожки зелени. Райкс или Томпсон, спрятавшиеся в засаде, или... Он прислушался и снова различил шорох и тяжелое дыхание. В эту минуту по аллее заплескал свет электрического фонарика, и с противоположной стороны появился сержант Райкс: очевидно, он пересек лужайку и пробрался сквозь окружающие дом кусты. Сержант

посветил в лицо Аллейну.

– Ох, простите, сэр. Тут нет ничего интересного, сэр. Только собачьи следы. Двух собак.

Аллейн молча кивнул ему на темные деревья.

– А? – не понял Райкс. – Что там? – Потом громко вскрикнул: – Вот черт!

Играть в прятки уж не имело смысла. Аллейн шепнул:

– Смотри в оба, дурень, – включил свой фонарь и направил на деревья.

– Вперед, живо! – скомандовал он, и Райкс последовал за ним.

Аллейн быстро прошел мимо низких кустиков и посветил в самую глубь чащи. Луч выхватил из темноты миссис Митчел и Альфреда Белта, который крепко сжимал ее в объятиях.

– О, прошу прощения, сэр, – произнес Альфред.

Миссис Митчел вскрикнула:

– Ах, какое совпадение! Боже мой, что о нас могут подумать, – и захихикала.

– Что мы о вас подумаем, – заметил Аллейн, – будет во многом зависеть от того, что вы нам расскажете. Пойдемте.

Альфред посмотрел на свои руки, словно это был какой-то чужой предмет, выпустил миссис Митчел и направился к аллее.

– Полагаю, сэр, – произнес он напряженным голосом, – ситуация и так вполне понятна.

– Мы не стали возвращаться через боковые ворота, – затараторила миссис Митчел, – потому что я боюсь тут ходить после того, что случилось.

– Смею заметить, сэр, вполне понятная реакция для женщины.

– Мы возвращались с приходского собрания, – сообщила миссис Митчел.

– Миссис Митчел наградили почетным подарком за работу в Женском комитете, и, как мне кажется, вполне заслуженно. Я принес ей свои искренние поздравления.

– Отлично, – сказал Аллейн. – Примите и мои.

– Большое спасибо, сэр. Это чайная ложка, – пояснила миссис Митчел и показала свой трофей.

– Именная, – добавил Альфред.

– Замечательно. Вы провели весь вечер вместе?

– Не так чтобы вместе, сэр. По случаю награждения миссис Митчел находилась на трибуне, а я всего лишь составил ей эскорт.

– Все сходится, как фрагменты головоломки, – пробормотал Аллейн себе под нос. – Что вы собираетесь делать дальше?

– Дальше, сэр?

– Дальше.

– Как вам сказать, сэр. Я надеюсь уговорить миссис Митчел пропустить со мной стаканчик перед сном. После чего мы разойдемся по своим комнатам. – Альфред сделал акцент на последних словах.

– Если собака позволит, – неожиданно брякнула миссис Митчел.

– Собака?

– Пикси, сэр. Она все еще на свободе. Могут быть проблемы.

– Скажите, Альфред, когда вы расстались с мистером Пириодом?

– Расстался с ним, сэр?

– Я хочу сказать: сегодня вечером.

– После того, как подал ему кофе, сэр. Примерно в половине девятого.

– Вы не знаете: он ждал от кого-нибудь телефонного звонка?

– Я об этом ничего не слышал. Он мне не говорил. С мистером Пириодом все в порядке, сэр?

– Нет, не все в порядке. Его пытались убить, у него сильное сотрясение мозга.

– О Боже! – вскрикнула миссис Митчел и прижала ко рту ладонь.

– Моего джентльмена? Где он? Постойте! – воскликнул Альфред. – Я должен пойти к нему.

– Разумеется. С ним сейчас доктор Электон и суперинтендант Уильямс. Расскажите им обо всем, хорошо?

– Конечно, сэр.

– И еще одно. Когда вы чистили пепельницы в библиотеке?

– После обеда, сэр. Как всегда.

– Превосходно. Спасибо.

– Спасибо вам, сэр.

Аллейн проводил их взглядом, а сам пересек лужайку и направился к дому мисс Картелл. Какая-то пара, тесно обнявшись, возвращалась домой, скорее всего с приходского собрания. Больше ему никто не встретился.

В гостиной мисс Картелл он нашел Фокса, перед которым собрались все обитатели дома. В таких случаях инспектор всегда напоминал ему надежную овчарку.

Конни накинула бледно-лиловый пеньюар, из-под которого торчали край ночной рубашки и уродливые шлепанцы. Лейсс был в брюках и рубашке, а Моппет – в том же неглиже, которое он видел сегодня утром. На ее лице остались следы макияжа, бледная помада была смазана, волосы растрепаны. Она выглядела мрачной и испуганной. Труды, с папильотками в волосах, но полностью одетая, стояла, окаменев от изумления.

Конни вздохнула:

– Боже мой, это просто ужасно. Как он?

– Пока без сознания.

– Я имела в виду: насколько все плохо?

Аллейн ответил, что не знает.

– Но что, черт возьми, произошло?! – Конни раздраженно покосилась на Фокса. – Вытаскивают людей из постели, задают какие-то вопросы...

– Ох, тетя, бросьте, – угрюмо перебила ее Моппет. – И так все ясно.

– А мне неясно.

– Неужели? – насмешливо вставил Леонард.

Фокс терпеливо доложил:

– Дело идет довольно туго, мистер Аллейн. Я попытался объяснить, что, согласно обычной процедуре, мы должны установить, где сегодня вечером находились все эти достойные люди.

– Безусловно.

– Так вот. Мисс Картелл, судя по всему, весь вечер была дома, не считая того времени, когда она выгуливала свою собаку...

– Вот именно! – немедленно вскипела Конни. – Если бы не эта чертова сучка, а бы уже давно была в кровати. И где мой Ли? Вот что я хочу знать. Он стоит огромных денег, и если с ним что-нибудь случится из-за этой взбесившейся твари, вы мне за него ответите. – Она в ярости скрестила руки на груди.

– Маленькая собачка сбежала из дома, – пояснил суперинтенданту Фокс.

Моппет хрипло засмеялась.

– А как это случилось? – спросил Аллейн.

– Я вам скажу как! – пустилась в объяснения Конни. – Только я собралась ложиться, как Пи попросился выйти. Я его уже выводила, но он настаивал, и мы пошли. Не успели мы выйти в сад, как я увидела эту тварь, и он тоже. Вдруг она куда-то помчалась, а Пи вырвался у меня из рук и бросился за ней. Я не могла его удержать из-за больного пальца. А то никогда бы ему не вырваться, – заключила она с гордостью.

– Когда я приехал, – добавил Фокс, – мисс Картелл была в саду и звала свою собачку.

– Вы должны организовать поиски, – потребовала Конни, – вот что. Организовать поиски. Мне очень жаль Пи Пи, но я не могу ему помочь.

– Когда это случилось?

– Что?

– История с пекинесом.

– Откуда мне знать, черт возьми?! – вспыхнула Конни. – Мне казалось, я проторчала на улице несколько часов. Носилась по всему поселку. Посмотрите на мои ноги! Хорошо, что меня никто не видел. Да мне плевать. Не представляю, куда он мог деться.

– Когда вы легли спать?

– Я не ложилась спать.

– Хорошо, когда вы были готовы лечь спать?

– Не знаю. Нет, знаю. Часов в девять.

– Рановато.

– Я хотела посмотреть телевизор, устроившись в кровати.

– И посмотрели?

– Начала было, но потом пошла какая-то ерунда про банды подростков, и я заснула. Ли меня разбудил. Он попросился выйти.

– Ну что ж, – вздохнул Аллейн, – прогресс налицо.

– Если вы со мной закончили...

– Я попрошу вас остаться еще на пару минут.

– Вот черт! – простонала Конни, заламывая руки.

Аллейн повернулся к Моппет и Леонарду:

– А вы, я полагаю, не участвовали в поисках?

Лейсс лениво потянулся в кресле:

– Боюсь, что нет. Я ничего не слышал.

– Но я вас звала! – возмутилась Конни.

– Мне очень жаль, – пробормотала Моппет. – Я была в ванной.

– А краску с лица не смыли, – заметил Аллейн.

– Я не смываю краску, когда принимаю ванну.

– Но вы ее принимали?

– Да.

– Когда? Как долго?

– Не помню когда. Я не люблю торопиться.

– Фокс! – позвал Аллейн. – Будьте добры, сходите в ванную.

Инспектор направился к двери.

– Ну хорошо, – раздраженно буркнула Моппет, – я не принимала ванну. Я собиралась, но потом услышала весь этот шум и то, как тетя зовет Ли. Я пошла в комнату Ленни и сказала, что мы должны что-то сделать. Мы говорили об этом, а потом пришел ваш друг мистер Фокс и позвал нас всех сюда.

– А раньше? До того как вы хотели принять ванну?

– Мы просто разговаривали.

– Где?

– В моей комнате.

Конни посмотрела на нее с отчаянием.

– Господи, что ты говоришь, – пробормотала она безнадежным тоном. – Что подумает мистер Аллейн? – Конни с тревогой покосилась на детектива. – Я могу за них поручиться, – заявила она решительно. – Они оба были дома. Весь вечер. Я клянусь.

– Вы спали перед телевизором, мисс Картелл.

– Нет, я только прикорнула на минутку. Я бы знала, если бы кто-то вышел. Я всегда знаю. Они вечно хлопают дверью. И потом я слышала, как они говорят и смеются наверху.

– А вы можете нам чем-то помочь, Трудит? – спросил Аллейн.

– Я ничего не знаю. Я была в приходской столовой, там плясали, я тоже. Шуплаттер¹⁰.

– Это их заводит, – засмеялся Леонард.

– Я вернулась в половине двенадцатого и сделала свои волосы.

– Вы помогали в поисках?

– Что?

– Вы помогали искать маленькую собаку?

– А! Да. Я слышала, как кричала мисс Картелл: «Сюда, Ли! Сюда!» И я пошла.

– Вот-вот, – с мрачным удовлетворением подтвердила мисс Картелл.

Леонард пробормотал:

– Боюсь, ты зря тратишь время, приятель.

Аллейн повернулся к Конни:

– Сегодня были какие-то телефонные звонки? Не связанные с обычными домашними делами?

Женщина посмотрела на него невидящим взглядом.

– Не знаю. Нет. Не думаю. Вряд ли. Я не звонила.

– Может быть, звонил кто-то другой? Или звонили ему? Мистер Лейсс?

– Да, я звонил в Лондон, – отозвался Леонард. – У меня срочная деловая встреча. Спасибо, что

¹⁰ Популярный в Германии и Австрии народный танец.

меня задерживаете.

- Звонок оказался чертовски долгим, – буркнула Конни, очевидно, подумав о счетах.
- С кем вы говорили?
- С парнем из моего клуба, – высокомерно ответил Леонард.
- Из «Асиенды»?

Лейсс бросил на суперинтенданта злобный взгляд, откинулся в кресле и уставился на потолок.

– Это был единственный звонок? – продолжал расспросы Аллейн.

– Насколько мне известно, – кивнула Конни.

– Какие-то сообщения?

– Сообщения?

– Да. Записки? Устные послания?

– Нет, насколько я знаю, – устало ответила Конни.

– Послания? – переспросила Трудит. – Да? Послания?

– Я спрашиваю, не приносил ли кто-то письма, записки или других сообщений?

– Никто не приносил! – вмешалась Моппет.

– Но да, мисс. Приносил. Вам. Мистер Белт.

– Какого дьявола! – возмутился Леонард. – Не должна же горничная помнить каждую чертову записку. Это не имеет никакого отношения...

– Тихо! – перебил его Аллейн, подняв палец. Леонард замолчал. – Значит, Белт принес вам письмо от мистера Пириода? Когда, мисс Ралстон?

– Не знаю.

– После чая, – вставила Трудит.

– Что было в письме?

– Я не обратила на него внимания. Не помню, – покачала головой Моппет.

– Ты не обязана говорить, – напомнил Леонард. – Молчи.

Он начал насвистывать сквозь зубы. Моппет толкнула его локтем, и Лейсс сразу умолк.

– Что это за песня? – спросил Аллейн. – «Я не прочь»?

– Понятия не имею, – ответил Леонард. Моппет побледнела.

– Вы исправили течь в радиаторе?

Моппет издала какой-то неопределенный звук.

– Мисс Ралстон, – продолжал Аллейн, – вы насвистывали вчера вечером у садовых ворот мистера Пириода?

Все в комнате замерли, словно в киноаппарате остановили пленку.

Моппет пробормотала:

– Что за чушь. Вы имели в виду: на лужайке?

– Я уже сказал: ты не обязана ничего говорить. Просто помалкивай, малышка, – бросил ей Леонард.

– Моппет! – крикнула Конни. – Не говори! Ничего не говори, милая.

Моппет прижалась к ней, свернувшись в комок, как испуганный котенок.

– Тетя Кон! – всхлипнула она. – Я не виновата. Пожалуйста! Тетя Кон! Я ничего не сделала. Пусть он отстанет. Тетя Кон!

Конни обняла ее неловким жестом, в котором было что-то бесконечно трогательное. Она подняла голову и с отчаянием посмотрела на Аллейна.

– Моя девочка ничего не скажет, – тихо произнесла мисс Картелл. – Не пугайте ее.

В дверь громко позвонили.

– Открыть? – невозмутимо спросила Трудит.

– Да, пожалуйста, – кивнул Аллейн.

Леонард встал и отошел в угол комнаты. Конни своими грубыми руками тихо поглаживала Моппет, словно большую собаку. В коридоре послышались громкие голоса и возгласы Трудит.

– Господи! – простонала Конни. – Кто там еще?

– Не пускай их, – захныкала Моппет. – Кто это? Не пускай их.

Конни немного отодвинулась. Моппет бросила на Аллейна злой и испуганный взгляд и, подойдя к Леонарду, громко прочистила свой нос.

В коридоре раздался приглушенный лай, и женский голос произнес: «Заткнись, дуреха!» – потом

добавил, обращаясь, очевидно, к Трудю: «Мы только на минуточку».

В комнату вошли Дезире Бантлинг и ее муж. Дезире, одетая в ярко-зеленое пальто с норкой, несла на руках взъерошенного пекинеса.

– Привет, Конни! Смотри, что мы нашли.

Мисс Картелл бросилась к собаке и схватила ее с такой же страстью, с какой раньше прикрывала Моппет.

– Привет, Рори, – помахала рукой Дезире. – Ты все еще здесь? Добрый вечер, – кивнула она Фоксу, Моппет и Леонарду.

Бимбо сообщил:

– Мы нашли его, когда он развлекался с той боксершей.

– Она снова укусила беднягу Бимбо, – добавила леди Бантлинг. – И в ту же руку. Похоже, это стало у нее традицией. Милый, покажи им.

Бимбо, державший левую руку в кармане, пробурчал:

– Лучше оставим эту тему, дорогая.

– Он так переживает из-за этой руки, – пожалла плечами Дезире. – Не понимаю почему.

– Плохо-ой малыш, – проворковала Конни. Пес радостно лизнул ее лицо.

– Мы подумали, что ты тут вся извелась, вот и притащили его сюда. Боюсь, она его соблазнила, Конни, – заметила леди Бантлинг.

– Это природа, – вставила Трудю. Она стояла в дверях.

– Ну да, – усмехнулась Дезире. – Вот что я называю: «изложить дело в двух словах». – Она обвела взглядом комнату. – Мы и не знали, что у вас тут вечеринка. Простите, что потревожили. Пойдем, милый.

– Задержитесь на минутку, – остановил их Аллейн.

Леди Бантлинг оглянулась с беспечным видом.

– Ну, что еще? – бросила она и села на стул.

– Где вы нашли собаку?

Оба супруга ответили, что заметили ее на лужайке, вместе с Пикси. У них ушло много времени, чтобы поймать Ли. Со стороны это, наверное, смотрелось очень глупо, добавила Дезире, если бы нашлось, кому смотреть. Она сунула сигарету в мундштук. Ее красивые перчатки были испачканы грязью.

– Куда вы ехали?

– Возвращались домой после ужина в Борнли-Грин. Скучный генерал и его жена. Вечер не удался.

– Поздновато для ужина.

– Был еще бридж, дорогой мой.

– Понятно. Скажите, – продолжал Аллейн, – вы общались с Пайком Пириодом после того, как я уехал из Бэйнсхолма?

– Нет, – быстро ответил Бимбо. – А что?

Аллейн повернулся к Дезире. Та молча подняла брови.

– А вы? – спросил он.

– Я заглянула к нему по дороге в Борнли-Грин. Хотела кое-что сказать. Бимбо ждал в машине.

– Это касалось того письма, о котором мы говорили перед моим отъездом из Бэйнсхолма?

– Ну да. – Она слегка улыбнулась. – Прости, я передумала. Я ему все сказала.

– Не понимаю, что тут происходит, – пробормотала Конни.

Она с тревогой посмотрела на Моппет, которая уже взяла себя в руки и стояла вместе с Леонардом в углу комнаты, прислушиваясь к разговору.

– Тут вы не одиноки, тетя, – подала реплику девушка.

Бимбо громко произнес:

– Не знаю, как других, а меня все это начинает здорово раздражать. Нам задают деликатные вопросы, абсолютно ничего не объясняя. Если честно, я сыт этим по горло.

– Верно, верно, – поддакнул Леонард; Бимбо покосился на него с глубоким отвращением.

– Боюсь, дорогой, тебе придется с этим примириться, – возразила Дезире. – Думаю, наши чувства сейчас не имеют ни малейшего значения.

– Все равно, я хочу знать. Что это за расспросы про Пи Пи? Почему бы вам не спросить его самого, черт возьми?! Можно подумать, мы живем в полицейском государстве! – выпалил Бимбо,

раздраженно глядя на Аллейна.

– Мистер Доддс, все контакты с мистером Пириодом за последние несколько часов имеют важное значение, поскольку сегодня вечером, около одиннадцати часов, его пытались убить.

Существует не так много способов, которыми люди умеют выражать свои эмоции. Они могут расплакаться или оцепенеть, покраснеть или побледнеть, напустить на себя туманный вид или попросту сесть и разинуть рот. Дезире и Бимбо сделали именно последнее.

Через какое-то время леди Бантлинг воскликнула:

– Не может быть!

Бимбо почти одновременно выдохнул:

– Это невозможно!

– Напротив, – возразил Аллейн, – возможно и, увы, вполне реально.

– Пытались убить, – эхом повторил Бимбо. – Как? Зачем?

– Бронзовым пресс-папье. Вероятно, – Аллейн повернулся к Дезире, – это произошло из-за того, что вы рассказали ему про письмо, которое он по ошибке прислал вам и которое вы отдали мне.

III

Аллейн смотрел на нее, не отрывая взгляда. «Ты и глазом не моргнула, девочка моя, – подумал он. – Даже если я здорово тебя задел, ты никогда не подашь виду».

– Вряд ли, – спокойно возразила леди Бантлинг.

– Постойте! – встrepенулась Конни. – Так ты тоже получила от него странное письмо? Но... что все это значит?

– Больше того, я тебе не верю, – сказала Дезире Аллейну.

– Вы не имеете права бросать такие обвинения! – возмущенно воскликнул Бимбо. – Говорить людям, что они виноваты в каких-то покушениях, и при этом ничего не объяснять... Какие у вас доказательства?

– Поскольку вред уже причинен, – заметил Аллейн, – я могу привести очень много доказательств.

– Весьма любезно с вашей стороны! Но какое отношение Дезире имеет...

Аллейн перебил:

– Прямо или косвенно, вы все в этом замешаны. – Он сделал небольшую паузу. Никто не отреагировал, и детектив продолжал: – Я не особенно рассчитываю на то, что вы честно и откровенно ответите на мои вопросы, но мой долг вам их задать.

– Почему не ответим? – запротестовала Конни. – Не понимаю, с чего вы так решили. Бойзи часто говорил, что в делах об убийстве виновному нечего бояться. Он всегда так говорил. Я хотела сказать: невиновному, – торопливо поправилась она. – Ну, вы поняли, о чем я.

– Он был абсолютно прав. И если уж мы установили эту истину, почему бы нам не пойти дальше? Итак. Вчера за обедом мистер Картелл рассказал историю о человеке, который подделал запись в книге о крещениях, чтобы породниться с неким знатным семейством. Те из вас, кто там присутствовал, обратили внимание, что мистера Пириода сильно расстроила эта история. Вы согласны?

– Мне показалось, что Пи Пи ведет себя чертовски странно, – кивнула Конни. – Вид у него был такой, словно он готов наброситься на Бойзи с ножом.

Моппет, уже совсем успокоившись, добавила:

– По-моему, Пи Пи испугался, как бы дядя Хэл не рассказал все до конца. Он смотрел на него так, словно хотел убить. Не поймите меня неправильно.

– В любом случае, – подытожил Аллейн, – мистера Пириода очень взволновал этот эпизод. Он написал короткое и довольно туманное письмо мисс Картелл, заявив, что его родословная простирается достаточно далеко в прошлое, чтобы это могло удовлетворить кого угодно, и извинился за то, что затрагивает данную тему. В то же время он сочинил письмо с соболезнованиями леди Бантлинг. К сожалению, при отправке он перепутал конверты.

– Как он себя чувствует? – вдруг спросила Дезире. Аллейн объяснил, и она добавила: – Если нужно, мы можем взять его к себе.

Бимбо хотел что-то сказать, но передумал.

– Так вот, эта несчастная история с письмом, – вернулся к своему рассказу Аллейн, – повергла его в настоящую панику. С одной стороны, он выразил соболезнования мисс Картелл еще до того, как она понесла утрату, а с другой – готов был отдать все на свете, чтобы вернуть назад послание, отправленное леди Бантлинг, особенно когда оно попало в мои руки. До тех пор пока это письмо оставалось неизвестным, мистер Пириод избегал давать любые показания, которые могли привести к аресту убийцы мистера Картелла. Он боялся, во-первых, что может навлечь подозрения на невиновного, а во-вторых, что это приведет к разоблачению его собственных поступков, на которые завуалированно намекнул мистер Картелл. Из чего, по всей видимости, следует, что он не убивал мистера Картелла.

– Разумеется, не убивал! – воскликнула Дезире. – Господи, помилуй! Пи Пи!

– Откуда тебе знать, – буркнул Бимбо, бросив на нее угрюмый взгляд. – Когда речь заходит о таких вещах, он готов на что угодно.

– Убить Хэла, чтобы спасти свое лицо! Это уж слишком, милый!

– Ты не знаешь, – упрямо повторил Бимбо. – Он на все способен.

– Предположим, – продолжал Аллейн, – что сам он этого не делал, но у него были улики, которые могли бросить подозрения на кого-то другого. Допустим, это был его старый друг, и он молчал, чтобы не опорочить его имя и заодно не разоблачить самого себя. Но потом он узнал, что я в курсе истории с крещением и что в мои руки попало письмо, которое касалось этой темы. Вполне возможно, до него дошли слухи, что днем я ездил в риблторпскую церковь. Мистер Пириод понял, что обман раскрыт. Соккрытие улик отягощало его совесть, и он послал своего человека к вам, мисс Ралстон, попросив прийти к нему домой. Поскольку встреча была тайной, он назначил ее на поздний час. Обсудив ситуацию с мистером Лейссом (в чем я не сомневаюсь), вы разработали план. Без четверти одиннадцать вы пересекли лужайку и встретились с мистером Пириодом в его библиотеке.

– Все это только домыслы, – возразила Моппет. – Вы ничего не знаете.

– Вы вошли в библиотеку через балкон. Во время разговора вы курили и придавили пепел каблук. В пепельнице осталось два окурка сигарет «Мэнсейлс». Мистер Пириод рассказал, что слышал, как поздно ночью кто-то насвистывал на лужайке, и узнал мелодию. Вы и мистер Лейсс хорошо знали план сада. Это подтверждает история с кражей портсигара мистера Пириода...

– Чистая фантастика, – вмешался Леонард. – Вы сами не понимаете, что говорите.

– ...который вы, мистер Лейсс, оставили на подоконнике и открыли окно, чтобы забрать его позднее. Потом, видимо, сообразив, что дело слишком рискованно, вы выбросили его в канаву, надеясь внушить всем мысль, что мистер Пириод сам потерял портсигар или его украли рабочие, а затем спрятали в траншее. Возможно, впрочем, что вы случайно обронили его в тот момент, когда передвигали доски мостика, чтобы убить мистера Пириода.

Аллейн выдержал паузу. Ни лице Леонарда появилось знакомое суперинтенданту нахальное и презрительное выражение. Лейсс откинулся на спинку кресла, вытянул ноги и, прищурившись, уставился в противоположную стену. Воротник его рубашки был расстегнут, руки он держал в карманах брюк.

Конни пробормотала:

– Это неправда. Такого не может быть.

Моппет повторила шепотом:

– Это неправда.

– Что до вышеупомянутой ночной беседы, – продолжал Аллейн, – не сомневаюсь, что мистер Пириод, когда ему станет лучше, расскажет о ней во всех подробностях. Скорее всего он прямо изложил мисс Ралстон свои подозрения, попросил разъяснить и пообещал, что будет держать рот на замке ради мисс Картелл. Мисс Ралстон призналась, что это она свистела ночью под окном, и объяснила, что возвращалась домой с вечерники и заглянула в его сад, чтобы взять воды для радиатора в машине мистера Лейсса, где образовалась течь. Судя по всему, так и было на самом деле.

– Именно так! – воскликнула Моппет. – Я взяла воду и потом вернула это чертово ведро. Оно стояло под краном.

– Когда вы взяли с подоконника портсигар мистера Пириода?

– Фантастика! – повторил Леонард. – Чистая фантастика!

– Что ж, прекрасно, – кивнул Аллейн. – Поговорим о фантастике.

– А можно мне задать один маленький вопрос? – вмешалась Дезире.

– Давайте.

– Я правильно поняла: тот, кто швырнул эту рыбу, устроил и ловушку для Хэла?

– Рыбу? – с невинным видом переспросил Леонард. – Кто тут говорил о рыбе?

Дезире пропустила его слова мимо ушей. Она смотрела только на Аллейна.

– Я хочу знать. Я дала эту вещицу Пи Пи вчера утром. Он помешан на Пайках, а эта вещица была как раз кстати. Потом Пи Пи отнес ее в библиотеку и... Так ты ответишь на мой вопрос?

– Я считаю, что убийца и человек, бросивший пресс-папье, – одно и то же лицо.

– Отлично! – кивнула Дезире. – Значит, мы с Бимбо вне игры.

– Рад это слышать, – со смешком отозвался ее муж. – А почему?

– Потому что у нас нет никаких причин причинять вред Пи Пи.

– Кажется, он отвечает за наследство Эндрю Бантлинга, – заметил Леонард, ни на кого не глядя.

Дезире повернула голову и посмотрела ему в глаза:

– И что?

– Просто размышляю вслух, леди Бантлинг. Вы, случайно, не обсуждали эту тему, когда заезжали к нему вечером?

Бимбо раздраженно буркнул:

– Не понимаю, какое это имеет отношение к вам и как вы вообще могли об этом узнать?

– Да вот узнал, представьте себе. Слышал, как вы болтали об этом на вечеринке со своим пижоном-пасынком.

– Однако! – воскликнул Бимбо и отвел глаза.

Дезире повернулась к Аллейну:

– Я уже все объяснила. Я заехала к Пи Пи сказать, что отдала тебе письмо, которое он мне прислал. Меня мучила совесть, и я решила сбросить с себя этот груз.

– Как он отнесся к предложению о покупке галереи Грэнтема?

– Ворчал, как всегда, – спокойно ответила Дезире.

– Конечно, он не будет против, – заверил Бимбо.

– Минуточку! – вмешался Леонард. Он по-прежнему сидел, откинувшись в кресле и глядя на потолок, но в его голосе появились жесткие нотки. – Если вы говорите о покупке картинной галереи, я абсолютно уверен, что мистер Пириод был решительно против.

Бимбо фыркнул.

– Вы в первый раз встретили мистера Пириода на обеде у него дома. Откуда вам знать, что он думал и о чем?

– Совсем не обязательно знать человека всю жизнь, чтобы быть в курсе кое-каких деталей, – возразил Леонард. – Кстати, то же самое относится и к вам, приятель. Как насчет того дельца с ночным клубом?

– Ах ты, мерзкий заморыш!..

– Все в порядке, милый, – остановила его Дезире. – Остынь. Это не важно.

– Ну да, когда женишься на деньгах, – усмехнулся Леонард.

Бимбо в бешенстве шагнул к нему:

– Клянусь Богом, если с тобой не разберется полиция, я сделаю это сам!

Фокс выступил вперед.

– Сядьте, сэр, – посоветовал он вежливо. – Горячка нам ни к чему.

– Прочь с дороги! – зарычал Бимбо.

Леонард вскочил на ноги. Моппет вцепилась в его локоть. Он грубо ее оттолкнул, быстро отступил назад и сунул руку в карман.

Через мгновение Аллейн оказался сзади и схватил его за руки.

– Вы забыли, что ваш нож у меня.

Леонард прорычал какое-то ругательство, и в следующий момент Фокс, не сделав ни одного лишнего движения, заставил его сесть обратно в кресло.

– Так-то лучше, сэр, – сказал инспектор. – Ни к чему горячиться, правда? Учитывая обстоятельства.

Бимбо выругался.

– Я требую, – заявил он, тыча в Аллейна забинтованной рукой, – объяснений! Вы не имеете права нас здесь держать. Все, что я тут слышу, – это наглая, злобная и опасная ложь. Если вы кого-то из

нас подозреваете, я требую, чтобы вы прямо сказали: кого и почему. Говорите!

– Вполне справедливо, – кивнула Дезире. – Ты выходишь за рамки полномочий, друг мой. К тому же, – добавила она, глядя Аллейну в лицо, – я не думаю, что ты что-то знаешь. Ты просто идешь напролом, надеясь, что кто-то не выдержит и проболтается. Я права, Рори?

Аллейн понимал, к чему она ведет. Дезире хотела внушить ему чувство, что говорит на одном с ним языке, что только они двое во всей этой компании могут без труда понять друг друга.

– Нет. Ничего подобного. Я действительно знаю, кто убил Гарольда Картелла. Лишь один из вас подходит по всем статьям. Все, что мне нужно, – это собрать как можно больше доказательств.

– Я требую... – снова начал Бимбо, но жена его одернула:

– Все в порядке, милый. Ты требуешь объяснений, и я уверена, что ты их получишь. Не кипятись. – Дезире повернулась к Аллейну: – Ты хочешь сказать, что у каждого из нас были веские мотивы избавиться от Хэла? Пожалуй, что так оно и есть.

– На самом деле полицию волнуют не столько мотивы, сколько возможности и факты. Но мотивы действительно были у всех. Например, у вас – такое замечательное чувство, как материнская любовь.

– Вот оно что, – хмыкнула Дезире.

– Ради Бога! – начал было Бимбо, но Аллейн не дал ему договорить:

– А вы хотели вложить деньги в проект, который мистер Картелл никогда бы не одобрил. Что было весьма разумно, если учесть ваш послужной список и пачку неоплаченных счетов на вашем письменном столе.

– Ну что, приятель, – усмехнулся Леонард, подмигнув Бимбо, – это собьет с тебя немного спеси?

– Что касается вас, мистер Лейсс, – повернулся к нему Аллейн, – и вас, мисс Ралстон, то мистер Картелл и, возможно, мистер Пириод прямо угрожали вам уголовным преследованием, которое почти наверняка привело бы вас в тюрьму.

– Нет! – воскликнула Конни.

– Разумеется, ту же угрозу можно считать и вашим мотивом, мисс Картелл. Что касается отсутствующих здесь Альфреда Белта и миссис Митчел, им очень хотелось покончить с арендой дома мистером Картеллом, присутствие которого стало для них невыносимым. А убийства часто совершались и по менее основательным причинам.

Он мысленно поморщился, когда последнее замечание было встречено с плохо скрытым одобрением.

Леонард даже поддакнул:

– Да, верно, верно.

Моппет, нервно облизнув губы, кивнула.

– Но я хочу повторить, – продолжал Аллейн, – что нас больше волнуют возможности и факты. Если говорить о возможности, то так или иначе она была у всех. Мистер Лейсс и мисс Ралстон оказались ночью недалеко от места преступления. Они украли портсигар, который нашли возле тела убитого. Ловушку устроил человек в кожаных перчатках со шнуровкой, а мистер Лейсс потерял именно такие перчатки.

Леонард и Моппет одновременно стали что-то говорить, но Аллейн поднял руку, и они умолкли.

– С другой стороны, если посмотреть на их поступки, они совсем не вяжутся с этой версией. Если бы мистер Лейсс и мисс Ралстон действительно задумали убить мистера Картелла, то вряд ли стали бы афишировать свое присутствие, насвистывая под окном мистера Пириода.

Моппет издала какой-то подавленный всхлип, выражавший, судя во всему, облегчение.

– У леди Бантлинг также была возможность, и она хорошо знала местность. Леди Бантлинг могла сдвинуть доски, но ясно, что она этого не сделала: мистер Бантлинг и мисс Мэйтленд-Майн видели, как она возвращалась по мостику к своей машине. Кроме того, леди Бантлинг тоже обнаружила свое присутствие, устроив в саду серенаду мистеру Картеллу. Ее поступки не похожи на поведение одержимой матери, готовой убить ради своего ребенка.

– Как мило с твоей стороны, – пробормотала Дезире.

– И потом она прекрасно понимала, что ее сын вполне может раздобыть нужную сумму с помощью страховки или под залог грядущего наследства. Это сводит ее мотивы просто к личной неприязни. То же самое можно сказать о мистере Бантлинге.

– И обо мне, – быстро вставил Бимбо.

Аллейн покачал головой:

– В вашем случае есть кое-что другое. Я уже говорил, что мотивы – не самое главное. Но я как раз хотел сказать о вас. Возможностей у вас было предостаточно. Вы уходили в ванную, где, по вашим словам, провели много времени, занимаясь своей рукой. Этого было вполне достаточно, чтобы вернуться к траншее и устроить там ловушку. Нет, не перебивайте. Я знаю, что вас укусили. Это ничего не доказывает. Далее, вы говорили, что отдали мистериу Лейссу его пальто. Перчатки были в кармане?

– Откуда мне знать, черт возьми! Я не роюсь в чужих карманах! – Бимбо смертельно побледнел.

– К сожалению, мы не можем проверить это заявление. В любом случае если вы и леди Бантлинг рассказали правду о том, что делали сегодня вечером, то вы, мистер Доддс, никак не могли швырнуть пресс-папье в голову мистера Пириода. Разве что, – добавил Аллейн холодно, – погоня за собакой привела вас в его сад.

– Такое могло быть, – кивнула Дезире, – но этого не было. Бимбо все время оставался у меня на виду.

– Что ж, если так, нам придется сделать неизбежный вывод.

Суперинтендант замолчал, и в глубокой тишине стали слышны легкие звуки, наполнявшие комнату: шорох карандаша по бумаге и тяжелое дыхание Фокса, скрип ногтей по подлокотникам кресла, где сидела Моппет, и еще какой-то едва заметный механический стук в глубине дома.

Наконец Аллейн продолжил:

– Остается только один человек, у которого были и возможность, и мотив совершить убийство. Этот человек отвечает всем необходимым условиям: он знал распорядок дня мистера Картелла, предвидел, что к часу ночи все гости уедут с места преступления, и мог завладеть перчатками мистера Лейсса. Это что касается возможности. Теперь о поведении. Наши реакции довольно предсказуемы. Всем известно пристрастие мистера Пириода к соболезнующим письмам: это его конек. Представьте, что вы получили от него письмо, составленное в несколько туманных выражениях, но недвусмысленно утешающее вас в потере человека, которого вы накануне вечером видели в добром здравии. Что бы вы подумали? Что он сошел с ума или отправил вам не то письмо. Наверно, в первый момент вы испытали бы шок, но потом смогли бы все обдумать и прийти в себя. Вы не стали бы бросаться в чужой дом, чтобы узнать правду, и затем, встретив растерянного мистера Пириода, смертельно бледнеть и терять сознание. Ну а если бы вы убили человека, о котором сказано в письме, какова бы была ваша реакция? Предположим, что вы проснулись утром, терзаемые совершенным преступлением, и тут вам приносят это письмо. Предположим, что в тот момент, когда вас допрашивает полиция, вам приносят второе письмо, практически аналогичное первому. Разве все это не показалось бы вам каким-то кошмаром? И разве вам не пришло бы в голову, что мистер Пириод знает о том, что вы сделали, и издевается над вами таким способом? Как бы вы тогда поступили?

Конни Картелл вскочила на ноги. Ее обветренная рука в бинтовой повязке широко рассекла воздух.

– Вы не можете это доказать! – воскликнула она. – У вас нет перчаток.

Из глубины сада донесся какой-то невнятный шум. Послышался раздраженный возглас, потом крик боли. Пекинес выскочил из объятий Конни.

О балконную дверь ударилось чье-то тело. Через миг она распахнулась настежь, и в нее влетела взбудораженная Пикси с каким-то темным предметом в зубах. Следом за ней появился Альфред Белт.

Аллейн крикнул:

– Закройте дверь!

Альфред быстро закрыл балкон и остановился перед ним, тяжело дыша.

С ловкостью опытных укротителей Фокс и Аллейн схватили, соответственно, Ли и Пикси. Суперинтендант сунул большие пальцы в уголки ее слюнявого рта. Пикси разжала зубы и выронила на пол свою игрушку.

Альфред, с трудом переводя дух, сообщил:

– В саду, сэ. Рылась в земле. Откопала это.

Моппет вскрикнула:

– Ленни! Ленни! Смотри! Твои перчатки!

Аллейн повернулся к Бимбо:

- Уведите собаку.
- Ни за что на свете.
- Давайте я, – предложила Трудя.

Она потащила Пикси из комнаты.

Аллейн наклонился, поднял перчатки и стал их разворачивать. Кожа на ладонях порвалась, из дырчатых задников торчали нитки. Большой палец на левой перчатке побурел от крови. Он начал выворачивать их наизнанку. И тогда Конни Картелл громко закричала.

Это был жуткий пронзительный крик, больше похожий на вопль животного. На мгновение она застыла с открытым ртом, напоминая живую маску ярости. Потом бросилась вперед, а когда Фокс преградил ей путь, закричала снова.

В большом пальце застрял кусок почерневшей и окровавленной ваты, от которой пахло лошадиной мазью.

Ледниковый Период

Мистер Персиваль Пайк Период лежал на диване в своей библиотеке и ел заливное из телячьих ножек, поглядывая на Аллейна, Эндрю и Николая. Он только что уговорил доктора Электрона позволить ему спуститься вниз. Несмотря на слабость, вид у него был почти довольный.

– Все это так ужасно, – вздохнул он. – Просто невыносимо. Конни! Нет, конечно, я слышал, что на охоте ей нет равных, но в глубине души всегда считал ее одной из тех вздорных женщин, которые постоянно то кричат, то смеются. Да еще и не особо умной.

– Она действительно чудовищно глупа, – согласился Аллейн, – что не мешает ей быть довольно хитрой.

– И все из-за этой скверной девчонки! Боюсь, отчасти я сам ее спровоцировал, устроив встречу с Моппет, – признался мистер Период. – Дело в том, мой любезный друг, что, проснувшись той ужасной ночью, я услышал, как кто-то насвистывал снаружи. И еще два голоса: ее и этого ужасного молодого человека. А когда вы рассказали о том, что произошло, я подумал, что они замешаны в случившемся.

– Но решили мне об этом не говорить? – уточнил Аллейн.

Мистер Период покраснел.

– Да, по нескольким причинам. Понимаете... если бы все это оказалось только глупой шуткой... то последствия... я имею в виду для Конни... они были бы ужасны. Бедная Конни! И потом я должен признаться...

– Вы боялись гласности?

– Да, – прошептал мистер Период. – Боялся. Мне так жаль... Но... есть одна личная проблема... – Он замолчал и махнул рукой.

– Я знаю про историю с приходской книгой, – мягко вставил Аллейн.

Лицо мистера Периода стало пунцовым, но он ничего не сказал.

Аллейн взглянул на Эндрю и Николая:

– Думаю, мне надо обменяться парой слов...

– Конечно, – ответили они дружно и направились к двери.

– Нет, нет! – крикнул мистер Период.

Они обернулись. Его щеки по-прежнему пылали, а лоб наморщился, словно в ожидании удара.

– Нет, – повторил он. – Не уходите. Я сдаюсь. Если уж надо испить чашу позора, я могу сделать это сейчас. Моя няня, – добавил мистер Период с горькой иронией, – была шотландкой. Так что останьтесь, прошу вас. Николая, вы были на обеде и слышали весь разговор, не так ли? Про подделанные записи в приходской книге? Вы все поняли, правда?

– Да.

– И точка. Но я подозреваю, что Хэл рассказал об этом Конни, а она – своей девице, и... если бы я... В общем, когда мы встретились, она стала мне угрожать...

– Вот дрянь! – в сердцах бросила Николая.

– Более того! Я уверен, они собирались меня шантажировать. Но потом приехала дорогая Дезире и сообщила, что передала Аллейну то несчастное письмо, и я...

Мистер Период запнулся, и суперинтендант продолжил его мысль:

– Вы решили, что вам нечего терять?

– Именно! Именно!

– Значит, вы сказали Моппет, что если она не объяснит своего присутствия на лужайке, вы обратитесь в полицию?

– Да. Я сказал, что это мой долг, поскольку могут пострадать невинные люди. И тогда она стала мне угрожать... что придаст гласности... Не важно! Она вела себя так грубо, что у меня не выдержали нервы. Я сказал, что позвоню немедленно. Я почти крикнул ей это в лицо, и она ушла. Тогда я действительно стал звонить, и... дальше я ничего не помню.

– А дальше произошло вот что, – подхватил Аллейн. – Констанс Картелл, гонимая за своим пекинесом, забежала в ваш сад. Очевидно, она видела, как ее подопечная выскочила через балкон. И слышала ваши угрозы. А поскольку вы еще раньше перепугали ее насмерть...

– Кто? Мистер Пириод? – перебила Николая. – Но чем?

– Двумя одинаковыми письмами с соблазнами, – ответил ей Аллейн и вновь повернулся к мистеру Пириоду. – Мисс Картелл решила, что вы ее подозреваете. Я думаю, она нарочно показала мне второе письмо, надеясь, что это подвергнет сомнению все, что вы можете о ней рассказать, и, наоборот, бросит тень на вас.

– Какое коварство! – пробормотал мистер Пириод.

– Она услышала, как вы пригрозили позвонить в полицию. Подойдя к телефону, вы оказались спиной к балкону. Пресс-папье лежало на столе, прямо под рукой мисс Картелл. Потеряв голову от ярости и страха за себя и за свою питомицу, она швырнула им в вас и убежала. Всеми ее поступками руководила непомерная и безудержная страсть к этой испорченной девчонке. Ее брат угрожал обвинить Мэри в воровстве, поэтому Конни взяла перчатки мистера Лейсса, которые попались ей под руку где-то дома, и устроила мистеру Картеллу ловушку. Потом, поскольку перчатки порвались и испачкались в мази, которой она лечила руку, она закопала их в своем саду, чтобы сжечь на следующий день. Но когда она бросала пресс-папье, перчаток на ней не было. Мы нашли на нем отпечатки ее пальцев.

– Но... – начала было Николая и остановилась. – Ну да, конечно.

– Что «конечно»?

– Просто я вспомнила. Там в любом случае должны быть ее отпечатки, потому что за обедом пресс-папье ходило по рукам.

– Любопытно, учла ли она эту деталь, – задумался Аллейн. Он вновь повернулся к мистеру Пириоду. – Вы пережили трудное время, – сказал он. – Возможно, последствия и дальше будут весьма печальными. Но в том, что касается ваших личных дел, они никогда не станут достоянием публики.

Мистер Пириод попытался что-то произнести, но у него даже ничего не получилось. Наконец он с трудом проговорил:

– Вы очень добры. Слишком добры. Я вам безумно благодарен.

Аллейн пожал ему руку и вышел из комнаты. Николая и Эндрю отправились его провожать.

– Мне давно хотелось увидеть, какой вы в деле, – сказала Николая. – Теперь я знаю. Должна признаться, это впечатляет.

– Я вот тут подумал, – заметил Эндрю, – вы меня подозревали?

– Вас? – Аллейн посмотрел на них и улыбнулся. – Сомневаюсь, что вы согласились бы оставить Николая даже на несколько минут. И будь я проклят, если скажу об этой истории еще хоть слово. Прощайте оба. – Он прошел несколько шагов по дорожке и обернулся. – Кстати, я говорил с Трой. Кажется, она мечтает заполучить вас в ученики. Я редко видел в ней такой энтузиазм. Поздравляю.

Аллейн помахал им рукой и ушел.

Николя посмотрела на Эндрю:

– И я тебя поздравляю.

– Милая... – начал он взволнованно, но девушка сделала шаг назад.

– Нет, нет. Не сейчас. Пока нет. Подождем. Мне надо вернуться к мистеру Пириоду, – произнесла она торопливо.

– Я вас люблю. Что вы на это скажете?

– Это чудесно! – выпалила она и побежала к дому.

Мистер Пириод сидел с задумчивым видом человека, который принял какое-то решение.

– Николая, дорогуша, – произнес он немного неуверенно, – я тут подумал и решил, что все-таки должен рассказать об этом деле... во избежание, так сказать, недоразумений. Прежний настоятель в Рибблторпе был милейший человек, но немного эксцентричный. Между прочим, это он меня крестил. Но представьте, забыл вписать мое имя в приходскую книгу! Я действительно был близнецом. Со временем бедняга совсем выжил из ума, и когда ошибка обнаружилась, мне полезли в голову всякие мысли и я подумал, что должен взять дело в свои руки. Тогда мне казалось: это самый лучший выход. – Мистер Пириод посмотрел ей в глаза. Потом он издал смешок. – Но мы не будем писать об этом в книге.

– Нет?

– Нет, – твердо произнес мистер Пириод. – И точка.